В.А. Ладов

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. Ладов

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

УДК 316.42:35
ББК 87.5
Л15

Рецензенты:

доктор философских наук *В.В. Целищев*
доктор философских наук *Е.А. Найман*

Научный редактор:

доктор философских наук *В.А. Суровцев*

Ладов В.А.
Л15 Формальный реализм. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 132 с.

ISBN 978-5-7511-2007-8

Представлена разработка новой онтологической концепции формального реализма, в рамках которой дано оригинальное решение проблемы реальности в контексте современной аналитической философии.

Для философов, логиков, лингвистов.

УДК 316.42:35
ББК 87.5

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (10-06-00039-а), Совета по грантам Президента РФ (МД-1685.2010.6), РГНФ (11-03-00039-а) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России", мероприятие 1.1., проект "Онтология в современной философии языка" (2009-1.1-303-074-018).

ISBN 978-5-7511-2007-8

© В.А. Ладов, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена разработке новой онтологической концепции формального реализма. Текст поделен на семь разделов, из которых три первых носят пропедевтический, а четыре последующих систематический характер.

Система формального реализма возникает в недрах аналитической философии, которая всегда была ориентирована на логико-семантический анализ языка. Поэтому в первом разделе осуществляется попытка прояснить, в чем заключается специфика именно философского анализа языка, в чем его отличие от научных исследований. Утверждается, что язык как таковой не является главным предметом исследовательского интереса философа. Важнейшими для философского анализа языка по-прежнему остаются классические вопросы онтологии и эпистемологии.

Несмотря на то что онтологические и эпистемологические проблемы теснейшим образом связаны между собой так, что зачастую рассмотрение одних невозможно без рассмотрения других, приоритет все же отдается онтологии. Основанием такого заключения выступает тот факт, что любая эпистемологическая позиция, по сути, уже включает в себя онтологическое воззрение. Онтологический тезис оказывается более фундаментальным. По этой причине система формального реализма в общем виде характеризуется как онтологическая концепция.

Второй раздел посвящен фиксации главной онтологической оппозиции в рамках исследований основной проблемы онтологии – проблемы реальности. Таковой признается оппозиция реализм/антиреализм. Эксплицируются ведущие онтоэпистемологические проекты в истории философии, дается их оценка с точки зрения основной онтологической оппозиции.

Далее проводится корреляция этих онтоэпистемологических проектов с основными видами семантических концепций, и снова

дается оценка теперь уже общих семантических проектов как относящихся либо к реалистскому, либо к антиреалистскому проявлению в онтологии и эпистемологии.

Третий раздел посвящен детальному анализу конкретных и наиболее репрезентативных семантических концепций, представленных в традиции аналитической философии. Каждая из этих концепций на основании заложенных во втором разделе принципов классификации соотносится сначала с той или иной общей исследовательской позицией в семантике, а затем классифицируется в рамках онтологической оппозиции реализм/антиреализм. По результатам проведенного анализа фиксируются общие тенденции развития онтологической проблематики в рамках традиции аналитической философии.

На протяжении первых трех разделов исследование носит нейтральный характер. Оно нацеливается не на апологию или опровержение той или иной позиции, а только на экспликацию существующих подходов и тенденций в рамках обсуждаемых проблем.

Начиная с четвертого раздела исследование приобретает ярко выраженные критические черты. Антиреалистские онтологические проекты признаются несостоятельными. Проводится анализ различных проявлений антиреалистской контраргументации по отношению к выдвигаемым критическим тезисам. Данная аргументация последовательно опровергается. Излагаются основные положения системы формального реализма. Проясняется специфика данной концепции, ее отличие от других видов реалистских теорий в онтологии.

Пятый раздел посвящен сложным вопросам о видах парадоксов, основаниях парадоксальности и обосновании актуальности идей автореферентности и семантически замкнутого языка для рациональной деятельности в целом. Прояснение этих вопросов является необходимым для четкой фиксации логических оснований системы формального реализма.

Наиболее важным средством для утверждения валидности концепции формального реализма при обсуждении проблем семантики и онтологии является критическая аргументация чисто логического характера по отношению к антиреалистским проектам. Однако формальный реализм обладает ресурсами для демонстрации не только логической противоречивости антиреалистского дискурса, но и его эпи-

стемологической нереализуемости. Обсуждение эпистемологической проблематики осуществляется в шестом разделе исследования.

Наконец, седьмой раздел завершает разработку системы формального реализма посредством демонстрации ее эффективного практического применения для решения конкретных онтоэпистемологических проблем в контексте современной аналитической философии.

— I —

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА

§ 1. Философия языка и лингвистика

Язык не является предметом философии языка. Язык является предметом лингвистики – науки о языке. Какое бы место философы и ученые ни отводили языку в деле развития человеческой личности, человеческой культуры, пусть даже было бы раз и навсегда установлено, что ни речевая активность, ни письменность не играют решающего значения для развития мышления и рациональной деятельности в целом, язык при этом все равно не перестал бы быть главным предметом интереса для лингвиста, так же, как почтовая марка никогда не перестала бы быть главным предметом интереса для филателиста, несмотря на то что никто никогда и не пытался отводить ей фундаментальную роль в развитии человечества.

Язык интересует философию «постольку поскольку». Предметом философии всегда были, есть и будут, наиболее фундаментальные темы онтологии и эпистемологии. «Что есть?», «Что я могу знать?» – вот философские вопросы. Язык оказался в поле зрения современной философии только потому, что были высказаны тезисы о фундаментальной роли лингвистического опыта для развития мышления, сознания, рациональной деятельности. За лингвистическим опытом был закреплен трансцендентальный статус, было признано, что он фундирует все сферы познавательной активности человека. Следовательно, и все классические философские вопросы бытия и познания впредь должны рассматриваться через анализ языка. Метод логико-лингвистического анализа должен стать определяющим методом философии, ибо только он позволит вскрыть наиболее глубинные структуры, отвечающие за развитие познавательной активности и рациональной деятельности в целом. В этом состоял пафос так называемого «лингвистического поворота», осуществленного во всех наиболее авторитетных направлениях современной философской мысли: аналитической философии, феноменолого-герменевтической традиции, постструктурализме. Однако если бы в философии

будущего отчетливо зазвучали тезисы о том, что лингвистический опыт не имеет того фундаментального статуса, который был приписан ему в XX веке, то язык тут же перестал бы интересовать философа. И такой гипотетический «антилингвистический поворот» вполне отвечал бы сути философской деятельности.

§ 2. Онтология и эпистемология. Приоритет онтологии

Актуальность приведенного выше тезиса о различии философии языка и лингвистики состоит, на наш взгляд, в том, что он выступает напоминанием, чем, собственно, мы, философы, должны заниматься. Он будет небесполезным для тех, кто, работая в области философии языка, оказывается слишком увлеченным тонкими техническими вопросами логики и лингвистики, за которыми уже теряются контуры того, ради чего эти вопросы обсуждаются.

Философскими вопросами в области философии языка являются вопросы онтологии и эпистемологии. Задача философа языка прояснять, как выбор того или иного воззрения на природу значения языкового выражения, на основные характеристики лингвистического опыта влияет на развитие онтологической и эпистемологической позиций, как интерпретация языка влияет на видение мира, как интерпретация языка определяет видение мира.

При этом онтология имеет приоритет перед эпистемологией. Любая эпистемологическая позиция, по сути, уже имеет под собой онтологическое основание. Скажем, эпистемологическая программа И. Канта[1], несмотря на то что закрепляла за философией роль критики разума, т.е. роль анализа, прояснения структур познания, все равно приводила к онтологическим тезисам: о существовании трансцендентального субъекта, о существовании мира вещей в себе. Радикальные субъективистские эпистемологические программы XX века, такие как философия позднего Л. Витгенштейна[2] или прагматизм Р. Рорти[3], отрицающие осмысленность самого вопроса о реальности самой по себе и, казалось бы, не видящие возможности для

---

[1] *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 8 т. – М., 1994. – Т. 3.

[2] *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы.– М.: Гнозис, 1994.– Ч. 1. – С. 75–319.

[3] *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // The Philosophical Quarterly. 1995. – Vol. 45. – No. 180, Jul. – P. 281–300.

онтологических утверждений в философии, все равно постулируют онтологические положения: в данном случае – положения о существовании не сводимых друг к другу форм жизни, концептуальных каркасов, о множественности культурных образований, имеющих равные «онтологические права», об отсутствии фундаментальной формы жизни и т.д.

Это говорит о том, что несмотря на всю важность эпистемологических исследований, результаты которых порой оказывают решающее влияние на выбор онтологической позиции, фундаментальной категориальной дихотомией все равно будет выступать следующая: язык и мир, семантика и онтология. Вопросы познания значения языкового выражения, как и «зеркальные» им вопросы познания вещей, будут иметь промежуточный характер. Они будут влиять на окончательное решение основного вопроса философии языка, который имеет все же онтологическое измерение: что есть (в качестве значения языкового выражения)?

— II —

ОСНОВНАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ: РЕАЛИЗМ/АНТИРЕАЛИЗМ

§ 1. Реализм versus антиреализм

Поскольку основным вопросом философии языка является онтологический вопрос о том, что есть, постольку наиболее общими воззрениями, которые задают границы исследования в данной области, будут онтоэпистемологические позиции реализма и антиреализма, представляющие диаметрально противоположные ответы на основной вопрос. Термин «онтоэпистемологический» может показаться слишком тяжеловесным. Он может склонять к мнению, что здесь стирается различие между онтологией и эпистемологией[1]. Выше мы уже попытались прояснить нашу позицию, проведя необходимые различия и расставив приоритеты. Тем не менее онтологические и эпистемологические тезисы все же оказываются настолько сопряженными друг с другом, что ограничиваться только наиболее фундаментальным онтологическим уровнем – значит, на наш взгляд, делать исследование неоправданно рафинированным.

В онтологическом измерении позиция реализма состоит в утверждении существования объективной реальности. В эпистемологическом измерении реализм утверждает возможность адекватного познания объективной реальности. Соответственно, программа антиреализма в онтологическом измерении будет отрицать существование объективной реальности и в эпистемологическом измерении будет отрицать возможность ее адекватного познания.

В различных исследовательских проектах в философии можно обнаружить сосуществование реалистской позиции в онтологическом измерении и антиреалистской в эпистемологическом. Например, Д. Локк[2] признавал, что внешний мир существует и воздейству-

---

[1] *Вострикова Е.В.* Реальность значения. Рецензия на книгу В.А. Ладова "Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии (Томск, 2008) // Философия науки. – 2009. – №1 (40) – С. 189.

[2] *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Соч.: В 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

ет на наши органы чувств, но познать, каков мир есть сам по себе, невозможно, ибо все, с чем имеет дело познающий субъект, – это ощущения, которые возникают как результат воздействия объектов на органы чувств. Позиция, подобная этой, неоднократно подвергалась критике в истории философии за ее необоснованность. В частности, скептический тезис Д. Юма[1] о внешнем мире возник как раз как наиболее последовательное продумывание принципов сенсуализма Д. Локка, так же как и субъективный идеализм И. Фихте[2] возник на основании отрицания кантовской «вещи в себе» как неоправданно введенного в эпистемологическое исследование концепта. Очевидно, что и реализм, и антиреализм, чтобы быть последовательными, должны развиваться как в онтологическом, так и в эпистемологическом измерениях.

Для каждой из позиций возможны нюансы. Например, реализм, не теряя последовательности в рассуждениях, может говорить о существовании объективной реальности, о возможности ее адекватного познания, но и о недостаточности эпистемологических ресурсов для окончательного прояснения того, как такое познание осуществляется (таковой и является позиция развиваемого нами формального реализма). В свою очередь, последовательный антиреализм может говорить о невозможности адекватного познания объективной реальности, но при этом смягчать свой онтологический тезис, т.е. говорить не об отрицании существования реальности, а о невозможности признавать это существование в рамках имеющегося опыта (собственно, скептическая позиция Д. Юма именно такова).

Хотя сейчас в наши цели не входит критика антиреализма, тем не менее на основании проведенных различий напрашивается указание на специфическое затруднение антиреалистской позиции, которое в данном контексте может быть высвечено в особом аспекте. Мы сказали выше, что онтологическая проблематика имеет приоритет перед эпистемологической, ввиду того что любая эпистемологическая позиция так или иначе сама репрезентирует определенную онтологию. В таком случае онтология последовательного антиреализма должна состоять в признании объективного существования пози-

---

[1] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1.

[2] *Фихте И.* Сочинения. – М., 1995.

ции, отрицающей признание объективного существования чего-либо. Все это вызывает сомнение в возможности непротиворечивой формулировки антиреалистских тезисов в целом, что, впрочем, не мешает их распространению в современной философии.

С реализмом тоже все оказывается не так просто. Например, позиция научного реализма, ориентированного, прежде всего, на физическую реальность, вряд ли будет принимать тезисы математического реализма, утверждающего объективное существование универсальных сущностей. Реализм, который останавливается на физикализме, можно было бы назвать «умеренным», тогда как для позиции, которая помимо физической реальности признает также и реальность математическую, можно использовать термин «радикальный реализм».

Естественно, что различные трактовки реализма основываются на определенных эпистемологических предпосылках. Одни мыслители делают акцент на чувственный опыт, в котором фиксируются объекты физической реальности, другие говорят о существовании особого опыта интеллектуальной интуиции, в котором субъект познания оказывается способным «схватывать» абстрактные сущности в их целостности. Споры между этими различными позициями уже в рамках реализма по-прежнему не утихают.

§ 2. Семантическое измерение реалистских и антиреалистских программ

Главный вопрос философии языка – это онтологический вопрос. Тем не менее в философии языка ему, разумеется, задается семантическое измерение. Ответить на вопрос «Что есть?» в рамках философии языка – значит ответить на вопрос «Что может претендовать на статус значения языкового выражения?». Попытаемся далее репрезентировать основные способы понимания значения в философии языка, провести их сравнение с известными онтоэпистемологическими позициями в истории философии и, наконец, типологизировать этот материал в соответствии с наиболее общей концептуальной оппозицией реализм/антиреализм, в рамках которой мы решили представить специфику исследований по философии языка в целом.

Достаточно убедительным, чтобы взять его за основу нашей репрезентации способов понимания значения в философии языка,

нам видится тезис, представленный известным немецким философом-аналитиком К.-О. Апелем, который мы примем с небольшими дополнениями. Апель пишет: «Насколько я могу видеть, есть три главные точки зрения, с которых может начаться дискуссия относительно (понимания) значения в аналитической философии. Очень приблизительно они могут быть сосредоточены вокруг ключевых слов конвенция, интенция, и референция к вещам»[1].

Данные термины говорят сами за себя: «конвенция» описывает понимание значения как определенной сущности, задаваемой интерсубъективно в языковом сообществе; «интенция» фиксирует значение в качестве факта внутренней психической жизни субъекта; «референция» подразумевает значение в качестве материального объекта или факта в мире природы. На наш взгляд для полноты картины данной классификации Апеля не достает еще одного звена, которое можно было бы представить с помощью термина «интеллектуальная интуиция». Пусть данный термин описывает «схватывание» – в смысле «Fassen» Г. Фреге[2] – значения в качестве объективной идеальной сущности.

Эти четыре термина и связанные с ними представления о значении языкового выражения в аналитической философии языка вполне отчетливо проецируются на более общие онтологические и эпистемологические концепции в истории философии, отвечающие на вопросы о том, что существует и что мы имеем в качестве базовых данностей в нашем познании.

Референциалистская трактовка значения ассоциируется, прежде всего, с физикалистской онтологией, в соответствии с основными тезисами которой субстратом мира является материя. Мир состоит из материальных объектов, и именно их – здесь возникает и соответствующая эпистемологическая позиция – мы можем фиксировать в опыте познания мира. Соответственно, значением слова выступает сам материальный объект природы, вещь.

Интенционалистская трактовка значения, в смысле, например, П. Грайса[3], наиболее близка онтоэпистемологическим представлени-

---

[1] *Apel K.-O.* Intentions, Conventions, and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and in Analytic Philosophy of Language // Meaning and Understanding / Ed. H. Parret and J. Bouveresse. – Berlin; New York, 1981. – P. 91.

[2] *Фреге Г.* Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.

[3] *Grice P.* Studies in the Way of Words. – Cambridge, Mass, 1989.

ям ментализма – концепции, утверждающей существование психической реальности в качестве приоритетной сферы опыта. В соответствии с ментализмом мы можем выдвигать обоснованные онтологические тезисы только относительно фактов психической жизни субъекта. Понятно, что значением слова здесь могут выступать только определенные психические переживания – ощущение, впечатление, намерение и т.д., которые подразумеваются агентом речи при произнесении выражений языка.

Конвенционалистская трактовка значения иллюстрирует наиболее распространенную в современной философии онтоэпистемологическую позицию когерентизма. Здесь утверждается существование специфических интерсубъективных сущностей, которые порождаются внутри того или иного социокультурного, исторического, лингвистического сообщества. Когерентизм отвергает как ментализм, настаивая на том, что значения не находятся в голове говорящего, не являются собственностью психики субъекта, так и физикализм, заявляя, что объективный мир закрыт для познания человека. Значением с точки зрения когерентизма выступает некая промежуточная сущность, не относящаяся ни к психическому, ни к физическому миру. Значение рождается в интерсубъективной коммуникации.

Наконец, универсалистская трактовка значения, где в ходу такие термины, как «интеллектуальная интуиция», «схватывание идеальной сущности», представляет хорошо известную классическую онтологию платонизма. Платоники утверждают существование объективных идеальных сущностей – универсалий – и возможность их адекватного познания человеческим разумом посредством интеллектуальной интуиции. В аналитической философии самым известным носителем этих взглядов был Г. Фреге. С точки зрения платонизма значением слова выступает неразрушимая течением времени, непостоянством психики познающего субъекта, существующая независимо от него абстрактная сущность – смысл, мысль, понятие, идея.

Теперь, если мы подведем указанные онтологические позиции, связанные с представлениями о значении, под более общую категориальную оппозицию реализм/антиреализм, то получим окончательную типологизацию различных вариантов теории значения относительно онтологических программ.

В соответствии с заданными определениями реализма и антиреализма мы можем утверждать, что физикалистская позиция соответ-

ствует онтологической программе реализма, ибо здесь утверждается существование объективной, независимой от познающего субъекта материальной субстанции, являющейся основой всех вещей и событий в мире. Ментализм подпадает под антиреалистскую онтологию, поскольку здесь говорится только о существовании фактов психической жизни субъекта мышления, ни о каком реальном мире речи не идет.

Когерентистская позиция более сложна для типологизации. Когерентизм «более реалистичен», нежели ментализм, ибо утверждает существование особых смысловых сущностей, которые не сводятся к процессам, происходящим в психике субъекта. Эти сущности возникают и присутствуют как некие объективные предметности в процессе коммуникации. Кроме того, характеристика объективности дополняется здесь признаком идеальности, поскольку данные сущности не сводятся к физическим объектам мира природы. Все это, казалось бы, роднит когерентистскую позицию с платонизмом и реализмом. И тем не менее дальнейший анализ данной онтологической программы показывает, что когерентизм на новом витке онтоэпистемологического исследования все равно оборачивается субъективизмом и принадлежит антиреалистскому направлению. Как только коммуникативное сообщество в целом рассматривается как единый эпистемологический субъект, становится понятным, что когерентные сущности, порождаемые в коммуникации, оказываются аналогичными психическим феноменам ментализма, ибо они имеют такие же субъективистские черты. Когерентизм ничего не говорит об объективном мире. Напротив, здесь утверждается существование различных, не сводимых друг к другу коммуникативных пространств, каждое из которых имеет свою собственную «ткань» смыслов. Это – ярко выраженный релятивистский тезис, характерный для антиреалистской онтоэпистемологической программы.

Наконец, онтология объективного идеализма (платонизма). С точки зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, платонизм будет выражать антиреалистскую установку. Однако если переходить от умеренного (научного) к наиболее полному, радикальному реализму, признающему, помимо физического мира, существование объективных абстрактных сущностей в мире метафизическом, то платонизм, конечно же, будет с полным правом охарактеризован как проявление реалистской онтологической позиции.

В результате мы имеем следующую типологизацию семантических проектов в философии языка в их корреляции с основной категориальной оппозицией онтологии: референциалистская семантика репрезентирует реализм; интенционалистская семантика – антиреализм; конвенционалистская семантика – антиреализм; универсалистская семантика – реализм.

III

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Семантические проекты аналитической философии в контексте онтологической проблематики

Теперь обратимся к типологизации конкретных семантических концепций в конкретной философской традиции – аналитической философии. Мы попытаемся, во-первых, показать, к каким общим семантическим типам, сформулированным выше, относятся те или иные концепции, и во-вторых, связать их с основополагающими онтоэпистемологическими позициями, чтобы зафиксировать общие тенденции развития исконно философской (онтологической и эпистемологической) проблематики в аналитической традиции XX века.

Данная типологизация не претендует на полноту, скорее, она выступает именно примером того, как это в принципе можно делать. Она задает направление и метод историко-философского исследования. Проведение таких исследований актуально как для истории философии языка в целом, так и для аналитической традиции в частности, ибо на настоящий момент можно констатировать недостаток масштабных разработок, которые бы пытались рассмотреть в целостности и подвести итог развитию семантических теорий в философии языка XX века. Возможно, это вызвано еще недостаточной исторической дистанцией, не позволяющей взглянуть на феномен в целом, но, так или иначе, по сравнению с огромным массивом литературы, посвященной конкретным проектам в области теории значения, масштабных обобщающих исследований по этой проблематике очень мало.

§ 2. Теория смысла Г. Фреге

На самом же первом этапе наша типологизация сталкивается с проблемой. Интерпретировать семантическую теорию Г. Фреге – основателя аналитической традиции – оказывается делом непростым ввиду амбивалентности его позиции. С одной стороны, значением имени Фреге признает предмет, конкретную вещь, и пото-

му может быть рассмотрен, во-первых, как представитель референциалистской семантики, и во-вторых, как сторонник реализма в онтологии. С другой стороны, главной спецификой семантической концепции Фреге является введение особого элемента – смысла, занимающего промежуточное (медиальное) положение между именем и предметом.

Введение в семантику такого элемента, как смысл знака, Фреге понадобилось для того, чтобы разрешить так называемую загадку тождества – так именуют некоторые современные аналитики ту проблему, с которой столкнулся немецкий логик[1]. Суть проблемы сводится к следующему. Предположим, что a и b – имена одного и того же предмета в мире. Как тогда объяснить тот факт, что мы различаем выражения a = a и a = b? Выражение a = a является тавтологией и не содержит в себе никакой информации, кроме утверждения логического закона тождества предмета самому себе. Выражение a = b явно отлично от предыдущего. Оно призвано нести новую информацию о предмете. Причем если бы различие между выражениями сводилось только к различию между знаками, то a = b также было бы не информативно. Здесь роль бы играл только способ обозначения, зависимый от произвольно применяемой системы знаков. Следовательно, делает вывод Фреге, информативная новизна a = b состоит в том, что это выражение указывает новый способ интерпретации предмета, предмет a может быть понят в качестве b. Эту интерпретацию задает, по Фреге, не «голый» знак, а специфический «медиальный» элемент в познании – смысл.

Введение этого нового элемента объясняет также распространенное явление принятия истинности первого выражения и непринятия второго в так называемых косвенных контекстах. Я вполне убежден, что Венера – это Венера, т. е. что предмет, обозначенный этим именем, тождествен самому себе, но я могу не верить, что Венера – это Вечерняя звезда. Причем я не принимаю последнего утверждения не в силу чисто знакового отличия имен «Венера» и «Вечерняя звезда», а именно в силу той информативной нагрузки, которую несет последнее имя. Я не верю в то, что Венера – это Вечерняя звезда, потому что я обычно видел эту планету на небосклоне по утрам.

---

[1] *Carney J. D., Fitch G.W.* Can Russell Avoid Frege's Sense? // Mind. – 1979. – Vol. LXXXVIII. – №351. – P. 384–39?

Смысл имени, по Фреге, задают развернутые описания, которые приписывают предмету некоторые свойства. Через выражение «Вечерняя звезда» предмет, обозначаемый собственным именем «Венера», получает определенный смысл. Таким образом, «Фреге, как кажется, удерживал что-то подобное той точке зрения, что каждое собственное имя является 'свернутой' [truncated] дескрипцией»[1]. Эта дескрипция имеет значение – тот предмет, о котором идет речь, и смысл – определенный способ интерпретации, понимания этого предмета.

Фреге наделял смысл характеристиками идеальности и внесубъективности, представляя его как особую абстрактную сущность, сходную с теми объектами, с которыми имеют дело точные науки – логика и математика. Данные характеристики смысла и идеалистическая позиция Фреге являются результатом того направления логико-философских исследований, которое получило название «антипсихологизм». Кажется уместным в связи с этим обратится к «антипсихологистической программе» в целом и там обнаружить более подробное описание указанных характеристик.

Движение антипсихологизма возникло в конце XIX – начале XX столетий как реакция на очень распространенные в то время, набирающие силу психологические исследования.

Научная психология ощущала такую уверенность в фундаментальности своего предмета по отношению к предметам всех других наук, в обоснованности своих достижений, что принялась за психологическую интерпретацию даже точных наук – логики и математики, которые всегда стояли особняком от всего комплекса наук о природе и претендовали на аподиктическую очевидность своих положений. Психологизм (наиболее показательны здесь были работы Б. Эрдманна, Ф.А. Ланге, К. Кромана, Г. Гейманса, Т. Липпса, К. Зигварта, Х. Гербарта, В. Лотце) интерпретировал особые идеальные (универсальные) предметности логики и математики в качестве результата определенной психической деятельности субъекта, оперирующего с реальными (индивидуальными) предметностями. Идеальные логические законы были поняты как особое устройство «механизмов» мышления, относящееся к реальному психическому субъекту. Таким образом, вся предметная сфера точных наук попа-

[1] Ibid. – P. 386.

дала в качестве более частного случая в предметную сферу науки более фундаментальной – психологии.

Отстоять независимость предметной сферы точных наук от психологии взялись Г. Фреге и Э. Гуссерль, по крайней мере, именно их исследования стали классическими в этой области. Первенство антипсихологистической аргументации принадлежит Г. Фреге.

Впервые Фреге выдвигает антипсихологистические аргументы в 1884 г. в работе «Основоположения арифметики», где он критикует попытки приписать основному арифметическому понятию «число» характеристику «копии действительности», возникающей в процессе абстрагирования от чувственно-конкретных индивидуальных вещей мира: «Нелепо, чтобы то, что по своей природе чувственно, встречалось в нечувственном. Если мы видим синюю поверхность, то у нас есть своеобразное впечатление, которое соответствует слову 'синий'; мы узнаем его снова, если наблюдаем другую синюю поверхность. Если же мы хотим предположить, что таким же способом при взгляде на треугольник слову 'три' соответствует нечто чувственное, то это же мы должны вновь обнаружить в трех понятиях; нечто нечувственное несло бы в себе нечто чувственное. ...Как же тогда мы знакомимся, скажем, с числом фигур силлогизма, установленного Аристотелем? Разве с помощью глаз? Самое большое – мы видим определенные знаки для фигур силлогизма, а не их сами. Как же мы можем увидеть их число, если сами они остаются невидимыми?»[1]. В результате такой критики и возникает первая положительная характеристика числа – идеальность, противостоящая реальному миру чувственно воспринимаемых вещей.

Также Фреге пытается освободиться и от субъективной психологической характеристики, приписываемой понятию числа: «Если бы двойка была представлением (под представлением Фреге понимает субъективный ментальный образ. – *В.Л.*), то она прежде всего была бы только моей. Представление другого человека уже как таковое является другим. Тогда, пожалуй, мы имели бы много миллионов двоек. Нужно было бы сказать: моя двойка, твоя двойка, какая-то двойка, все двойки. Если предполагать скрытые или неосознанные представления, то тогда были бы также и неосознанные двойки, которые осознавались бы позже. С подрастающими людьми возникали

---

[1] *Фреге Г.* Основоположения арифметики. – Томск: Водолей, 2000. – С. 51.

бы всегда новые двойки, и, кто знает, не изменились бы они в течение тысячелетий так, что 2 x 2 = 5»[1]. Вторая положительная характеристика числа, возникающая из этой критики, – внесубъективность.

Лаконичный итог антипсихологистической аргументации обнаруживается в следующем пассаже: «И мы приходим к выводу, что число не является ни пространственным и физическим, как груда булыжников и орехов у Милля, ни также субъективным, как представления, но является нечувственным и объективным»[2].

Несмотря на то что сам Фреге наделял смысл характеристиками идеальности и внесубъективности и считал его подобным объективным абстрактным сущностям, с которыми имеет дело математик, многие аналитические философы под давлением общих представлений научного реализма расценивали фрегевскую семантику как проявление ментализма, т.е. как утверждение существования неких субъективных ментальных сущностей в мышлении, и потому характеризовали его как антиреалиста. Такую позицию занимает, например, М. Даммит – один из наиболее известных приверженцев фрегевской семантики в современной аналитической философии[3]. Однако были и те, кто понимал реализм в широком смысле, вводя сюда и область объективно существующих абстракций, и в таком случае Фреге представал как адепт универсалистской семантики и снова становился реалистом (уже как платоник).

Наша позиция по этому вопросу такова. Во-первых, мы признаем точку зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, неоправданно сужающей границы реалистской онтологии. И поскольку позиция радикального реализма (включающего не только физическую, но и метафизическую реальность) нам представляется более последовательной, постольку Фреге никаким менталистом и, следовательно, антиреалистом в противовес Даммиту, по нашему мнению, конечно же, не является. В концепции смысла присутствуют ярко выраженные черты универсалистской семантики. При этом из-за слишком существенных онтологических различий двух элементов семантической концепции Фреге – смысла и ре-

---

[1] *Фреге Г.* Основоположения арифметики. – С. 56.

[2] *Там же*. – С. 57.

[3] *Даммит М.* Что такое теория значения? (I) // Логика, онтология, язык. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – С. 93–135.

ферента – по-прежнему остается неясность относительно характеристики его взглядов как относящихся к референциалистскому или же к универсалистскому направлению в семантике. И в данном отношении вопрос, поставленный Е.В. Вострикової в дискуссии по этому поводу[1], является вполне оправданным и актуальным. Однако поскольку и референциалистская, и универсалистская семантики в нашей классификации представляют реалистскую онтологию, постольку указанная проблема, даже при отсутствии на настоящий момент однозначного решения, не препятствует достижению нашей главной цели – типологизации семантических проектов относительно основополагающей онтологической оппозиции. Семантическая концепция Г. Фреге репрезентирует реализм в онтологии.

§ 3. Б. Рассел и ранний Л. Витгенштейн

Следуя примеру У. Куайна[2], представим двух философов *A* и *B*, которые выдвигают противоположные онтологические теории. *A* придерживается экстравагантной онтологической позиции, в рамках которой высказывание «Крылатый конь существует» признается истинным. Онтология *B* основывается на здравом смысле научного мировоззрения, и в ее рамках истинным признается высказывание «Крылатый конь не существует». Несмотря на то, что *B*, казалось бы, говорит более правдоподобные вещи, именно у него возникает серьезное логико-лингвистическое затруднение. У философа *A* проблем нет: он называет некоторый объект и затем в вышеприведенном высказывании подтверждает его существование. Высказывание философа *B* оказывается противоречивым. В нем он указывает с помощью языкового выражения на определенный объект и тут же отрицает его существование.

Преодолеть это затруднение можно с помощью фрегевской трехчленной семантики, указывая на то, что выражение «Крылатый конь» кроме структуры референта имеет еще и структуру смысла. Философ *B* в своем высказывании отрицает существование референта выражения «Крылатый конь», но признает, что оно именует смысл, обладающий идеальными характеристиками. Так удается

---

[1] *Вострикова Е.В.* Цит. изд. – С. 189.

[2] *Куайн У.* О том, что есть // Куайн У. С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 7–23.

избежать противоречия, но зато взамен мы получаем идеалистическую онтологию, утверждающую существование особых абстрактных сущностей, что ведет нас к платонизму.

В теории дескрипций[1] Б. Рассел попытался пройти между «Сциллой и Харибдой»: с одной стороны, разрешить указанное логико-лингвистическое затруднение, с другой – ускользнуть от навязчивого идеализма. Основная мысль расселовской теории состояла в том, что описания объектов, представленные в языке, не должны склонять нас в противовес распространенному мнению, опирающемуся на поверхностный логико-лингвистический анализ, к принятию каких-либо онтологических допущений. На языке можно «просто говорить», не утверждая существования каких-либо сущностей. С помощью инструментария теории дескрипций высказывание «Крылатый конь не существует» можно преобразовать следующим образом: «Речь идет об *x*, который описывается с помощью выражения 'крылатый конь', и нет ни одного объекта а, подпадающего под *x*». В результате такой трансформации, по мысли Рассела, становится ясным, что само употребление в речи выражения «крылатый конь» еще не означает, что за ним должно что-то стоять. Это лишь способ описания некоторой переменной. Онтологическое утверждение происходит только на уровне подстановки на место этой переменной конкретного объекта действительности. Таким образом, Рассел приходит к выводу, что фрегевский смысл является излишней структурой в семантике. Надлежащий логико-лингвис-тический анализ полностью проясняет работу языка, используя лишь двухчленную семантическую конструкцию «знак – референт». Философ *B*, произнося «Крылатый конь не существует», отрицает существование такого объекта в мире, который подпадал бы под заданное в языке описание. Само описание является онтологически ненагруженным, оно не принуждает нас к принятию какого-либо онтологического допущения.

Мы не будем здесь давать критическую оценку и отвечать на вопрос, насколько была удачна расселовская попытка элиминировать медиальный элемент семантической концепции Фреге. Наша задача состоит в том, чтобы сначала вписать расселовскую семантику в произведенную нами общую типологизацию семантических проек-

---

[1] *Рассел. Б.* Об обозначении // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 7–22.

тов, а затем задать ей соответствующее онтологическое измерение в соответствии с основополагающей категориальной оппозицией реализм/антиреализм. Сделать это в данном случае несложно. Рассел разделяет референциалистскую семантику, которой в онтологическом плане в наибольшей степени соответствует позиция физикализма, утверждающего существование конкретных материальных объектов в мире природы.

Таким образом, и Г. Фреге, и Б. Рассел, несмотря на все различия в их концепциях, в нашей типологизации оказываются реалистами, но с одним важным дополнением. Семантика Г. Фреге репрезентирует онтологическую позицию радикального реализма, утверждающего существование как конкретных физических, так и абстрактных метафизических объектов, в то время как семантика Б. Рассела представляет онтологию умеренного или научного реализма, ограничивающего бытие сферой конкретного.

Хотя семантическая концепция раннего Л. Витгенштейна отличается от семантики Б. Рассела, референциалистская позиция расселовского логического атомизма здесь прослеживается весьма отчетливо. Простые объекты (Gegenstanden) реального мира образуют между собой элементарную связь – атомарный факт (Sachverchalt). Этот атомарный факт адекватно изображается элементарной лингвистической картиной-предложением посредством его структуры, коррелятивной структуре факта. Казалось бы, именно расселовские тенденции в отношении непосредственного соединения языка и реального мира достигают здесь своего апогея, тем не менее Витгенштейн вводит в свою семантическую конструкцию медиальный элемент, употребляя фрегевский термин «смысл»: «2.22. Посредством своей изобразительной формы картина изображает то, что она изображает, независимо от ее истинности или ложности. 2.221. То, что картина изображает, – ее смысл. 2.222. Ее истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности»[1]. Предложение выражает свой смысл вне зависимости от того, истинно оно или ложно. И все же смысл, по Витгенштейну, – это лишь структурная соотнесенность синтаксических частей предложения, то есть соотнесенность знаков: «3.1431. Суть знака-

[1] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 10.

предложения становится яснее, если вообразить в качестве его составляющих не письменные знаки, а пространственные предметы (скажем, столы, стулья, книги). При этом смысл предложения будет выражен взаиморасположением этих предметов»[1]. Такую структурную соотнесенность синтаксических частей предложения вряд ли можно отождествить с фрегевским смыслом имени или мыслью, выраженной в предложении. Пусть даже у Фреге мысль тоже состоит из интегральных частей, но ведь эти части суть смыслы знаков-частей, то есть идеальные структуры, а не сами знаки как таковые.

Если к вышесказанному добавить, что в своей ранней философии австрийский мыслитель в принципе признает осмысленными только предложения естественных наук, то у нас не останется сомнений в том, чтобы классифицировать Л. Витгенштейна как референциалиста. «Логико-философский трактат» репрезентирует референциалистскую семантику и онтологию умеренного реализма.

§ 4. Теория неопределенности перевода У. Куайна

У. Куайн выдвинул возражение против операции верификации[2], принятой в логическом позитивизме. Позитивистская операция верификации репрезентировала референциалистскую семантику, ибо в ней постулировалось признание осмысленности языкового выражения (на молекулярном лингвистическом уровне – предложения) только в том случае, если для него в принципе можно сформулировать прямое остенсивное определение, отсылающее к конкретному предмету или событию действительности.

Куайн предложил для рассмотрения следующую гипотетическую ситуацию. Допустим, мы являемся практикующими лингвистами. В нашу задачу входит формирование словаря языка какого-либо племени туземцев. Очевидно, что словарь должен представлять собой построение синонимических рядов, соотносящих значения слов языка туземцев со значениями слов того языка, на котором мы говорим, – с русским или, в случае Куайна, с английским.

Каким образом лингвист может начать осуществление данного предприятия? Только путем остенсивных определений, ведь никаких

---

[1] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – С. 12.

[2] *Куайн У.* С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

зацепок в соотношении языков еще не сформировано, необходимо обратиться к самому объективному миру, чтобы здесь попытаться установить какие-либо корреляции.

Однако обращение к остенсивному определению оказывается весьма проблематичным. Куайн говорит, что никто из позитивистов не обратил внимания на то, что проблема возникает с так называемой точкой остенсии (то место на воображаемой плоскости, куда попадает прямая, проведенная от указательного жеста к предмету). Оказывается, что сама эта точка еще не гарантирует нам четко фиксированное видение предмета. Напротив, она допускает плюрализм интерпретаций.

Представим себе, что лингвист оказывается вместе с носителем незнакомого ему языка в лесу, на охоте и замечает между деревьев притаившееся животное. Туземец показывает на него пальцем и произносит «гавагай». При этом лингвист замечает, что по виду притаившееся животное ничем не отличается от того, что он в своем языке именует словом «кролик». Спрашивается, может ли исследователь языка на основании данного остенсивного определения термина «гавагай» записать в свой словарь «гавагай = кролик»? Куайн утверждает, что нет. Точка остенсии не определяет того, что имел в виду туземец – вот этого кролика или некий «срез кролика», т.е. рассмотрение предмета в некотором аспекте, например кролика вообще, правый бок кролика, мех кролика и т. д. Более того, он в своем указательном жесте вообще мог не иметь в виду какой-то стационарный предмет. Возможно, слово «гавагай» для него означает ситуацию, в которой пушистое ушастое животное замерло в неподвижности между деревьев. Этому можно противопоставить ситуацию, в которой то же животное проносится между деревьев на большой скорости. Возможно, что туземец будет использовать для такого случая другой термин, а значит, вообще не будет расценивать этот предмет как тот же самый в различных ситуациях.

Остенсивное определение не может нам предоставить какого-то однозначного факта значения термина потому, что мир, с точки зрения Куайна, не предстает в нашем чувственном опыте так, как он есть сам по себе. Уже до обращения к опыту в нашем языке проведена концептуализация мира. Результат остенсивного определения зависит от того концептуального каркаса, с которым мы обращаемся к опыту. Например, мы склонны видеть мир как состоящий из от-

дельных самотождественных предметов, на которые как бы «навешиваются» различные свойства. Но мы не замечаем, что на это нас провоцирует доминирующая роль тех существительных в нашем языке, которые фиксируют отдельные предметы. Глаголы и прилагательные играют вспомогательную роль – они говорят о действиях и свойствах этих предметов. Но почему мы уверенны в том, что такому синтаксическому строю будет подчиняться любой язык? Что если в языке туземца доминирующую роль играют существительные действия? Тогда слово «гавагай» может вообще не обозначать отдельного предмета. Также мы не сможем определить, проводит ли туземец различие между конкретными и абстрактными предметами, если мы не обнаружим в его языке так называемых индивидуализирующих и универсализирующих кластеров, которые мы имеем в своем базовом языке. Значение слова «кролик» само по себе еще остается неопределенным – мы не знаем, что здесь подразумевается: кролик вообще или вот этот конкретный кролик. Для этого мы используем вспомогательные кластеры нашего языка – артикли (указательные местоимения): «the rabbit» – «вот этот кролик», или, наоборот, универсализирующие кластеры-окончания – «ness»: «rabbitness» – «кроликовость». Когда мы слышим слово «гавагай», мы не можем произвести этого различия. И самое главное, нам не может помочь в этом остенсивное определение – тот фундамент, на котором держится референциалистская теория значения.

Все это приводит Куайна к выводу о неработоспособности метода радикальной верификации. Невозможно посредством обращения к «чистому опыту» обнаружить сам мир. Мир всегда уже размечен соответствующими концептуальными каркасами, сформированными в языке. Невозможно не только обнаружить сам мир, но даже совершить адекватный переход из одного концептуального каркаса в другой (т. е. осуществить адекватный перевод с языка на язык), ибо, пытаясь это сделать, мы подгоняем исследуемый каркас под свою собственную концептуализацию.

Отсюда следует, что референциалистская теория оказывается ущербной. Значениями слов не могут являться сами предметы мира. Скорее, значение формируется в самом языке еще до обращения к непосредственному чувственному опыту. Значения представляют собой конвенции, формируемые в той или иной конкретной лингвистической группе.

Теория неопределенности перевода является ярко выраженным примером конвенционалистской семантики, что позволяет нам охарактеризовать Куайна как антиреалиста.

§ 5. Теория языковых игр позднего Л. Витгенштейна

Поздний Л. Витгенштейн[1] разработал один из наиболее радикальных скептических вариантов теории значения, репрезентирующий специфический вид конвенционализма. Если с точки зрения ортодоксального конвенционализма значение представляет собой некоторое стабильное образование, существующее в рамках лингвистической группы, то с позиции позднего Витгенштейна агент речи вообще не обладает способностью схватывать какие-либо устойчивые сущности в качестве значений. Так называемый парадокс следования правилу, сформулированный Витгенштейном в § 201 «Философских исследований», показывает, что любое языковое выражение можно подвести, по крайней мере, под два правила употребления, и в ситуации конкретного речевого действия мы никогда не сможем точно определить, какому правилу следовал (в каком значении использовал языковое выражение) говорящий.

Поскольку теория языковых игр и проблема следования правилу будут более подробно рассмотрены нами в разделах VI и VII, в настоящий момент мы не будем останавливаться на этих темах, чтобы избежать повторов. Сейчас уместно упомянуть, пожалуй, только о соотношении скептических тезисов семантических теорий Л. Витгенштейна и У. Куайна.

Куайновский скепсис касался только уровня различных концептуальных каркасов. Куайн не сомневался в том, что в рамках собственного концептуального каркаса туземец способен отдать себе отчет в том, что он имеет в виду, произнося «гавагай». Проблема возникала тогда, когда следовало понять говорящего извне с помощью каких-либо внешних критериев. Скептический тезис Витгенштейна указывает на то, что неопределенность значения возникает на уровне субъективности. Продуцирующий актуальное употребление языковых выражений субъект, обращаясь к себе, к своему собственному опыту в прошлом и настоящем, не способен преодолеть плюрализм в интерпретациях значения.

---

[1] *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 75–319.

Данная скептическая проблема, по мысли интерпретаторов позднего Витгенштейна, отчасти решается на уровне коммуникативных конвенций. Та или иная лингвистическая группа вырабатывает навыки примерного следования правилам, создавая тем самым некоторую иллюзию стабильности, иллюзию значения. Конвенционализм приобретает специфический вид. В рамках языковых конвенций порождаются не устойчивые интерсубъективные сущности в качестве значений, а лишь их имитации.

И ортодоксальный, и специфический конвенционализм в онтологическом плане представляют собой проявление антиреалистских воззрений. Философия языка позднего Л. Витгенштейна есть антиреализм, причем выраженный в наиболее радикальной форме.

§ 6. Семантическая проблема Н. Гудмена

Известная лингвистическая головоломка «зелубое» Н. Гудмена[1] оказывается столь же мощным скептическим аргументом по отношению к семантическим теориям реалистского типа, как и скептическое рассуждение о следовании правилу употребления языкового выражения позднего Л. Витгенштейна.

Допустим, мы пытаемся задать значения словам, призванным указывать на цветовые характеристики вещей. Мы помещаем перед обучаемым изумруд и говорим: по отношению к цвету этого камня всегда употребляй слово «зеленый» и никогда не употребляй этого слова по отношению к цвету ясного дневного неба. Затем мы просим обучаемого взглянуть на небо и говорим: по отношению к цвету ясного дневного неба всегда употребляй слово «голубой».

Представим далее, что какой-либо педагогический коллектив решил ввести определенные новшества в программу обучения. Здесь обучаемому, кроме слов «зеленый» и «голубой», предложили также пользоваться выражением «зелубой» в следующем значении: до трех часов пополудни называй цвет изумруда словом «зелубой», а цвет неба словом «голубой», а после этого момента времени называй словом «зелубой» и цвет изумруда, и цвет ясного неба.

---

[1] *Гудмен Н.* Факт, фантазия и предсказание // Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-пресс; Праксис, 2001.

Если два ученика, воспринявших значение слов для цветовых характеристик вещей по разным учебным программам, сойдутся вместе в двенадцать часов и один попытается объяснить другому значение слова «зелубой», то возникнет следующая ситуация. Один укажет на изумруд и произнесет «зелубой», затем покажет на небо и произнесет: «голубой». Тот, кто его слушает, проинтерпретирует ситуацию так: значение слова «зелубой» соответствует значению слова «зеленый» и их можно употреблять в качестве синонимов. Нетрудно догадаться, что по прошествии трех часов в их вполне продуктивной для взаимопонимания коммуникации возникнет проблема. Тот, кто посчитал ранее, что значения слов «зеленый» и «зелубой» тождественны, будет вынужден изменить свою точку зрения, ибо его собеседник вдруг употребит слово «зелубой» по отношению к цвету ясного дневного неба.

Проблема состоит в том, что в двенадцать часов значения слов «зеленый» и «зелубой», действительно, совершенно не различимы. В коммуникации перед тем, кто воспринимает от другого употребление данного слова, возникнет непреодолимая неопределенность в интерпретации значения.

Однако следует предположить и еще более радикальный скептический шаг, который можно сделать, отталкиваясь от этого примера. Более радикальный скепсис будет заключаться в том, что, даже оставляя в стороне коммуникацию и рассматривая адепта слова «зелубой» в одиночестве, мы по-прежнему будем иметь основания утверждать, что он также окажется в неопределенной ситуации. И эта неопределенность будет вызвана тем, что наш персонаж, основываясь на своих конечных опытных данных, на самом деле не постигает правила употребления термина «зелубой» в полной всеобщности. Он не обладает интеллектуальной интуицией, схватывающей понятие зелубого в окончательной определенности, когда ему дается директива употреблять данный термин после трех часов пополудни во всех остальных возможных случаях либо по отношению к изумруду, либо по отношению к цвету ясного дневного неба. Значение выражения «во всех остальных возможных случаях» по-прежнему остается неясным. Поэтому нет ничего логически невозможного в предположении, что в шесть часов вечера человек отождествит в словах языка цвет изумруда, цвет ясного дневного неба и, скажем, цвет снега. Тогда окажется, что тремя часами ранее он некорректно имено-

вал цвет изумруда «зелубым», ибо имел в виду при этом совсем другое правило, для которого ему следовало бы подыскать другой термин. Если агент речи не способен на осуществление интеллектуальной интуиции, не способен созерцать какое-либо правило в его всеобщности, то, теоретически, он всегда будет находиться в ситуации смысловой и лингвистической неопределенности.

Так же, как и в концепции позднего Витгенштейна, сообщество отчасти решает данную проблему, обеспечивая субъектов, вступающих в коммуникацию, впечатлением того, что значения их слов вполне понятны и определенны, поскольку в практической жизни ситуации столь радикальных семантических «провалов», описанных выше, оказываются достаточно редкими.

Взгляды Н. Гудмена могут быть охарактеризованы как проявление специфического конвенционализма поздневитгенштейновского типа и на этом основании классифицированы как антиреализм.

§ 7. Теория речевых актов П. Грайса и Д. Серла

Основания для теории речевых актов и для так называемой философии обыденного языка в целом были заложены в исследованиях оксфордского мыслителя Д. Остина[1], но в качестве системы данные идеи предстали в работах П. Грайса[2] и Д. Серла[3]. Грайс наиболее отчетливо сформулировал то теоретическое основание, на котором построена философия обыденного языка, а Серл разработал подробную классификацию речевых актов.

Грайс, обратившись к анализу обыденного языка, указал на существенную двусмысленность английского слова «meaning» (решающего для семантических теорий), в котором обнаружил две составляющие: meaning как стационарное объективное значение языкового выражения и meaning как подразумевание, т. е. значение, зависимое от субъективных намерений (интенций) того, кто употребляет языковое выражение в коммуникативном процессе.

Отдавая предпочтение интенциональному значению, Грайс пытается обосновать его более фундаментальный статус в языке по

---

[1] *Остин Д.* Избранное. - М., 1999.

[2] *Grice P.* Studies in the Way of Words. – Cambridge, Mass. 1989.

[3] *Searle J.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Searle J. Speech Acts. – Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1969

сравнению с производным от него стационарным значением. Делает он это весьма оригинальным образом, предлагая нам миф о происхождении языка. Здесь «миф» – термин самого Грайса, призванный указать на, конечно же, гипотетический характер изложения. Однако сам тип аргументации, получаемый из анализа естественной истории языка, представляется английскому философу существенным. Ниже в очень краткой форме представим изложение грайсовской гипотезы.

В своем историческом развитии язык прошел несколько стадий от функционирования естественных знаков, через появление искусственных (намеренных) знаков, призванных зафиксировать интенцию говорящего, к возникновению языковых выражений со стационарными значениями. Естественный знак появляется непроизвольно. Если вам по неосторожности крепко наступили на ногу, вы, конечно, можете усилием воли стерпеть боль и не дать знать вовне о происходящем, но можете и издать непроизвольный стон. Находящиеся вокруг вас, вне зависимости от вашего желания или нежелания, могут из этого заключить, что вам больно. Естественные знаки наполняют природный мир. Скрывающееся за тучами солнце и сильные порывы ветра – знаки надвигающейся грозы; белки глаз, приобретшие желтоватый оттенок – знак болезни. Теперь представим зубной кабинет. Известная каждому неприятная процедура также иногда может сопровождаться стонами. И здесь опять же вы можете начать стонать непроизвольно от приступа сильной боли. Но может произойти и другое. К примеру, при профилактическом осмотре врач может сам, для того чтобы обнаружить нездоровый зуб, попросить вас дать знать с помощью стона о том, что вы испытываете боль. Вот при этих обстоятельствах и появляется интенциональный знак. Вы издаете стон намеренно, с желанием сообщить вашему реципиенту об особом состоянии, которое может быть представлено в суждении «Мне больно». Здесь знак намеренно связывается вами с каким-либо интенциональным содержанием для того, чтобы донести посредством именно этого знака данное содержание до реципиента. Когда вы стонете непроизвольно, то вы сами в этот момент не имеете в виду что-либо, хотя другие могут интерпретировать этот стон как знак. Когда же вы стонете намеренно, то вы как бы говорите рядом стоящему: «Обрати внимание, мне больно!». Грайс говорит нам, что в этом и состояла следующая стадия развития языка – знаки стали

употребляться для намеренного выражения субъективных психических содержаний.

В зубном кабинете, когда врач постоянно просит вас открыть рот пошире и не закрывать его до конца терапевтической процедуры, для коммуникативного продуцирования вашей интенции имеется весьма скудный арсенал знаков – вы можете стонать, кричать, ерзать в кресле, хватать врача за руку. Все эти знаки, в том случае если они намеренно наделяются интенциональным содержанием, оказываются имитацией непроизвольных естественных знаков. Выразительные возможности этих знаков ограничены. Их слишком мало, чтобы фиксировать более тонкие дифференциации интенциональных содержаний. Вполне логично в связи с этим предположить, что «коммуникативный взрыв» должен произойти на следующей стадии. А именно на стадии отвлечения от использования только естественных знаков для выражения интенций. Человеческая коммуникация делает резкий скачок в своем развитии в тот исторический момент, когда появляются искусственные знаки, когда достаточно членораздельные звуки начинают складываться в слоги и слова, когда хаотическое скобление камня о камень превращается в упорядоченные рисунки, а затем, и в письменность. Искусственных знаков можно придумать сколько угодно, а значит, появляется возможность гораздо более сложной дифференциации интенциональных содержаний вступающих в коммуникацию субъектов. Чем дальше знаковая система от звукового или графического подражания воспроизводимым событиям или естественным знакам в природе, тем более тонкая интенция может быть в ней зафиксирована.

Если бы вы зашли в кабинет невропатолога со словами «Доктор, меня мучают головные боли», а он в ответ на это перенаправил бы вас к проктологу, то вы имели бы все основания заключить, что врач вас неправильно понял. Если бы на призыв «Давайте дружить!» ваш реципиент принял бы боевую стойку, это означало бы, что он за таким знаком, как «дружба», закрепляет совершенно иное интенциональное содержание, нежели то, которое имеете в виду вы. Для упорядоченной коммуникации необходима стабилизация значений. Как раз это событие, согласно Грайсу, и происходит на завершающей стадии формирования языка. Постепенно за определенными знаковыми комплексами закрепляется конвенционально устойчивое значение, которое позволяет нам легко определять, какие интенцио-

нальные содержания пытается до нас донести говорящий в данный момент. По отношению к огромному количеству знаков конвенции вполне прочны: пытаясь понять речь другого, мы не ошибаемся на каждом шагу.

Рисуя свой «миф» о происхождении языка, Грайс подводит нас к следующей импликации: «Если моя гипотеза верна, то стационарное значение знака, к которому обращалась постфрегеанская философия, иллюзорно». Значениями слов могут выступать только субъективные интенциональные содержания говорящих. «Объективное значение» есть лишь конвенционально устойчивая субъективная интенция и ничего более. Значит, основополагающим уровнем философии языка, в противовес намеренно отвлекающимся от субъективности исследованиям, которые нацелены на прояснение универсальных лингвистических структур, должен стать анализ обыденного языка в его актуальном интерсубъективном употреблении.

Приоритет, отданный Грайсом интенциональному содержанию в формировании значения выражения, позволил Д. Серлу, пожалуй, самому авторитетному американскому философу, представляющему интенционализм, заявить о производном уровне проблем философии языка по сравнению с философией сознания. В самом деле, изучая специфику речевых действий, мы обнаруживаем их подобие соответствующей совокупности интенциональных состояний сознания говорящего, а конвенциональная стабилизация значений, о которой говорил Грайс, возможна тогда как производное наделение интенциональным содержанием языкового знака. Это интенциональное содержание сначала является составляющей ментального состояния субъекта и лишь потом, путем соответствующих преобразований, переходит в интенциональное содержание знака, становясь его значением. Интенциональность речи инициируется сознанием.

Однако Серл, конечно же, остается аналитическим философом. Это значит, что к исследованию сознания он все равно приступает посредством анализа языка. С его именем связано развитие так называемой теории речевых актов, начала которой были положены Д. Остином в Англии. Кратко остановимся на главных моментах этой теории.

Любой речевой акт представляет собой сложную комбинацию действий, относящихся к различным регионам существующего. Допустим, в ответ на чью-либо просьбу, человек, намереваясь опреде-

лить погоду, раздвигает шторы в комнате, выглядывает в окно и произносит: «Идет снег». В этот момент, в соответствии с Серлом, агент речи продуцирует, по крайней мере, три основополагающих акта. *Пропозициональный акт*. В нем он осуществляет предикацию, формируя само интенциональное содержание речи. Интенциональное содержание в данном случае – это то, что дано, но нерастворимо в ментальных состояниях субъекта. *Иллокутивный акт* (термин, который Серл заимствует у Остина). Это то ментальное состояние, в котором происходит позиционирование интенционального содержания. Агент речи имеет в виду содержание каким-либо определенным образом. В данном случае это простое утверждение присутствия интенционального объекта-события: идет снег. Иллокутивный акт относится исключительно к сфере психического. Это сама интенция, направленная к своему объекту в определенном качественном модусе. *Акт произнесения*. Этот акт относится к материальной сфере и представляет собой продуцирование фонем.

Отчетливое различение данных типов актов мы обнаруживаем в соответствующем варьировании речевого действия. Агент речи может произнести «Идет снег», продуцируя другой пропозициональный акт, представляющий интенциональное содержание 'светит Солнце', по каким-либо причинам намеренно вводя реципиента в заблуждение. Произнося «Идет снег», он может иметь в виду интенциональное содержание 'идет снег', но при этом продуцировать иной иллокутивный акт, например, изменяя модальность утверждения с категорической на вероятностную в случае, если он сомневается в произносимом. Можно просто производить колебание воздуха, не продуцируя вслед акту произнесения ни пропозиционального, ни иллокутивного актов – считается, к примеру, что именно с такой речевой ситуацией мы сталкиваемся при наблюдении за больным, находящимся в бредовом состоянии. Наконец, можно совершать различные акты произнесения, продуцируя при этом одни и те же пропозициональные и иллокутивные акты – например, читая лекцию, профессор может беспрестанно думать о том, что если его жена сегодня снова забудет выключить утюг, уходя из дома, то в этот раз пожара избежать уже не удастся.

Естественно, что для успешной коммуникации при продуцировании речевых актов мы всегда должны действовать с оглядкой на конвенционально устойчивые образования языка. То или иное каче-

ство интенции, то или иное интенциональное содержание, как правило, имеют достаточно устойчивые формы выражения. Совершая речевое действие, агент речи надеется на то, что реципиент распознает то интенциональное содержание, которое он действительно имеет в виду. Для этого он и облекает свою интенцию в конвенционально устойчивую форму произнесения: подразумевая, что идет снег, он и говорит: «Идет снег», а не «Светит Солнце». Таким образом, в речевом акте преследуются сразу две цели: 1) донести свою интенцию до реципиента; 2) выполнить 1-е посредством разыскания подходящего для данной языковой конвенции акта произнесения.

Серл, несмотря на наличие очевидного плюрализма языковых конвенций, уверен в существовании определенных универсальных форм речи, общих для всех языков. Однако обсуждать устойчивые речевые формы, соответствующие тем или иным интенциональным содержаниям, – дело, видимо, неблагодарное: лексика оказывается поистине необозримой. Серла, как интенционалиста, скорее, интересует не то, *что* дает о себе знать в речевом акте, а то, *как* (в каком качестве, с каким намерением) представлено то или иное интенциональное содержание. И здесь американский философ выделяет несколько универсальных форм иллокутивных актов, которые как раз и отвечают за качественное наполнение интенции.

Ассертивы – акты, в которых говорящий выражает свою уверенность в действительном существовании интенционального объекта-события (заметим, что характеристика данной формы интенции оказывается весьма грубой: ведь могут существовать различные модальности уверенности – см. выше). Пример: «Я утверждаю, что дверь закрыта».

Директивы – акты, в которых говорящий намеревается принудить реципиента осуществить нечто такое, что соответствует продуцируемому интенциональному содержанию. Пример: «Не забудь закрыть за собой дверь!»

Комиссивы – акты, в которых говорящий обязуется выполнить нечто такое, что соответствует продуцируемому интенциональному содержанию. Пример: «Я обязательно закрою за собой дверь».

Экспрессивы – акты, в которых говорящий высказывает свое отношение к продуцируемому интенциональному содержанию. Пример: «Хорошо, что дверь закрыта».

Декларации – акты, в которых говорящий сам, посредством осуществления речевого действия, учреждает существование того объекта-события, которое продуцируется в интенциональном содержании. Пример: «Объявляю 'день открытых дверей'!»

Наиболее интересным в данной градации форм иллокутивных актов представляется одно из оснований деления. Речь идет о серлевском понятии *«direction of fit» (направление соответствия)*.

Возможны два варианта направления соответствия: *word-to-world direction of fit (направление соответствия от-слов-к-миру) и world-to-word direction of fit (направление соответствия от-мира-к-слову)*. Выделенным формам иллокутивных актов оказываются присущи следующие направления соответствия.

Ассертивам – от-слов-к-миру. Когда Коперник утверждал, что планеты вращаются вокруг Солнца по круговым орбитам, он полагал, что его слова соответствуют тому, что происходит в мире.

Директивам – от-мира-к-словам. Когда служащий пишет в заявлении своему руководителю: «Прошу предоставить мне отпуск за свой счет», он надеется на то, что в случае положительного решения руководства мир начнет соответствовать содержанию написанных в заявлении слов.

Комиссивам присуще направление соответствия от-мира-к-словам. Когда в зале суда свидетель произносит: «Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды», он пытается убедить реципиентов, что мир будет соответствовать содержанию этой языковой сентенции.

Экспрессивы не обладают направлением соответствия. Положим, Кеплер воскликнул: «Как божественно прекрасно то, что в своем движении планеты подчинены закону секторных скоростей!» Автор этой сентенции не обсуждает вопрос об истинности пропозиции «Движение планет подчиняется закону секторных скоростей». Истинность этой пропозиции уже предполагается заранее. Автор лишь высказывает свои эмоции по отношению к данному положению дел. Поэтому мы не можем приписать экспрессиву ассертивное направление соответствия. Естественно, что автор, продуцируя эту сентенцию, не принимает на себя никаких обязательств по переустройству мира. Значит, и направление соответствия от мира-к-слову здесь также неуместно.

И наконец, скудность обсуждаемой характеристики у экспрессивов с лихвой восполняют декларации: здесь можно обнаружить сразу два вида направления соответствия. Когда Д. Буш произнес: «Объявляю Зимние Олимпийские Игры в Солт-Лэйк Сити открытыми», он сделал так, что мир в эту секунду начал соответствовать его словам. Поскольку, однако, в отличие от директивов, здесь отсутствует буфер между сказанным и сделанным, постольку и сами слова в декларациях таковы, что в момент их произнесения они начинают соответствовать миру.

В дальнейшем Серл[1] начинает спускаться с «семантической лестницы» и переходит от анализа речевых актов к исследованию интенциональных состояний сознания: «...объясняя интенциональность со стороны языка, я не имею в виду, что она имеет существенно и по необходимости языковой характер. Стремясь объяснить интенциональность со стороны языка, я использую наше предварительное знание языка в качестве эвристического источника в объяснительных целях. Как только я завершу попытку прояснить природу интенциональности, я буду утверждать, что отношение логической зависимости является в точности обратным. Язык выводится из интенциональности, а не наоборот»[2].

Для надлежащего обеспечения этого перехода им разрабатывается параллелизм терминологии теории речевых актов и теории интенциональности. То, что по отношению к речевым актам называлось пропозициональным содержанием, выраженным в предложении языка, на уровне сознания именуется интенциональным содержанием; иллокутивный акт, манифестирующий качественную характеристику речевого акта, именуется психологическим модусом, который представляет собой особый вид интенции, принимающей во внимание интенциональное содержание; то, что на уровне языка называлось утверждением при осуществлении ассертивных актов, на уровне сознания именуется полаганием существования того или иного события; выраженный в директиве приказ имеет смысловую параллель с актом воления и т. д. При этом универсальными как в отношении речевых актов, так и в отношении интенциональных со-

---

[1] *Searle J.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

[2] Ibid. – P. 5.

стояний оказываются направления соответствия и условия выполнимости [condition of satisfaction] интенций.

Как можно было бы показать вторичный уровень интенциональности речевых актов и зафиксировать их фундирование в активности сознания? Если Грайс выбрал генетическое обоснование, обращаясь к происхождению языка, то Серл прибегает к очень простому статическому аргументу. Производный характер интенциональности речевых актов демонстрируется тем, что в языке всегда сохраняется возможность лжи.

Известно, что при формализации показаний подозреваемых посредством соответствующих методов логика позволяет найти виновного, но при одном существенном допущении: все говорят правду. Значит, Гарри, продуцируя на допросе высказывание «Джон находился в трех шагах от места преступления и был свидетелем убийства», на самом деле мог иметь в виду не то, о чем сообщает нам пропозициональное содержание его речевого акта. Если бы Гарри не был в состоянии лгать, то органам дознания не надобился бы обширный аппарат криминалистов, собирающих и анализирующих улики, вещественные доказательства, – можно было бы ограничится только сбором и соотнесением показаний. Но Гарри лжет и делает это намеренно. Это значит, во-первых, что интенциональное содержание его психического переживания диссонирует с пропозициональным содержанием речевого акта, и, во-вторых, он сам, собственными силами создает такой диссонанс. Он знает, что в соответствии с установленной конвенцией за тем речевым актом, который он продуцировал, другие будут полагать, что он имеет определенное переживание. Гарри пользуется этим. Он произносит: «Джон находился в трех шагах от места преступления и был свидетелем убийства», имея в виду при этом: 'Джон в эту ночь крепко спал в своей постели'.

Возможность лжи в нашей речи показывает, что слова языка употребляются нами в принципе произвольно. Агент речи может по ошибке сказать «кот», имея в виду 'кит'; он может намеренно сделать комплимент: «Ты совсем не изменилась за эти годы!», имея в виду 'Как ты постарела!' Но вот чего он не может: думая о чем-то, он не в силах убедить себя в том, что не интендирует данное содержание. Может быть, он сможет себя заставить не думать об этом впредь, но вот сейчас, в момент, когда эта мысль «пришла ему в голову», он не в состоянии противостоять ей. В этом и заключается

различие первичной интенциональности психического переживания и вторичной интенциональности речевого акта. Интенциональность речи виртуальна, поэтому и возникает возможность лжи; интенциональность переживания реальна, поэтому солгать самому себе невозможно.

Самым принципиальным моментом в описании отношения мышления (переживания) к языку Серл считает экспликацию самого перехода от первичной интенциональности психического к вторичной интенциональности лингвистического. Этому вопросу американский философ посвящает длительное и тщательное исследование. Мы укажем только на главный результат данной аналитической работы.

Неверно говорить, что, слушая речь собеседника, мы предполагаем за произносимыми им словами какие-то значения только потому, что всегда имеем в виду его внутреннее интендирование. Как будто бы мы постоянно пытаемся угадать за колебаниями воздуха, производимыми его ртом, те интенциональные содержания, на которые направлено его внимание. Коммуникативный принцип работы языка заключается в другом. Мы, скорее, обращаемся к тому, что он, собственно, говорит. Сам язык, а не субъекты речи здесь занимает превалирующее положение. Причина этого кроется в том, что речь как бы отрывается от говорящего, создавая иллюзию своей автономной интенциональности. Мы, слушая речь собеседника, предполагаем, что это сами слова что-то значат, мы ориентируемся именно на них. В этой иллюзорной интенциональности состоит тонкость перехода с абсолютно закрытого для других уровня субъективных содержаний сознания на интерсубъективный уровень коммуникации. Если бы язык не создавал подобной иллюзии, у нас бы не было средства для корреляции автономных миров наших сознаний.

Теория речевых актов репрезентирует интенционалистскую семантику, в рамках которой значение языкового выражения трактуется как субъективное психическое переживание. В плане онтологической проблематики интенционализм характеризуется нами как антиреализм.

§ 8. Генеративная грамматика Н. Хомского

Широко известный лингвистический проект Н. Хомского создается как попытка решения следующей проблемы: как конечное су-

щество, обучавшееся языку только на определенном количестве частных примеров употребления языковых выражений, оказывается способным генерировать бесконечное число новых лингвистических последовательностей и понимать их? Объяснить это непросто, ведь «...по сравнению с числом предложений, которое ребенок может с легкостью построить и понять, число секунд в человеческой жизни до смешного мало»[1].

Натуралистический ответ Хомского хорошо известен. Он предполагает существование врожденного, генетически наследственного знания о формальных грамматических структурах, проявляющихся во всех возможных естественных языках, использование которого дает способность человеку генерировать неограниченное число новых лингвистических последовательностей и однозначно интерпретировать их. Задача генеративной грамматики заключается в открытии этих фундаментальных структур и демонстрации того, как осуществляется их трансформация с глубинного на поверхностные уровни естественных языков.

Поскольку Хомский занимает столь откровенную натуралистическую позицию, постольку, классифицируя его взгляды на значение языкового выражения, мы можем сделать обратный ход: от онтологии к семантике. В онтологическом плане Хомский – физикалист, следовательно, на уровне исследования языка его позиция должна представлять один из вариантов референциалистской семантики: слова языка отсылают к физическим вещам и явлениям, которые успешно изучают естественные науки. Физикализм, в свою очередь, в нашей типологии онтоэпистемологических позиций мы относили к проявлению реализма. Однако случай с теорией генеративной грамматики Хомского оказывается особенным.

Дело в том, что если Хомский все синтаксические структуры погружает в психологию, которую, в свою очередь, сводит к нейрофизиологии головного мозга человека, то они тут же теряют свой универсальный характер и становятся релятивными, а его теория антиреалистской. Глубинные синтаксические структуры оказываются зависимыми от особой, локальной, развитой в процессе эволюции формы организации материи. Это означает, что с логико-

---

[1] *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей // Философия языка / Под ред. Дж. Р. Серла. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 169.

эпистемологической точки зрения вполне можно допустить существование иных форм, порождающих иные глубинные структуры. Тем самым демонстрируется, что глубинные синтаксические структуры теряют свой универсальный характер. Теория генеративной грамматики Н. Хомского оказывается, по сути, скептической. Ее следствия таковы, что человеку как познающему когнитивному существу отказано в возможности достижения объективного универсального знания о реальности. Познающий в этом случае имеет дело не с реальностью самой по себе, а только с субъективным представлением реальности, которое всегда будет зависеть от особой, эволюционно развитой формы организации материи.

На основании вышесказанного можно сделать важный вывод о специфике онтоэпистемологической позиции физикализма в целом. До тех пор пока натуралистическая (физикалистская) теория занимается рассмотрением фактов и явлений мира природы, отличного от самого познающего существа, она остается на позиции научного реализма, утверждающего существование объективной реальности и возможность ее адекватного познания. Но как только натуралистически ориентированные исследования переключаются на рассмотрение когнитивных процессов и явлений самого познающего, то они, чаще всего сами того не замечая, переходят на антиреалистские позиции, высказывая скептические тезисы о познавательных возможностях человека. Физикализм в когнитивных исследованиях ведет к антиреализму.

§ 9. Теория жестких десигнаторов С. Крипке

Теория жестких десигнаторов в традиции аналитической философии была сформулирована С. Крипке,[1] но здесь мы кратко изложим ее основные положения, опираясь на исследования Д. Фоллесдала,[2] поскольку этот норвежский аналитик обсуждает теорию Крипке в сравнении с семантическим проектом Г. Фреге, что, по нашему мнению, позволят лучше понять ее специфику.

---

[1] *Kripke S.A.* Identity and Necessity // Identity and Individuation. – New York University Press, New York, 1971. – P. 135 – 164; Kripke S.A. Naming and Necessity. – Cambridge, Mass., 1980.

[2] *Follesdal D.* Reference and Sense // Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy, Monreal, August 21-27, 1983). Editions Montmorency Monreal, 1986. – P. 229–239; Follesdal D. Referential Opacity and Modal Logic, Dissertation. – Harvard, 1961.

С точки зрения семантической концепции Фреге собственные имена, как некие устойчивые знаки (жесткие десигнаторы), призванные напрямую обращаться к референту, иллюзорны. Фреге и его последователи[1] склонны относится к собственным именам лишь как к заместителям дескрипций, раскрывающих смысл имени и тем самым осуществляющих референциальное отношение к объекту. Нет имени, которое бы как-то перманентно «держало при себе» объект сквозь череду изменяющихся смыслов. Тождественность имени иллюзорна, всегда нужно иметь в виду этот «шлейф» смыслов, которые преобразуют само имя. Какова же тогда функция имен в языке? Для экономии речи – таков ответ фрегеанцев. Имя – это своего рода свернутая дескрипция. Когда мы произносим: «Мехико», то на самом деле имеем в виду «столица Мексики». Сама дескрипция агентом речи чаще всего открыто не презентируется в надежде на коммуникативную очевидность данного речевого сокращения, однако именно она играет здесь определяющую роль для прояснения смысла произносимого. Кстати, такая экономия речи нередко является источником непонимания определенных смысловых нюансов: реципиент может связывать с именем «Мехико» смысл, выражаемый в дескрипциях «столица Мексики» и «самый красивый город в мире», тогда как агент речи может употреблять это имя в смысле, выражаемом в дескрипциях «столица Мексики» и «большой и грязный город». Поэтому речь будет тем более точна и прозрачна для понимания, чем чаще мы будем разворачивать спрятанные за именами дескрипции. Имена в такой семантике, в пределе, должны исчезать совсем, и все потому, что они не несут какой-либо собственной семантической функции, выполняя только вспомогательную работу в языке.

Теория жестких десигнаторов пытается оправдать присутствие собственных имен. Здесь утверждается, что имена, в противовес Фреге, имеют собственную семантическую функцию, их работа не может быть сведена только лишь к зашифровыванию дескрипций. И дело здесь вот в чем.

Имена за счет того, что выполняют транзитивные референциальные отношения, т. е. обращаются к именуемому объекту напрямую,

---

[1] См., например: *Church A.* Introduction to Mathematical Logic – Vol. 1. – Princeton, 1956; Dummett M. Frege. Philosophy of Language. – New York; Evanston, San-Francisco, London, 1973.

в обход разнообразного смыслового нюансирования, позволяют удерживать устойчивость данных в опыте объектов. Имя фиксирует взгляд познающего, сохраняет для него тождественность обсуждаемого объекта сквозь череду текущих смысловых оттенков, которыми обычно наполняется наше референциальное отношение. Если бы имя выполняло только функцию минимизации речи, то мир попросту «поплыл» бы перед нашим взором. Мы не смогли бы определить, относятся ли две различные дескрипции, нюансирующие смысл, к одному и тому же объекту или нет. Каждая новая дескрипция, каждый новый смысл могли бы интерпретироваться как относящиеся к своему собственному объекту, отличному от других. Поэтому тем фактом, что объекты «не вваливаются» в наше восприятие некой хаотичной лавиной, в которой спустя мгновение уже трудно различить, на что было обращено наше внимание ранее, а, напротив, присутствуют в целостности и порядке, мы обязаны особой семантической функции жестких десигнаторов.

Потребность в именах в нашей речи будет тем выше, чем большим количеством смысловых нюансов «обрастает» воспринимаемый объект. Иногда, когда для фиксации объекта нам достаточно лишь одной смысловой фигуры, мы способны довольствоваться самой дескрипцией, не прибегая к помощи жестких десигнаторов. Фоллесдал приводит здесь следующий пример: «...дескрипция 'баланс моего банковского счета', в свою очередь, фокусируется на единственном свойстве своего объекта, в котором мы заинтересованы, а именно в том, что это есть баланс моего счета. Это свойство кочует от объекта к объекту, и у нас нет более пристального и устойчивого интереса к любому из них. Если я прав, то для нас вполне естественно не вводить имени для этой дескрипции. Мы могли бы дать ей имя, например, «Любимый', но это было бы как раз имя лени, оно не являлось бы действительным сингулярным термином, но лишь попыткой выглядеть привлекательнее»[1]. То есть поскольку данный объект интересует нас только в одном единственном смысловом аспекте, постольку мы осуществляем референциальное отношение самим этим смыслом, не опасаясь при этом потерять из виду этот объект. Напротив, считает Фоллесдал, такой объект, кото-

[1] *Follesdal D.* Reference and Sense // Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy, Montreal, August 21–27, 1983). Editions Montmorency Montreal, 1986. – P. 243.

рый мы обозначаем через дескрипцию «человек в очках», тем настойчивее будет требовать для себя собственного имени, чем пристальнее «... мы заинтересованы в человеке и хотим узнать о ней или о нем побольше, кроме того, что человек с очками или без, а именно как она или он изменяются день ото дня»[1]. Любой человек как объект нашего внимания допускает по отношению к себе чрезвычайно многообразное смысловое нюансирование, и потому мы нуждаемся в том, чтобы сохранить тождественность этого объекта по мере формирования различных дескрипций. Имя позволит воссоединить в единое референциальное отношение этот «веер» дескрипций и тем самым стабилизировать наше внимание.

Однако и при использовании жестких десигнаторов мы не защищены от «расфокусировки» нашего познающего взора. По крайней мере, на уровне коммуникации это случается нередко. Мы ошибаемся в нашем понимании говорящего не только относительно смысловых фигур его речи, относящихся к одному объекту, как в случае с «Мехико», но и касаемо самого референта. Я могу предполагать, что имя «Сократ» отсылает к определенному человеку, тогда как оказывается, что вступивший со мной в коммуникацию субъект обозначает им свою собаку. Фоллесдал отдает себе отчет и в этих тонкостях функционирования языка и потому делает чуть более скромное заявление относительно роли жестких десигнаторов в нашем познании: «жесткость или действительность [имени], как мне представляется, не является несовместимой с таким референциальным сдвигом. Вместо этого я вижу жесткость как идеал, как что-то похожее на кантианскую регулятивную идею, которая предписывает тот способ, каким мы должны использовать язык, говоря о мире. В нашем использовании имен и других действительных сингулярных терминов существует *нормативная потребность* в наилучшем удержании следа референции»[2]. Именно эта нормативная потребность «идти по следу» референта, несмотря на возникающие фактические сбои, предохраняет познаваемый мир от хаотичной безликости, позволяет нам видеть вещи.

И все же, обращаясь к опыту, мы можем заметить, что далеко не всегда используем собственные имена там, где, казалось бы, следуя

---

[1] *Follesdal D.* Reference and Sesne. P. 234.
[2] Ibid. – P. 236.

рассматриваемой теории, должны их использовать. Мы не именуем неодушевленные объекты, хотя смысловое нюансирование по поводу них мы можем осуществлять ничуть не менее интенсивно по сравнению с теми объектами, которым мы приписываем имена. Разрешение такого затруднения можно видеть в следующем. Логическим свойством жесткости обладают не только собственные имена, но и местоимения. В отношении неодушевленных объектов для удержания определенности нашего внимания мы как раз и используем их. Однако данные языковые выражения имеют еще более шаткие референциальные отношения, нежели собственные имена. Местоимение способно удерживать без ошибок референт только в узком контексте. Когда я произношу «это» указывая на стол в аудитории, то находящиеся в данном помещении люди без труда зафиксируют соответствующее референциальное отношение. При этом в дальнейшем я могу производить разнообразные смысловые нюансирования этого объекта, обсуждая его цвет, материал, из которого он сделан, его форму, его предназначение и т. д., не опасаясь того, что слушающие меня потеряются в фиксировании референциального отношения. Но все это лучше делать именно в этом, четко заданном контексте – здесь и сейчас, в этой аудитории. Чем более размыт контекст, тем неустойчивее референциальная фиксация местоимения. Тем не менее остается в силе главное: даже если мы опрометчиво совершаем неправомерный референциальный сдвиг, мы все равно мотивированы к тому, чтобы совершить какую-либо фиксацию, т. е. сама потребность устойчивого членения мира присутствует в нас вне зависимости от наших ошибок.

Что выступает референтом в теории жестких десигнаторов? По мысли Крипке и Фоллесдала, это – сами физические объекты в мире природы, данные нам в чувственном восприятии. Объекты, которые связаны с познающим субъектом каузальным отношением. Они являются причиной его восприятий. Очевидно, что такая референциалистская семантика в онтоэпистемологическом плане соответствует позиции физикализма и в данном случае репрезентирует умеренный (научный) реализм.

§ 10. Идея разделения лингвистического труда Х. Патнема и конвенционалистская семантика Т. Берджа

Примечательно, что аналитические философы, исследования которых можно было бы расценить как скептические, выражающие сомнение в истинности каких-либо общепринятых теоретических убеждений, нередко использовали термины «традиционная теория значения», «классическое понимание значения» и т.д. и выстраивали свою концепцию в виде критических аргументов по отношению к этим привычным взглядам. Однако понимание того, в чем, собственно, традиционная теория значения состоит, у разных философов-аналитиков оказывалось различным. Следовательно, и критика имела разные направления. Например, поздний Витгенштейн под классическим взглядом на значение слова понимал августинианский образ языка[1], и в первую очередь референциалистскую семантику. Квинтэссенцией августинианского образа было то, что слово представляет своего рода метку, отсылающую к какому-либо устойчивому экстралингвистическому факту. Когда Х. Патнем высказывает критические соображения в адрес традиционной теории значения, то под термином «традиционная теория значения» Патнем имеет в виду ментализм и соответствующую ему в нашей типологизации интенционалистскую семантику, т. е. убеждение, что значения слов представляют собой некоторые психические образования в сознании носителя языка. Чтобы показать ложность субъективистского понимания значения, Патнем приводит аргумент[2], который в последующей литературе чаще всего именовался как «Земля-Двойник».

Земля-Двойник – мир, почти похожий на наш, населенный такими же существами, как и мы. Различие между мирами состоит только в том, что то вещество, которое существа на Земле-Двойнике называют «вода», – это не H_2O, а такая жидкость, которая, хотя и идентична воде на глаз, имеет отличный от воды химический состав, скажем, XYZ. Мы могли бы сказать, что во всем этом можно заметить только лишь двусмысленность слов. Выражение «вода» на Зем-

---

[1] *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 80.

[2] *Патнем Х.* Значение 'значения' // Патнем Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. - С. 164–234; Putnam H. Meaning and Reference // Journal of Philosophy. - 1973. – Vol. 70. – P. 699–711.

ле-Двойнике имеет иное значение, нежели «вода» на Земле, что вполне могут сознавать люди и их двойники на другой планете. Однако если мы перенесемся назад в 1750 год, т. е. в то время, когда ни H_2O, ни XYZ еще не были открыты, то обнаружим следующее. Даже в это время значения данных двух терминов уже были различными. Вода на Земле-Двойнике уже была XYZ, хотя никто еще не знал об этом. Вместе с тем психологическое состояние землянина Оскара на тот момент, когда он познал значение «вода» и психологическое состояние существа с Земли-Двойника, т. е. Оскара-Двойника, на тот момент, когда последний познал значение слова «вода», должны были показаться идентичными ввиду того, что в прямом чувственном восприятии данные вещества – H_2O и XYZ – ни по своему виду, ни по своим функциям не различались. В итоге значения двух терминов оказывались различными даже в том случае, когда ментальные состояния говорящих были идентичными. Подобные мысленные эксперименты позволили Патнему в другой, более поздней работе сделать общее заключение: «Вопреки доктрине, сопутствующей нам с XVII века, *значения не находятся в голове*»[1].

Очевидно, что сам аргумент «Земля-Двойник» строится с позиции референциалистского понимания значения. Предполагается, что слово «вода» отсылает к конкретному объекту, веществу со строго определенным физическим составом в материальном мире, и даже несмотря на то, что интенциональные состояния агентов речи, использующих слово «вода», могут быть идентичными, поскольку в чувственном восприятии землянина и его двойника нет никаких различий, референты этих терминов все равно различны – в этом основная критическая претензия к интенционалистской трактовке значения языкового выражения.

Основываясь на этом представлении об устойчивой объективной референции языкового выражения, Патнем развивает идею о «разделении лингвистического труда», суть которой сводится к следующему. Всех агентов речи, использующих то или иное языковое выражение (это касается слов, используемых как в обыденной жизни, так и в научной теории) можно условно разделить на дилетантов и профессионалов. При этом от дилетанта никто в лингвистическом сообществе и не требует четкого прояснения значения используемого

---

[1] *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. - С. 33.

им слова (например, слова «вода»). Однако это не означает, будто бы у этого слова нет четко определенного стабильного значения. Оно есть, но оно находится только в ведении профессионалов (в данном случае в ведении ученых-химиков), которые способны задать это четкое определение значения слова. Ученый-химик, в свою очередь, может быть дилетантом относительно значения юридического термина «преступление». Он может его использовать в обыденной жизни в смутном, не до конца определенном значении, тогда как профессиональный юрист сможет задать этому термину четкое определение. Отсюда следует общий вывод, что на уровне обыденного языка имеет место неопределенность значений языковых выражений, но это не означает, в отличие от позднего Витгенштейна, например, что определенность отсутствует вовсе. Она проявляется на уровне научного, профессионального языка.

Данная концепция Патнема представляет собой пример референциалистской семантики, которой на онтологическом уровне соответствует позиция физикализма и реализма.

Т. Бердж[1] проводит рассуждение, которое по своему скептическому настрою по отношению к интенционалистской семантике аналогично патнемовскому. Вместе с тем выводы, к которым приходит Т. Бердж, позволяют отнести его концепцию скорее к проявлению конвенционалистской семантики, нежели к референциализму.

Предположим, на прием к врачу приходит дама со словами: «Доктор, у меня артрит в бедре». Врач, даже не прибегая к обследованию, утверждает: «Никакого артрита у вас нет». Врач сделал такое умозаключение на основании очевидной аналитической (т. е. не эмпирической) ложности суждения «у меня артрит в бедре». Аналитическая ложность, в свою очередь, следует из определения самого термина «артрит», принятого в медицинском сообществе. Артрит – это болезнь суставов, он не может случиться в бедре.

Несложно представить себе такое сообщество, в котором значением термина «артрит» оказывалось бы любое болевое ощущение в организме. В таком случае суждение пациентки вполне можно было бы расценить как истинное.

---

[1] *Burge T.* Individualism and the Mental // Midwest Studies in Philosophy. – 1979. – P. 73–122.

Очевидно, что и в том и в другом случае пришедшая на прием к врачу дама испытывала бы одно и то же внутреннее переживание – переживание боли. Однако на основании сказанного выше становится ясным, что это переживание не имеет никакого отношения к значению того слова, которым она попыталась описать свое состояние. Переживание может быть идентичным, а значения слова – различными. Отсюда следует, что значение языкового выражения не определяется в привилегированном субъективном мире познающего, а представляет собой учрежденное в интерсубъективности правило его употребления.

На примере концепции Т. Берджа видно, сколь разнообразными путями продвигаются аналитические философы, развивая свою аргументацию. И Патнем, и Бердж начинают с критики интенционализма (ментализма), но Патнем при этом приходит к референциалистской семантике и к реалистской онтоэпистемологической позиции, тогда как логика рассуждения Берджа приводит его к конвенционализму и, следовательно, к антиреализму.

§ 11. Теорема Левенгейма – Сколема и ее следствия для философии языка

Дискуссии вокруг теоремы Левенгейма – Сколема заняли одно из центральных мест в современной философии математики ввиду тех масштабных скептических следствий, вытекавших из ее применения, которые имели значение для эпистемологии в целом. К обсуждению данной темы подключились такие значимые для новейшей философии математики и аналитической традиции фигуры, как П. Бенацерраф[1], Х. Патнем[2], К. Райт[3].

Теорема Левенгейма – Сколема гласит, что любая теория первого порядка, имеющая несчетную модель, имеет также и счетную модель. Казалось бы, данная формулировка не содержит чего-то проблематичного. Однако существенные затруднения эпистемологиче-

---

[1] *Benacerraf P.* Skolem and the Sceptic // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1985. – Suppl. Vol. LIX. – P. 85–113.

[2] *Putnam H.* Models and Reality // Journ. of Symbolic Logic. – 1980. – Vol. 45 – № 3. – P. 464–482.

[3] *Wright C.* Skolem and the Sceptic / Wright C. Rails to Infinity: Essays on Themes from Wittgenstein's Philosophical Investigations. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2001. – P. 381–402.

ского характера возникают в качестве следствий применения этой теоремы. Например, формализованная теория множеств утверждает существование только несчетных моделей, но применение к ней теоремы Левенгейма – Сколема показывает, что в данной теории, кроме несчетных, будут содержаться также и счетные модели.

Этот результат приводит нас к заключению, что аксиоматическая система не справляется с возложенной на нее функцией описания какого-то определенного класса математических объектов. В.В. Целищев фиксирует эту проблему следующим образом: «При введении аксиоматики (скажем, в теории множеств) математик стремится к тому, чтобы модель системы аксиом была 'намеренной'. Например, аксиомы были призваны описывать несчетные множества, но по теореме Левенгейма – Сколема среди моделей такой системы оказываются и 'ненамеренные', или нестандартные, интерпретации, в частности счетная модель. Это означает, что система аксиом, предназначенная для описания некоторого специфического класса математических объектов, не выполняет этой роли»[1].

Формулировку проблемной ситуации можно дополнить, воспользовавшись суждениями М. Клайна: «Теорема Левенгейма – Сколема утверждает, что любая система аксиом допускает намного больше существенно различных интерпретаций, чем предполагалось при ее создании. Аксиомы не устанавливают пределов для интерпретаций, или моделей. Следовательно, математическую реальность невозможно однозначно включить в аксиоматические системы»[2].

Мы не будем вдаваться в подробности, какое значение эти следствия имели для развития собственно философии математики. Детальное изложение этого вопроса можно найти в книге В.В. Целищева «Философия математики»[3]. Мы остановимся лишь на тех общеэпистемологических следствиях данной теоремы, которые актуальны для философии языка.

Критика Х. Патнемом ментализма не является визитной карточкой философии этого американского мыслителя. Наибольшую известность ему принесла интерпретация следствий теоремы Левен-

---

[1] *Целищев В.В.* Возможна ли иррациональная математика // Философия науки. – 2000. – № 1 (7). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.philosophy. nsc.ru/journals/philscience/7_00/tselichev.htm, свободный.

[2] *Клайн М.* Математика. Утрата определенности. – М.: Мир, 1984. – С. 316.

[3] *Целищев В.В.* Философия математики. – Новосибирск: Наука, 2002. – Ч. 1.

гейма – Сколема, позволившая распространить определенные скептические затруднения из области философии математики на философию языка и эпистемологию в целом. Это привело Патнема к созданию целой философской системы, хорошо известной под названием «внутреннего реализма», получившей свое выражение в работе «*Разум, истина и история*»[1].

Относительно языка математики посредством теоремы Левенгейма – Сколема было установлено, что любая формальная система описания, кроме намеренной интерпретации, ради которой она и создается, может допускать также и некоторые неожиданные, ненамеренные интерпретации, в результате чего мы приходим к выводу, что формальная система не способна фиксировать содержание, она оказывается индифферентной по отношению к той или иной области математических объектов. Распространение этого тезиса на философию языка в целом будет выглядеть следующим образом. Та или иная совокупность предложений языка даже при четкой фиксации истинности каждого из высказываний оказывается полностью индифферентной по отношению к семантике (для Патнема проблемы семантики в данном случае тождественны проблемам референции). Мы можем употреблять эту систему предложений для описания определенных событий, но всегда будет существовать возможность полной семантической переинтерпретации данной системы таким образом, что значения всех терминов, входящих в состав высказываний, будут заменены, однако оценка истинности каждого из предложений системы окажется неизменной. Используя язык, чтобы говорить о чем-то определенном, мы всегда находимся в ситуации риска появления какой-либо ненамеренной, нестандартной интерпретации наших терминов. И главное, мы не обладаем какими-либо средствами для фиксации появления такой новой интерпретации. Я могу быть уверен, что мой собеседник полностью понимает, о чем я веду речь, поскольку он всякий раз соглашается с истинностной оценкой моих высказываний, и однако же теоретически допустимо, что его семантическая интерпретация терминов, составляющих предложения моего языка, окажется совершенно отличной от моей. Истина не определяет референцию.

---

[1] *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.

Для иллюстрации данного скептического положения Патнем приводит следующий пример. Допустим, в какой-либо беседе я продуцирую высказывание «кошка лежит на коврике» и дополняю его некоторой суммой других высказываний, описывающих ту общую ситуацию, в которую данное событие вовлечено. Мой собеседник может соглашаться со всеми моими высказываниями, демонстрируя, что он понимает их и признает их истинность. Однако теоретически мы можем допустить, что там, где я имею в виду кошку, которая лежит на коврике, когда говорю «кошка лежит на коврике», мой собеседник подразумевает вишню, которая висит на дереве. Мое предложение «кошка лежит на коврике» означает для него: вишня висит на дереве. При этом и данное высказывание, и вся сумма остальных высказываний сохраняет свою истинностную оценку как для меня, так и для него. Из чего можно сделать вывод, что в процессе нашего разговора у нас не будет никаких зацепок, чтобы почувствовать нелепость ситуации, понять, что мы говорим о разных вещах.

Патнем формулирует серьезную скептическую проблему как для философии языка, поскольку речь идет о радикальной дестабилизации семантики, так и для эпистемологии в целом, поскольку именно лингвистический опыт является определяющим для всех сфер познавательной деятельности.

Патнемовский аргумент во многом схож с экспозицией скептической проблемы относительно значения языкового выражения у позднего Витгенштейна. Мы можем представить, что в процессе употребления языка в коммуникации перед нами возникает патнемовский скептик и спрашивает: а ты уверен, что твой собеседник сейчас употребляет термины в тех же значениях, что и ты? Если я отвечу положительно и будут апеллировать к тому, что мы с собеседником единодушны в истинностной оценке всех наших предложений, то патнемовский скептик тут же приведет в пример какую-нибудь ненамеренную интерпретацию, подпадающую под нашу систему высказываний и истинностных оценок.

Однако в содержательном плане между рассуждениями Патнема и позднего Витгенштейна все же имеются важные различия. Во-первых, патнемовская неопределенность существует только на уровне интерсубъективной коммуникации. Здесь не ставится вопрос о том, может ли сам субъект в своем лингвистическом опыте испытать затруднения с фиксацией значений выражений его языка. Пат-

немовский аргумент более органично согласуется с идеями Куайна о неопределенности перевода, нежели с радикальным скепсисом относительно значения у позднего Витгенштейна.

Таким образом, в эволюции идей Х. Патнема мы видим переход от реализма к антиреализму. Если ранний Патнем разделял референциалистскую семантику и физикализм, то философия позднего Патнема может быть охарактеризована как проявление еще одной версии конвенционализма – это конвенционализм относительно истинностных оценок предложений агентов речи, который вызывает впечатление определенности и стабильности референции.

§ 12. Принцип доверия Д. Дэвидсона

В рамках спора реализма и антиреализма в аналитической философии фигура Д. Дэвидсона занимает особое место. Во-первых, четко просматривается тенденция перехода от реалистских позиций в онтологии в ранний период развития аналитической традиции к антиреалистским концепциям в поздний период. Поэтому семантическая концепция Д. Дэвидсона, одного из наиболее авторитетных философов-аналитиков последних десятилетий, может стать либо убедительным подтверждением этой тенденции, окончательным обвинительным приговором, вынесенным реализму, либо может быть расценена как неожиданный сбой в антиреалистской программе, что с удовлетворением отметили бы реалисты. Во-вторых, интригу закручивает сам Дэвидсон, ибо его концепция оказывается амбивалентной, содержащей в себе такие элементы, которые могли бы быть использованы каждой из противоборствующих позиций в свою пользу. Наша задача в данном параграфе состоит в том, чтобы прояснить, на основании каких составляющих дэвидсоновской философии языка ее можно было бы трактовать как проявление реалистских взглядов, и затем критически проанализировать эти реалистские интерпретации.

Первым из таких элементов дэвидсоновской философии, которые имеют реалистскую окраску, является теория истины Тарского. Известно, что Дэвидсон трансформирует теорию значения языкового выражения в теорию интерпретации, которую он, в свою очередь, рассматривает как теорию понимания идиолекта собеседника[1]. Для

[1] *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. – М., 2003.

этого Дэвидсон предлагает воспользоваться теорией истины А. Тарского[1] и идеей о построении так называемых Т-предложений. Т-предложение представляет собой сложное высказывание, состоящее из двух простых, соединенных между собой логическим союзом тождества. Левая часть этого сложного высказывания содержит в качестве объектного языка интерпретируемое простое высказывание, а правая часть в качестве метаязыка содержит саму интерпретацию в родном для интерпретатора идиолекте.

Так, по отношению к своему собственному идиолекту я могу высказать следующее Т-предложение: «'Снег белый' истинно тогда и только тогда, когда снег белый». С точки зрения здравого смысла это подразумевает то, что мое высказывание «снег белый» истинно только тогда, когда существует такой факт мира, который я обозначаю словами «снег белый». Если же другой носитель языка произносит суждение «снег голубой», то я, пытаясь задать интерпретацию его речи, должен исследовать другие его выражения, выстраивая сеть Т-предложений.

Например, я замечаю, что интерпретируемый произносит «снег голубой» и «лист бумаги голубой». Тогда я, сравнивая вхождения таких выражений, как «снег» и «лист бумаги», в предложения в его идиолекте с их вхождением в предложения в моем идиолекте, продуцирую Т-предложение соответствующего вида: «'Снег голубой' истинно тогда и только тогда, когда снег белый», где в левой части Т-предложения помещено в качестве объектного языка предложение интерпретируемого идиолекта, а в правой части в качестве метаязыка помещено предложение моего собственного, интерпретирующего идиолекта.

Чаще всего Т-предложения А Тарского понимались как выражение корреспондентного понимания истины. И это не случайно, ввиду того что такое понимание интуитивно оказывается наиболее очевидным, приближенным, как мы это уже указали, к здравому смыслу. Высказывание «снег белый» истинно тогда и только тогда, когда в экстралингвистической реальности действительно существует именно то, что я утверждаю, произнося «снег белый».

Корреспондентное понимание истины, в свою очередь, является фундаментальным основанием реалистской онтоэпистемоло-

---

[1] *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998. – С. 90–129.

гической позиции: существует объективный мир, и наши высказывания об этом мире истинны тогда и только тогда, когда их содержание в точности отражает событие, которое имеет место в объективном мире.

Поскольку Дэвидсон выстраивает свою теорию интерпретации на основании теории истины Тарского, а теория Тарского при этом понимается как корреспондентная теория реалистского толка, постольку появляется основание трактовать философию языка Дэвидсона как проявление реализма. И такой ход мысли можно заметить среди современных аналитических философов. Например, П. Энгел пишет по этому поводу следующее: «...даже если теория истины Тарского не дает какой-либо определенной дефиниции понятию истины, тем не менее она ориентируется на реалистское интуитивное осмысление этого понятия, в соответствии с которым, если высказывание истинно, то есть что-то в мире, что делает его истинным. Отсюда следует, что если подобно Дэвидсону признавать, что теория значения для естественного языка должна принимать форму теории истины, то данная теория так или иначе должна включать в себя это реалистское представление»[1].

Не стоит забывать и о М. Даммите, который посвятил противостоянию реализма и антиреализма немало времени и сил в своих исследованиях[2]. Даммит трактует Дэвидсона как реалиста на том основании, что он понимает значение высказывания исходя из условий его истинности. Условия истинности при этом Даммитом интерпретируются как реалистские условия именно потому, что само понятие истины истолковывается в корреспондентном смысле. Знать значение – значит, определенно знать о том факте, существование которого в объективном мире делает это предложение истинным. Поскольку сам Даммит исходит из положений интуиционистской философии математики, настаивающей на ограниченности человеческой формы рациональности и принимающей в качестве математических фактов только конструктивно построенные (доказанные) положения в практике математического исследования, постольку в эпистемологии и теории значения он стремится заменить условия

---

[1] *Engel P.* The Norm of Truth: An Introduction to the Philosophy of Logic. – Toronto, 1991. – P. 128–129.

[2] *Dummett M.* Realism and Anti-Realism // Dummett M. The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – C. 462–478.

истинности на условия утверждаемости, верифицируемости высказывания. Имеется множество высказываний (в первую очередь в математике), познание условий истинности которых во всей полноте, с точки зрения интуиционизма, не доступно для человеческого разума. Например, функция сложения с точки зрения интуиционизма никогда не определяется целиком для всего натурального ряда. Она определяется только для конструктивно построенных в процессе актуальной математической практики элементов. У высказывания «Чтобы сложить два любых натуральных числа *A* и *B*, нужно сделать движение по числовой прямой в правую сторону от точки *A* на *B* шагов с частотой шага 1» существуют не условия истинности, а лишь условия верифицируемости в актуальном опыте вычислений. Мы последовательно подтверждаем корректность данного высказывания, считают интуиционисты, раз за разом осуществляя конкретные арифметические действия. Но мы не можем гарантировать истинности этого высказывания в общем виде, поскольку весь натуральный ряд не обозревается нами целиком и не может быть представлен в познании.

Противопоставляя познанию условий истинности познание условий верифицируемости высказываний, Даммит трактует свою позицию как антиреалистскую в противовес дэвидсоновскому реализму.

Вторым важным элементом теории Дэвидсона, который провоцирует современных интерпретаторов на то, чтобы видеть в нем реалиста, является так называемый «The Principle of Charity». Английское «charity» в данном случае не так легко перевести на русский язык. «Доверие», «милосердие», «великодушие» – вокруг таких коннотаций строится употребление данного слова в разговорном английском. Однако в теории Дэвидсона этот термин используется, конечно же, не в этическом, а в чисто эпистемологическом контексте. Имеется в виду своего рода интеллектуальное милосердие, признание за моим собеседником достаточной степени разумности, рациональности, чтобы он мог, во-первых, фиксировать факты и события окружающего мира и, во-вторых, выстраивать на этой основе осмысленную и последовательную речь. Поскольку русский термин «милосердие» имеет все же ярко выраженную этическую окраску, постольку мы будем использовать этически более нейтральный термин «доверие», который позволит сосредоточиться именно на эпистемологической проблеме.

Впервые о принципе доверия в аналитической традиции заговорил Н. Уильсон в работе «Субстанция без Субстрата»[1]. Немного позднее эту идею развил гораздо более именитый философ – У. Куайн. И именно с его подачи принцип доверия стал широко обсуждаем при рассмотрении проблемы радикального перевода. Куайн утверждал, что мы могли бы идентифицировать и перевести условие-истинностные операторы исключительно на основе поведенческой очевидности. Если слово туземца, например «блуп», таково, что для любого предложения p, с которым туземец соглашается, он будет не соглашаться с «блуп-p», то мы можем перевести его «блуп» как русское «не». И если имеется другое слово туземца «блип», такое, что он будет соглашаться с «p блип q», если и только если он соглашается с p и с q, то мы можем перевести его «блип» русским «и».

На это можно было бы возразить следующее. Предположим, мы думаем, что корректно идентифицировали «и» и «не» туземца. Мы задаем ему вопрос «p блип блуп-p?», ожидая от него, что он не согласится с этим. К нашему удивлению он дает ответ «да». Это значит, что данный фрагмент поведенческой очевидности может быть адаптирован посредством различных теорий. Мы можем сказать либо то, что мы неверно перевели слова туземца «блип» и «блуп», либо, что мы корректно их перевели, но что туземец имеет совершенно различные убеждения относительно природы коньюнкции и негации и, например, не считается с законом недопущения противоречия, который гласит, что предложение и его отрицание не могут быть вместе истинны.

Если ориентироваться только на наш собственный концептуальный каркас, то мы просто могли бы указать на тот факт, что противоречиво принимать и предложение, и его отрицание, и что никто не мог бы сделать так открыто и осознанно, как это делает, как нам кажется, туземец. С другой стороны, если ориентироваться на плюрализм концептуальных каркасов, то можно было бы сказать, что туземец руководствуется полностью отличными от нас убеждениями не только на уровне фиксации эмпирических фактов, но и на уровне фиксации логических основ рациональной деятельности, например, на уровне интерпретации коньюнкции и отрицания.

---

[1] *Wilson N.* Substance without Substrata // Review of Metaphysics. – 1959. – 12. – P. 521–539.

И вот здесь, в этом пункте рассуждения, Куайн останавливает развитие своей идеи плюрализма концептуальных каркасов и призывает на помощь принцип доверия, чтобы зафиксировать фундаментальный статус логических законов для рациональной деятельности вообще. Принцип доверия в куайновской интерпретации гласит: «Слабоумие собеседника сверх определенной меры менее вероятно, чем плохой перевод»[1]. Это означает, что мы должны доверять тому, что туземец, по крайней мере, мыслит непротиворечиво, что он способен фиксировать логические основания рассуждения так, чтобы не допускать противоречащих друг другу суждений. На этом уровне мы должны предположить, что скорее всего он видит мир так же, как и мы, только говорит о нем иначе. Мы должны допустить, что скорее всего неправильно интерпретируем термины его языка, нежели предполагать его неразумность на столь фундаментальном уровне. Для любого же менее формального уровня, который касается какого угодно эмпирического познания, принцип доверия уже излишен. Нам не нужно допускать, что мы видим один и тот же мир. В соответствии с идеей плюрализма концептуальных каркасов, наоборот, вполне оправданно предполагать, что никакого единого, объективного мира, данного в опыте, нет. Таким образом, Куайн распространял принцип доверия только на уровень интерпретации логических связок, задающих формально-логический каркас речи и рассуждения.

Дэвидсон снимает какие-либо ограничения на применение принципа доверия и вводит его безусловное употребление в своей теории интерпретации. По Дэвидсону, понять чужую речь в принципе можно только на основе допущения, что говорящие указывают на одни и те же объекты, факты, события. Мой собеседник видит вещи такими, какие они есть, наше различие заключается только в том, что мы именуем эти вещи по-разному. Осуществляя интерпретацию, я должен доверять познавательным способностям моего собеседника как рационального существа, я должен признавать его себе подобным, признавать то, что он видит мир правильно, так же, как и я. Только на этой основе возможно продуцирование системы Т-предложений, задающих интерпретацию. Если я строю Т-предложение «'Снег голубой' тогда и только тогда, когда снег белый», в левой части кото-

[1] *Quine W.V.O.* World and Object. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960. – P. 59.

рого находится высказывание интерпретируемого идиолекта, а в правой части высказывание моего собственного идиолекта, то я могу гарантировать то, что понимаю собеседника, только на том основании, что он в экстралингвистической реальности видит сами вещи, как и я, видит то же, что и я. Сам снег и не голубой, и не белый. Он становится голубым или белым только в речи, сама вещь мира нема, и к этой немой реальности и обращаемся мы как познающие.

Очевидно, что принцип доверия, как и теория истины Тарского, провоцирует на принятие реалистской онтологии и эпистемологии, постулирующей существование объективной, экстралингвистической реальности и возможности ее адекватного познания. Такие тезисы устраняют какие-либо формы эпистемологического скептицизма и релятивизма, характерные для антиреалистских воззрений. Поэтому когда, например, С. Ивнайн – один из современных интерпретаторов дэвидсоновской философии – называет принцип доверия «антискептическим принципом»[1], то отсюда можно заключить, что он трактует Дэвидсона как реалиста.

Однако все эти достаточно весомые доводы в пользу того, чтобы расценивать семантическую теорию Дэвидсона как проявление онтологического реализма, начинают терять свою убедительность, если мы поставим под сомнение однозначность интерпретации тех оснований, на которых они выстроены.

Так, немалое число логиков и эпистемологов отказываются трактовать теорию Тарского как основанную на принципах корреспондентного понимания истины. Дефляционизм (или теория избыточности – англ. «redundancy») – новая теория истины, которую нередко уже ставят в один ряд с тремя наиболее известными теориями: корреспондентной, когерентной и прагматической[2], вообще отказывает истине в каком-либо определении, отказывается сводить это понятие к каким-то другим, прояснять его смысл через другие эпистемологические процессы, как это делала корреспондентная теория, проясняя истину через соответствие высказывания реальности, когерентная теория – через согласованность высказываний между собой в рамках определенной системы знаний, прагматическая теория – через по-

---

[1] *Evnine S.* Donald Davidson. – Stamford, California: Stanford University Press, 1991. – P. 108.

[2] *Blackburn S.* Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language. – Oxford, 1984.

лезность высказываний для практической жизни человека. Дефляционизм считает понятие истины с онтологической и эпистемологической точек зрения излишним. Его единственное предназначение оказывается исключительно лингвистическим, ограниченным пределами языка. Данное понятие просто осуществляет связь объектного языка и метаязыка, позволяя выстраивать общую иерархию метаязыков.

Именно так, к примеру, в работе «*Истина и объективность*» теорию истины Тарского трактует К. Райт[1], сетуя на ее эпистемологическую нищету. Зато Р. Рорти – ярый противник корреспондентной трактовки истины – воспринимает это заключение Райта с удовлетворением: «С точки зрения Райта проблема дефляционизма состоит не в том, что он не может рассказать нам, как выработать теорию истины для данного естественного языка, но что он даже не упоминает о вашем почтении к достижению истины»[2].

В самом деле, теория Тарского вполне может быть истолкована в дефляционном смысле. При продуцировании Т-предложения «Снег белый тогда и только тогда, когда снег белый» Тарский не предлагает нам допытываться того, что это такое – белый снег, не предлагает обсуждать, как в нашем познании достигается постижение объективного положения дел, не предлагает даже просто постулировать то, что это постижение происходит, как это можно сделать с позиции формального реализма (см. об этом раздел IV), он переводит разговор об истине в сугубо лингвистическое русло. Тарский говорит, что этот термин используется при согласовании языков – объектного и метаязыка. В правой части Т-предложения находится не какая-то онтологическая сущность сама по себе, а точно такое же чисто лингвистическое образование, как и в левой его части, только на ином уровне данности в опыте освоения языка. При этом референция метаязыка вообще не обсуждается. Исходя из теории Тарского мы не должны задавать вопрос: «Что это такое – белый снег?». Мы можем заключить лишь то, что если мы считаем, что снег белый, то, говоря «снег белый», мы говорим истину. В лучшем случае, здесь имеется соответствие между нашим убеждением, выраженным в лингвистической форме метаязыка, и объектным языком, причем

---

[1] *Wright C.* Truth and Objectivity. – Harvard: Harvard University Press, 1992.

[2] *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // The Philosophical Quarterly. – 1995. – Vol. 45. – No. 180, Jul. – P. 288.

содержание самого убеждения как некоторой ментальной сущности тоже не обсуждается. Рассматривается лишь его именование в метаязыке. И уж тем более речь в Т-предложении не идет о соответствии языка и реальности самой по себе.

Если принять, что условия истинности могут быть истолкованы не корреспондентным, а дефляционным образом, т.е. не как познание факта, существование которого делает предложение истинным, а лишь как познание лингвистической связи объектного языка и метаязыка, которая обеспечивает истинность высказывания объектного языка, то и аргументация Даммита, противопоставляющего условиям истинности условия верифицируемости и на этой основе выстраивающего оппозицию реализма и антиреализма, теряет свою точку опоры.

Дефляционная теория истины является деструктивной теорией в том смысле, что она лишь разрушает привычные представления об истине, не заменяя их новыми. В этом ее задача – показать, что понятие истины пусто, что за ним не кроется никаких онтологических и эпистемологических импликаций. Дефляционизм не собирается поддерживать ни реализм, ни антиреализм в онтологии. Дефляционизм вырабатывает лишь специфическую логико-лингвистическую процедуру, в рамках которой утверждается, что прояснить функционирование языка можно чисто технически, без обращения к философским вопросам онтологического и эпистемологического характера.

Исходя из вышесказанного становится понятным, что и в отношении семантической теории Дэвидсона на таком основании может быть выдвинут только негативный тезис. Если Дэвидсон использовал теорию истины Тарского как основу для своей теории значения естественного языка, и если теория Тарского не подразумевает корреспондентной интерпретации истины и не ведет к реализму, то и теорию Дэвидсона нельзя расценивать как проявление реализма в онтологии. Мы не должны говорить на этом уровне, что Дэвидсон поддерживает антиреализм, мы должны лишь заключить, что реалистских онтологических следствий из его семантической концепции вывести невозможно.

Еще раз обратимся к ситуации интерпретации речи и проведем более детальный анализ. Допустим, волею случая два человека *A* и *B* оказались на открытой местности посреди грозового фронта. Если при этом *A* решит высказать суждение, в котором бы констатирова-

лась возникшая вокруг него ситуация, то в соответствии с теорией интерпретации Дэвидсона здесь будут существовать следующие возможные вариации. *A* говорит: «Идет дождь» и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Светит солнце» (или любое другое девиантное суждение) и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Идет дождь» и имеет при этом убеждение, что светит солнце (или любое другое девиантное убеждение); и *A* говорит: «Светит солнце» и имеет при этом убеждение, что светит солнце. По Дэвидсону, *B* сможет попытаться проинтерпретировать речь *A* только на основе допущения, что они оба имеют схожие убеждения о вещах и событиях, происходящих вокруг них. Если даже *A*, находясь посреди грозового фронта, произносит: «Светит солнце», но имеет при этом такое же убеждение, что и *B*, а именно, что идет дождь, то *B* может попытаться понять собеседника, предполагая, что *A* просто использует слишком нестандартную, идиолектическую манеру речи. Для этого *B* будет выстраивать систему Т-предложений, среди которых окажется следующее: «'Светит солнце' истинно тогда и только тогда, когда идет дождь», где в левой части будет высказывание на языке *A*, а в правой описание той же ситуации на языке *B*. Если же допустить, что *A*, находясь посреди грозового фронта и произнося «Светит солнце», действительно убежден в том, что светит солнце, то интерпретация становится в принципе невозможной. Если очевидности опыта *A* настолько расходятся с очевидностями опыта *B*, то у *B* не будет никаких возможностей, никаких зацепок для построения системы Т-предложений. *A*, продуцируя высказывания, может быть убежден вообще в чем угодно, и выяснить это будет невозможно. Например, произнося «Светит солнце», он может быть убежден в том, что находится в полной темноте на Северном полюсе посреди полярной ночи и т.д.

Принцип доверия постулирует согласие в базовых очевидностях опыта. *B* доверяет *A*, что *A* видит тот же мир, что и *B*. Различие между ними заключается только в том, что они говорят об этом мире поразному. Основой лингвистического понимания непременно должна выступать тождественная экстралингвистическая реальность, иначе интерпретация речи собеседника неосуществима.

Такие тезисы снова и снова, казалось бы, должны убеждать нас в реалистских тенденциях дэвидсоновской философии. Тем не менее здесь есть важнейший нюанс, который переворачивает ситуацию с

точностью до наоборот. Этот нюанс дает о себе знать, если мы поставим вопрос следующим образом: для успешной интерпретации *B* нужно, чтобы *A* видел мир правильно, то есть таким, каков он есть, или же лишь только то, чтобы *A* видел мир таким, каким его видит *B*? Предположим последнее. Находясь посреди грозового фронта, *B* и *A* имеют схожие убеждения, что идет дождь. При этом, если даже *A* произносит: «Светит солнце», то *B*, во-первых, сможет понять речь собеседника, и, во-вторых, что самое главное, ему не нужно при этом быть уверенным в том, что *A* адекватно воспринимает экстралингвистическую реальность, ему нужно лишь допускать, что *A* воспринимает ее точно так же, как и *B*. По сути, в соответствии с мыслью Дэвидсона, мы можем предположить даже то, что *A* и *B* находятся посреди грозового фронта, но оба имеют убеждения, что светит солнце, и в таком случае, если они эти убеждения будут выражать с помощью различных языковых конструкций, между ними возможно достижение взаимопонимания, несмотря на то, что их убеждения никакого отношения к объективной реальности не имеют вообще. Отсюда становится ясным, что Дэвидсон, для того чтобы его теория интерпретации работала, требует лишь единообразия в убеждениях, единой когерентной системы взглядов, подобия в восприятиях реальности, а вовсе не допущения адекватного постижения самой реальности.

Если на основе дефляционистской трактовки теории истины Тарского мы сделали негативный вывод, что Дэвидсона, по крайней мере, не стоит расценивать как реалиста, то анализ эвристических возможностей принципа доверия для теории интерпретации только усугубил ситуацию. Теперь у нас есть достаточные основания, чтобы выдвинуть позитивный тезис и охарактеризовать исследования Дэвидсона как развитие конвенционалистской семантики, которой на уровне онтологии и эпистемологии соответствует концепция когерентизма, являющаяся, в свою очередь, одной из наиболее распространенных форм антиреализма в современной философии.

Такой вывод будут поддерживать и приветствовать антиреалисты: «...когда мы помним, что Дэвидсон не имеет дело с идеей, что истина состоит в нашей точной репрезентации реальности, мы понимаем, что он не говорит, что наши умы, благодаря божественной или эволюционной изобретательности, хорошо соответствуют зада-

че представления реальности как она есть. Он может вполне согласиться с Гудменом, Патнемом и Куном, что не существует такой задачи, поскольку не существует Способа, каким Мир Есть. Он, скорее, говорит, что большинство убеждений кого бы то ни было должны совпадать с большинством наших убеждений (поскольку, чтобы приписать убеждения, в первую очередь, мы должны призвать на помощь Принцип Доверия)...»[1].

Реалистам не остается ничего другого, как с сожалением признать, что исследования одного из наиболее ярких и оригинальных мыслителей последних десятилетий только подтверждают общую тенденцию перехода поздней аналитической философии на позиции антиреалистских онтологических программ.

§ 13. Лингвистический платонизм Д. Катца

Несмотря на то что концепция лингвистического платонизма Д. Катца[2] квалифицируется в современной аналитической философии как проявление неофрегеанских тенденций в семантике, воззрения самого американского философа по этому вопросу оказываются весьма специфическими. Д. Катц не является полным адептом идей Г. Фреге. Напротив, его позиция в этом вопросе является критической. Д. Катц считает Г. Фреге ответственным за то, что универсалистская семантика не получила должного развития в традиции аналитической философии и была вытеснена референциалистскими семантиками различных типов. По мысли Д. Катца, Фреге выбрал правильное направление исследований, но провел их на достаточно низком уровне аргументации, что позволило впоследствии Б. Расселу и Л. Витгенштейну выдвинуть сумму хорошо обоснованных натуралистических контраргументов в отношении фрегеанской семантики.

Соответственно, свою задачу Д. Катц видит, во-первых, в демонстрации уязвимости позиций натурализма и скептицизма в семантике и, во-вторых, в разработке такой аргументации для универсалистской семантики, которая могла бы отразить все критические атаки со стороны натурализма и скептицизма.

---

[1] *Rorty R.* Op. cit. – P. 285–286.

[2] *Katz J.J.* The Metaphysics of Meaning. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.

Интересен сам критический заход американского философа в отношении ведущих семантических концепций в традиции аналитической философии. Он подводит их под единое основание, считая, что каждую из этих концепций можно проинтерпретировать как проявление натурализма. Если относительно концепций Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна можно без особого обсуждения согласиться с такой позицией ввиду ее очевидности, то, например, теорию языковых игр позднего Л. Витгенштейна вряд ли, казалось бы, можно отнести к натурализму. Поздний Витгенштейн вообще лишает значение языкового выражения статуса определенной стабильной сущности, высказывая тем самым откровенные антиреалистские тезисы, отрицая возможность адекватного познания реальности самой по себе и утверждая онтоэпистемологический плюрализм локальных «языковых игр» и «форм жизни». Что общего, казалось бы, может иметь натурализм (физикализм), утверждающий объективное существование мира природы и эпистемологический скептицизм концепции теории языковых игр? Однако более тщательный анализ может продемонстрировать, что Д. Катц здесь действительно высказывает по-настоящему глубокую интуицию. Радикальный скептицизм относительно стабильности значения языкового выражения может быть основан только на натуралистических предпосылках при интерпретации познавательных возможностей человека. Поскольку человек признается локальным природным пространственно-временным объектом, постольку возможности его познания оказываются ограниченными. Они ограничены телесной организацией человека, его сенсорным аппаратом и, в конце концов, конечным составом нейронов головного мозга, генерирующим какую-либо мыслительную активность. Семантический скептицизм относительно схватывания стабильных значений языковых выражений и, соответственно, эпистемологический скептицизм относительно познания в целом возникает только на основании интерпретации человека как конечного существа, а такая интерпретация, в свою очередь, возможна только на основании натуралистических воззрений на человека как на локальный физический пространственно-временной объект в мире природы. Таким образом, оригинальная классификация позднего Л. Витгенштейна как натуралиста, которую предлагает Д. Катц, представляется достаточно обоснованной.

Обсуждение концепции позднего Л. Витгенштейна приводит Д. Катца к более общим выводам о противопоставлении эпистемологического объективизма универсалистской семантики и натурализма как субъективизма и антиреализма. Казалось бы, натурализм разделяет объективистскую эпистемологию и говорит о возможности адекватного познания мира. Однако натурализм в этом вопросе оказывается противоречивым, что мы уже отмечали выше при анализе концепции генеративной грамматики Н. Хомского. С одной стороны, если дело касается таких природных объектов, которые не генерируют собственную познавательную активность, то относительно них натурализм выглядит последовательным, с другой стороны, если дело касается такого объекта, как телесная организация самого познающего существа, то натурализм будет признавать локальность, конечность такой организации. Поскольку же сама теоретическая деятельность в философии и науке осуществляется на основе мыслительных процессов человека как познающего существа, бытийствующего в мире природы, постольку, учитывая его конечную организацию, следует признать релятивность любого познания, осуществляемого человеком. Таким образом, любой вид натурализма оборачивается эпистемологическим скептицизмом и онтологическим антиреализмом. Натурализм и антиреализм оказываются двумя сторонами одной медали. Не случайно, что в натуралисты и антиреалисты Д. Катц записывает, казалось бы, столь разные воззрения в философии языка, как скептическую семантическую концепцию позднего Л. Витгенштейна и натуралистическую теорию генеративной грамматики Н. Хомского. Чаще всего в исследовательской литературе по аналитической философии взгляды Хомского, утверждавшего существование глубинных универсальных синтаксических структур, обнаруживаемых во всех естественных языках, противопоставляют взглядам позднего Витгенштейна, настаивавшего на том, что в естественных языках вообще невозможно обнаружить каких-либо стабильных образований универсального характера, и потому отрицавшего возможность построения теории естественного языка в целом. Д. Катц в противовес этим распространенным интерпретациям находит позиции позднего Витгенштейна и Хомского подобными на основании приведенной выше аргументации. Единственно возможное выражение подлинно реалистской онтоэпистемологической позиции Д. Катц видит только в построении последова-

тельной и непротиворечивой семантики универсалистского типа, утверждающей существование значений языковых выражений в качестве объективных идеальных сущностей.

§ 14. Тенденции развития онтологической проблематики в аналитической философии

Подводя итоги проведенной типологизации семантических концепций аналитической философии по основанию реализм/антиреализм, можно сделать следующие выводы. Ранняя аналитическая философия, к которой обычно относят исследования Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата», имела ярко выраженную реалистскую позицию в онтологии. Начиная с 30–40-х годов XX века появляются работы, авторы которых делают явный крен в сторону антиреализма. В первую очередь, это экспликация проблемы неопределенности перевода и ее неопрагматистское решение У. Куайна и теория языковых игр, которую Л. Витгенштейн начинает разрабатывать в своих исследованиях по философии математики. И хотя позднее возникают концепции реалистской направленности, такие как теория референции раннего Х. Патнема, теория жестких десигнаторов С. Крипке и лингвистический платонизм Д. Катца, на общем фоне антиреализма, который формируют исследования У. Куайна, позднего Л. Витгенштейна, Н. Гудмена, П. Грайса, Д. Серла, Н. Хомского, позднего Х. Патнема, Т. Берджа, Д. Дэвидсона, они смотрятся скорее как исключения из правила, нежели как какая-то устойчивая тенденция.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы выдвигаем тезис о том, что различие между ранним и поздним вариантом аналитической философии можно провести по онтологическому основанию. Для ранней аналитической философии характерна реалистская онтология, тогда как развитие данной традиции в поздний период проходит под знаком антиреализма.

IV

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

§ 1. Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов

«Это вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов: можем ли мы (Дьюи и Дэвидсон подчеркивают, что не можем) отличить тот вклад, который вносит мир в процесс формирования суждения, от нашего собственного вклада»[1]. Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов в одном из популярных телешоу США середины 50-х был самым сложным. Ответ на него сулил игроку очень крупный по тем временам для среднего американца денежный выигрыш. С подачи Р. Рорти мы можем представить своеобразную эпистемологическую викторину с определенным набором вопросов, оцененных по степени сложности, где наиболее принципиальным, важным и сложным будет вопрос о том, зависят ли наши суждения, и соответственно их истинность, от некоторого объективного положения дел или нет.

Мы разделяем мнение Рорти. Данный вопрос в самом деле по-прежнему является одним из ведущих в новейшей философии. Именно в ответах на него определяются позиции реализма и антиреализма, противостояние между которыми выглядит наиболее принципиальным в современных философских дискуссиях.

В одной из своих работ М. Даммит дает следующее формальное определение реализма: «Сущность реализма в этом: для любого высказывания, которое имеет определенный смысл, должно быть что-то, посредством чего либо оно, либо его отрицание является истинным»[2]. Очевидно, что в основании такого определения находится объективистская онтоэпистемологическая установка и корреспондентное понимание истины. Предложение языка истинно тогда, ко-

---

[1] *Rorty R.* Op. cit. – P. 295.

[2] *Dummett M.* Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Dummett M. Truth and Other Enigmas. – London: Routledge, 1978. – P. 175.

гда в реальности существует то (некоторый факт), о чем говорится в этом предложении как о существующем. Соответственно, позицию антиреализма можно сформулировать как прямо противоположную: нет никакого объективного факта, посредством которого предложение языка оценивается как истинное или ложное; предложение считается истинным в силу действия иных причин, например, за счет лингвистической конвенции, когерентной согласованности предложения всей системе знания, прагматической установки на полезность информации, содержащейся в предложении, для нужд практической жизни и т.д.

Несмотря на то что антиреализм стал визитной карточкой современной аналитической философии, как мы это увидели в Разделе III, в данном теоретическом построении обнаруживаются существенные затруднения логического и эпистемологического характера, разрешить которые в рамках самой позиции антиреализма нельзя. По этой причине мы защищаем реалистские воззрения, утверждая, что реализм есть единственно возможная непротиворечивая онтоэпистемологическая позиция. Ниже обсуждаются основные положения так называемого формального реализма – концепции, которая должна, по нашему мнению, стать фундаментом любых последовательных построений в онтологии и эпистемологии.

§ 2. Мозги в бочке

Х. Патнем, как кажется, должен был испытывать смятение по поводу крайне полярных тезисов, выдвигаемых им в процессе развития своей мысли. С одной стороны, разрабатывая эпистемологические следствия теоремы Левенгейма – Сколема, Патнем сформулировал положение о радикальной неопределенности референции, которое по масштабности скептицизма в отношении всех возможных сфер познания вполне сравнимо с наиболее радикальными формами антиреализма в современной философии. С другой стороны, именно Патнем, как никто другой, с особой остротой ощущал общетеоретическую несостоятельность скептицизма, ведущего к глобальному релятивизму и антиреализму в вопросах истины, объективности и необходимого знания. Именно Патнем в своей известной работе «*Разум, истина и история*» формулирует наиболее развернутые и продуманные антирелятивистские аргументы в поздней аналитиче-

ской философии. Из-за этого, как справедливо отмечает Л.Б. Макеева, его позиция выглядит двусмысленной: «Противопоставляя свою концепцию метафизическому реализму, Патнем так формулирует ее основные положения, что они говорят в пользу понимания им истины как некоторого вида когерентности наших представлений друг с другом. Однако, стремясь избежать обвинения в релятивизме, он, по существу, вносит такие уточнения и дополнения, которые свидетельствуют об отказе понимать истину как простую когерентность и означают внесение определенных объективных компонентов в ее трактовку. Это, безусловно, является серьезным недостатком концепции истины Патнема»[1]. Вместе с тем на основе как раз этой эпистемологической напряженности и рождается новая онтологическая программа Патнема, известная под именем «внутреннего реализма», в которой автор попытался выбрать серединный путь между противостоящими позициями реализма и антиреализма.

Мы не будем касаться вопроса о том, в чем именно состояла новая идея Патнема. Нас в большей мере интересует критическая часть его работы, а именно аргументы против релятивизма, которые мы хотели бы использовать в качестве обоснования несостоятельности антиреалистской позиции в общем виде.

Один из таких аргументов представлен в экстравагантном мысленном эксперименте под названием «мозги в бочке»[2]. Мы можем представить себе мозг, который генерирует мыслительную деятельность, будучи помещенным в особый питательный раствор для поддержания его жизнедеятельности. Какая-либо связь с внешним миром у этого существа, будь то посредством чувственности или каких-либо других источников, по определению, отсутствует. Все данные, с которыми имеет дело мышление, возникшее в таком мозге, получены не из реальности, не от существующих объектов. Они представляют собой внутренние ментальные образы, за которыми стоят не объекты, а лишь определенная последовательность электрических сигналов, посылаемых в мозг при помощи подключенных к нему электродов, создающих иллюзию внешнего воздействия. Если развить мысль Патнема далее и предположить, что такое существо обладало бы внутренней речью и было бы способно на продуци-

---

[1] *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнема. М.: ИФРАН, 1996. – С. 132–133.

[2] *Патнем Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. – С. 14–37.

рование монологических высказываний, то мы могли бы сказать, что специфика языковой деятельности такого субъекта состояла бы в том, что в ней, по определению, наложен запрет на осуществление каких-либо референциальных отношений. Предложения языка этого существа в принципе не могли бы отсылать к каким-либо реальным референтам, их значения бы полностью ограничивались лишь внутренними ментальными образами, возникающими посредством воздействия электродов.

Спрашивается, могло ли бы такое существо понять, что оно – мозги в бочке? Или, если сразу переводить исследование в привычное для аналитической философии лингвистическое русло, мы могли бы поставить вопрос так: способно ли такое существо высказать предложение «Мы – мозги в бочке»? Следуя мысли Патнема, мы должны дать отрицательный ответ на этот вопрос. Поскольку мозги в бочке, по определению, не могут сформулировать предложение с реальным референтом, постольку они никогда не смогут высказаться о том, что на деле имеет место, а именно, что они – мозги в бочке. Если же предложение «Мы – мозги в бочке» все же вдруг случайно встретится во внутренней речи данного существа, то, поскольку референциальные связи в его языке отсутствуют, оно не будет означать, что существуют мозги в бочке, оно не будет указывать на этот факт реальности. Предложение «Мы – мозги в бочке» не говорит о том, что мы – мозги в бочке.

Патнем сравнивает эту ситуацию с еще одним воображаемым случаем. Допустим, мы видим, как муравей, ползая по песку, оставляет на нем такой след, который полностью идентичен карикатурному изображению Уинстона Черчилля. Можем ли мы сказать, что муравей изображает Черчилля, что Черчилль является референтом тех начертаний, которые муравей оставил на песке? Очевидно, нет. Муравей не продуцирует референциального отношения. У той картинки, которую он случайным образом нарисовал на песке, нет никакого референта. Подобное происходит и с предложением «Мы – мозги в бочке», которое сформулировано во внутренней речи мозгами в бочке.

Несмотря на столь экстравагантную форму, которая, наверно, многих может отпугнуть излишней натуралистичностью, очевидно, что данный аргумент может быть применен в качестве критики любого антиреалистского проекта. Если, как считает антиреалист, ис-

тина есть лишь культурная конвенция того или иного вида, то либо этот философ вообще не сможет высказать предложение «Истина есть культурная конвенция», либо, если он все же высказывает его, такое предложение – «Истина есть культурная конвенция» – не будет указывать на то, что истина есть культурная конвенция. Такое предложение не будет указывать даже на то, что имеется определенная культурная конвенция, в соответствии с которой истина понимается как культурная конвенция. Ибо если бы предложение указывало на такую конвенцию, то она сама бы уже представала в качестве некоторого реального референта.

Предложение «Истина есть культурная конвенция» представляет собой одну из тех ловушек языка, обнаружить которые всегда пытался философ-аналитик, следуя своей методологии. Имеется впечатление, что данное предложение о чем-то говорит. Кажется, что то, о чем оно говорит, настолько весомо, что мы готовы даже поместить это предложение в основание наших онтоэпистемологических представлений. Но на деле за этими знаками на бумаге, которые выводит последовательный антиреалист, записывая «Истина есть культурная конвенция», ничего не стоит. Язык антиреалиста становится мнимым, превращается в квазиязык, который не говорит ни о чем.

Если принять в качестве допущения, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности, то он никогда не сможет построить с помощью предложений своего языка такую теорию, которая будет говорить о том, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности. Если бы антиреализм был прав, то мы никогда не смогли бы сформулировать позицию антиреализма. Если же, как мы видим, такая позиция все же имеет место, это означает либо то, что высказывание антиреалиста не говорит о том, о чем оно должно говорить, либо что (и, скорее всего, происходит именно это) антиреалист оказывается непоследовательным, он опровергает свое собственное основание и высказывает самый что ни на есть реалистский тезис. Поэтому на заявления антиреалиста Рорти, подобные следующему: «Такие философы (реалисты. – *В.Л.*) разделяют образ человеческих существ как машин, сконструированных (Богом или Эволюцией), среди прочих, для того, чтобы видеть вещи правильно. Прагматисты хотят

освободить нашу культуру от такого самовосприятия...»[1], Патнем совершенно справедливо замечает: «...я думаю, что, несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует»[2]. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от неверного воззрения на сущность человека. Они хотят показать нам, как правильно понимать человека, как увидеть его таким, каков он есть на самом деле.

§ 3. Контраргументы антиреалистов и их опровержение

Мы привели аргументы, призванные показать логическую несостоятельность общей позиции антиреалзима. Далее воспроизведем те соображения, которые либо обычно уже выступали, либо могли бы выступить в качестве контраргументов к данной критике. Естественно, мы попытаемся усомниться в состоятельности и этих контрмер.

Например, в отношении Витгенштейна многие интерпретаторы обращают внимание на особый афористичный стиль, в котором написаны «*Философские исследования*». Говорится о том, что автор избрал данную форму изложения не случайно. Она призвана подчеркнуть, что в данном тексте Витгенштейн не стремится к созданию какой-либо новой теории, к формулировке каких-то общих положений относительно рассматриваемого предмета – значения языкового выражения. В подтверждение приводятся соответствующие пассажи «Философских исследований», например § 43: «Для *большого* числа случаев – хотя не для всех – в которых мы используем слово 'значение', его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке»[3].

Однако соображение, высказанное в § 43 «Философских исследований», никак не согласуется с другими положениями, которые, собственно, и принесли славу учению позднего Витгенштейна. Скажем, центральный для темы следования правилу § 201 содержит утверждение именно универсалистского характера: «... ни один образ

---

[1] *Rorty R.* Op. cit. – P. 292.

[2] *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 490.

[3] *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. - М.: Гнозис, 1994. – С. 99.

действий не мог бы определяться каким-то правилом...»[1]. Если бы мы сохранили классический взгляд на функционирование языка, то пришли бы к парадоксальному утверждению, что ни одно конкретное употребление слова не могло бы определяться значением, содержащим в себе правило его употребления. 'Ни одно' – разве это выражение естественного языка не подразумевает применение квантора всеобщности в данной предикации: $\forall x P(x)$, где x – употребление слова, P – быть определенным значением, содержащим в себе правило? То же можно сказать относительно высказывания из § 16 сборника «Zettel»: «Ошибочно говорить, что есть что-то, что представляет собой значение...»[2]. Должны ли мы сомневаться в том, что Витгенштейн имеет здесь намерение сказать что-то о значении языкового выражения в целом? Если воззрения Витгенштейна не касаются всего языка, не касаются сущности значения какого бы то ни было языкового выражения, если они иногда истинны, а иногда ложны, то в чем состоит их теоретическая ценность? М. Даммит подчеркивает этот момент: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе, которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения»[3]. Если же они все-таки претендуют на то, чтобы отдать отчет о формировании значения, о принципе функционирования языка в целом, если они расценивают классический августинианский образ языка как полностью не соответствующий реальным речевым практикам и вводят вместо него новое представление о том, как работает язык, то они подпадают под те критические аргументы, которые мы зафиксировали выше.

Еще одной достаточно распространенной попыткой обойти логические затруднения, связанные с формулировкой позиции антиреализма, является простое их игнорирование. Для примера можно привести попытку У. Джеймса, ответить на обвинения в том, что его прагматизм является логически противоречивым. Доводы Джеймса носят явный алогический характер и в этом смысле являются показательными для многих современных антиреалистских теорий, которые вообще не желают сразиться с соперником, что

---

[1] *Витгенштейн Л.* Философские исследования. – С. 163.

[2] *Wittgenstein L. Zettel.* – Oxford: Blackwell, 1967. – P. 3.

[3] *Dummett M.* The Logical Basis of Metaphysics. – Cambridge, Massachusetts Harvard University Press, 1991. – P. xi.

называется, на одном поле, одним оружием. Они не пытаются найти логически внятный ответ на предъявленные критические замечания, а говорят скорее о несостоятельности самого рационалистического дискурса.

Вот как Джеймс формулирует сам аргумент и ответ на него: «Один мой корреспондент высказал данный упрек (в логической несостоятельности прагматизма – *В.Л.*) следующим образом: «Когда, обращаясь к своей аудитории, вы говорите: 'Прагматизм есть истина обо всем, что касается истины', – то слово 'истина' употребляется вами в двух различных значениях. По поводу первого ни у вас, ни у ваших читателей вопросов не возникает; вы не предоставляете им свободу принять или отвергнуть эту 'истину' в зависимости от того, насколько хорошо она служит их целям. А вот вторая 'истина', которая должна была объяснять и включать в себя первую, как раз и предполагает, по-вашему, такую свободу. Стало быть, пафос вашего суждения, по-видимому, находится не в ладах с его смыслом». Перед нами классический способ, которым всегда пытались опровергнуть разного рода скептицизм. 'Чтобы выразить свою скептическую позицию, – говорят рационалисты, – вам никак не обойтись без догматизма. Выходит, вы всей своей жизнью противоречите собственным убеждениям'. Казалось бы, неспособность столь древнего аргумента хоть в малейшей степени поубавить в мире тотального скепсиса уже должна была породить сомнение и у самих рационалистов: мол, стоит ли думать, что подобные текущие возражения логического порядка в итоге могут оказаться фатальными для живых склонностей духа? А всякий скептицизм и есть живая духовная склонность – склонность к отказу от окончательного вывода»[1].

Джеймс выдвигает контраргумент, заявляя, что, несмотря на формулируемое затруднение, данное рассуждение никогда не могло умертвить «живых склонностей духа». Это характерный для антиреализма способ ухода от проблемы: как только нужен четкий логический ответ, тут же антиреалист прибегает к метафоре. Как только реалист пытается призвать оппонента к строгости мысли, тот сразу же маскирует свою позицию каким-то подобием поэтического письма.

---

[1] *Джеймс У.* Прагматистский взгляд на истину и его неверные толкования // Джеймс. У. Воля к вере. – М.: Республика, 1997. – С. 350.

Наиболее внятными в логическом отношении способами оправдания антиреализма могут выглядеть концепция различения языка и метаязыка А. Тарского и определенное эпистемологическое следствие теории типов Б. Рассела.

С точки зрения концепции различения языка и метаязыка[1] неправомерной окажется не позиция антиреализма, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т.д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости (по типу патнемовского). Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно только исходя из ошибочного смешения различных уровней языка. На деле само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом, о котором что-то говорится, а к метаязыку, и поэтому никакой противоречивости в утверждении антиреалиста нет. Его высказывание «все высказывания относительны» вполне может быть абсолютным, и это не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, что, кстати говоря, для естественного языка Тарский считал практически неосуществимым, обращаясь для проведения данных различий к искусственным языкам.

С помощью теории типов[2] также может быть высказана критика в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения антиреализма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из концепции метаязыка Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных антиреалистских воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Высказывание «Все высказывания относительны» попадает в тип более высокого порядка, нежели те высказывания, о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных типов.

В отношении концепции метаязыка Тарского и теории типов Рассела мы можем высказать следующее возражение. По сути, тео-

---

[1] *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998. – С. 90–129.

[2] *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.

рия типов Рассела устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было суждение может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого суждения также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в суждении. Но как быть с самой формулировкой теории типов (этот же вопрос касается и концепции метаязыка)? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Формулируется ли сам принцип различения языка и метаязыка только еще в одном частном языке, по отношению к которому также возможна метапозиция или же здесь используется некий универсальный язык, охватывающий собой все возможные лингвистические события? Когда Рассел произносит: «Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами»[1], разве он не формулирует то свойство, посредством которого можно собрать в некую универсальную общность классов все возможные общности классов, а значит, и саму эту общность? Если это так, то сама формулировка теории типов представляет собой использование понятия класса всех классов, с которым она борется. Если это не так, то формулировка теории типов распространяется не на все возможные общности классов, а только на некоторые, допуская возможность существования иных общностей, находящихся в метапозиции по отношению к ней и руководствующихся иным, отличным от теории типов, принципом отношения между классами. В итоге теория типов при попытке использовать ее для обоснования антиреалистских воззрений сама оказывается в логическом тупике.

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» приводит свою версию запрета на автореферентность и релятивизацию типов высказываний. В дополнение к теории типов имеет смысл критически рассмотреть и витгенштейновский способ рассуждения. Параграф 3.332 «Логико-философского трактата» гласит: « Ни одно пред-

[1] *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – С. 90.

ложение не может высказывать нечто о себе самом, ибо знак-предложение не может содержаться в себе самом (это вся 'теория типов')»[1]. В этом коротком заявлении Л. Витгенштейн утверждает, что процедура дробления языка на типы высказываний может иметь значительно более простое осуществление, нежели то, что предполагал Б. Рассел в своей теории типов. В параграфе 3.333 Л. Витгенштейн дает разъяснение своей позиции: «Функция потому не может быть своим собственным аргументом, что знак функции содержит образец ее аргумента; а этот образец не может включать сам себя. Предположим, например, что функция F(fx) могла бы быть своим собственным аргументом; в таком случае существовало бы предложение 'F(F(fx))', а в нем внешняя функция F и внутренняя функция F должны иметь разные значения, ибо внутренняя функция имеет форму $\phi(fx)$, а внешняя – $\psi(\phi(fx))$. Общей у обеих функций является только буква F, которая, однако, сама по себе ничего не обозначает...»[2]. Таким образом, Л. Витгенштейн полагает, что для дробления языка на типы высказываний не нужно совершать некоторого волевого усилия мысли. Если Рассел считал, что теорию типов следует применять нарочито и сознательно как необходимую методическую процедуру, позволяющую избавить мысль от парадоксов, то Витгенштейн утверждает, что данная теория является просто излишней, ибо язык сам по себе устроен таким образом, что не допускает смешения типов высказываний. Все, что нас вводит в заблуждение, это несовершенная знаковая система. Если мы посредством надлежащего логического анализа разберемся в принципе ее функционирования, то нежелательные смешения типов высказываний исчезнут сами собой. Так, автор «Трактата» полагает, что в формуле F(F(fx)) лишь несовершенство системы обозначения склоняет нас думать, будто бы здесь имеет место подстановка функции на место собственного аргумента. Буква «F» в данном случае употребляется некорректно. Один и тот же символ обозначает сразу две различные функции. На самом деле, считает Витгенштейн, функция не может быть подставлена на место собственного аргумента, ибо в этом случае она автоматически меняет свое значение, и мы уже имеем дело с двумя разными функциями. Проблема лишь в том, что наша система обо-

---

[1] *Витгенштейн Л.* Цит. изд. – С. 16.
[2] *Там же.* – С. 16.

значения не столь гибка, чтобы уследить за изменениями значений, мы продолжаем использовать один и тот же символ «F» для двух различных функций.

Развивая мысль Л. Витгенштейна, можно сказать, что примером более гибкой системы обозначений служил бы тот язык, в котором помимо формы графического символа информативным являлся бы также его цвет, причем цвет символа изменялся бы без волевого усилия носителя языка, непроизвольно, подчиняясь лишь логическому строю языка как такового. В таком случае при попытке построить формулу F(F(fx)) мы бы всякий раз замечали, что символ «F» меняет свой цвет, скажем, с черного на красный, что указывало бы нам на то, что перед нами, по сути, уже иная функция. В этих обстоятельствах теория типов, в самом деле, оказывалась бы излишней, ибо язык заботился бы о себе самом самостоятельно.

Отдавая должное тонкости и оригинальности мысли Л. Витгенштейна, мы, тем не менее, должны признать, что автор «Трактата» никак критически не переосмыслил основную идею теории типов – полный запрет на автореферентность, утверждение невозможности существования семантически замкнутого языка. Витгенштейн высказал эту идею в несколько усовершенствованном виде, но суть ее оставил без изменений. Поэтому мы можем перенести основные элементы проведенной выше критики расселовской теории типов и на витгенштейновский способ релятивистского рассуждения.

Мы не обсуждаем вопрос о том, волевым ли усилием мысли вводится дробление на типы высказываний или же это сущностное устройство самого языка. Мы говорим, что далеко не бесспорной выглядит сама идея такого дробления, ибо далеко не беспроблемными выглядят высказывания, в которых эта идея может быть представлена. Относятся ли высказывания параграфа 3.333 о том, что язык сам по себе дробится на типы, о невозможности семантически замкнутого языка и универсалистского дискурса, к любым проявлениям языка, к любым высказываниям, к сущности языка как такового? Если это так, то в высказываниях параграфа 3.333 идет речь о целой предметной области, обо всех ее элементах, в том числе и о самих высказываниях параграфа 3.333. Значит, неверно утверждать, что семантически замкнутый язык невозможен. Если это не так, то высказывания параграфа 3.333 относятся только к некоторым, частным, высказываниям и, значит, допускают такие сферы языка, где

они не имеют силы. Так о чем же говорит параграф 3.333 «Трактата»? На что он претендует? Претендует ли он на универсальное описание? Если да, то самим своим продуцированием он опровергает свое содержание. Если нет, то он допускает собственное отрицание, и тогда непонятна его теоретическая ценность.

§ 4. Споры о реализме

Избежать описанных выше затруднений способна только реалистская позиция. Когда реалист высказывает суждение «Всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть», то в данный момент позиционирование самого этого суждения находится в согласии с его собственным содержанием. Данным суждением реалист подтверждает, что всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть. Суждение «Всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть» само претендует на то, чтобы описать соответствующее объективное положение дел, а именно тот факт, что всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть.

Любое теоретическое построение рационалистского дискурса, по сути, должно заканчиваться реалистским тезисом, обратное немыслимо. Последовательный антиреалист просто останавливает мышление в ситуации абсурда. Мышление, по сути, должно быть мышлением о том, что есть, так же, как и язык может функционировать только тогда, когда существует что-то внелингвистическое. Если допустить полное отсутствие референциальных отношений, то язык перестает быть самим собой, а именно системой знаков, которые что-то означают. Язык превращается в «колебания воздуха», становится мнимым. Любые трактовки истины, будь то прагматическая, когерентистская или даже дефляционистская, отрицающая возможность самого определения данного понятия, сами должны опираться на корреспондентное понимание истины. Только так может быть сформулировано внятное концептуальное построение в принципе. Рациональная философия возможна только как реализм. Важнейшая проблема онтологии, как оказывается, имеет до смешного простое решение: «Онтологический вопрос необычен своей простотой. Его можно сформулировать в трех односложных словах: 'Что же есть?'.

Более того, ответить можно одним словом: 'Всё', и каждый сочтет этот ответ истинным»[1].

К несчастью, реализм сильно ослабляет себя, доводя почти до саморазрушения в угоду антиреалистским программам, когда осуществляется попытка продолжить онтологическое исследование и ответить на следующий вопрос: «Что же именно есть?». Здесь начинаются острейшие споры и хаотическое нагромождение теорий, где выстроить какую-либо последовательную иерархию идей оказывается делом очень сложным.

Например, позиция научного реализма, ориентированного на физическую реальность, не будет принимать тезисы математического реализма, утверждающего объективное существование универсальных сущностей. Как мы уже отмечали выше в Разделе II, реализм, который останавливается на физикализме, можно было бы назвать «умеренным», тогда как для позиции, которая помимо физической реальности признает также и реальность математическую, можно использовать термин «радикальный реализм». Как эти позиции должны соотносится между собой? Должны ли мы с позиции умеренного реализма трактовать радикальный реализм как антиреализм? Из текстов М. Даммита, например, видно, с каким трудом ему дается обсуждение подобных вопросов[2]. Она актуальна для этого оксфордского философа еще и тем, что его главный источник вдохновения – семантическая теория Г. Фреге – как раз оказывается двусмысленным в этом отношении. Трехчленная семантика Фреге всегда трактовалась как пример антиреализма из-за того, что между языком и миром Фреге помещал определенную медиальную абстрактную сущность – смысл языкового выражения, посредством которого мир объективных референтов становится доступным для познающего субъекта. И сам Даммит, в конце концов, расценивает свою позицию как антиреалистскую, когда спорит с Дэвидсоном[3]. Но общим местом является также и совершенно противоположная интерпретация, а именно: Фреге по праву называют платоником, ибо

---

[1] *Куайн У.В.О.* О том, что есть // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 7.

[2] *Dummett M.* Realism and Anti-Realism // Dummett M. The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 462–478.

[3] *Даммит М.* Что такое теория значения? (I) // Логика, онтология, язык. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 93–135.

он утверждал объективное существование этих абстрактных сущностей, несводимое к субъективным представлениям познающего. И в этом смысле Фреге предстает как реалист, математический реалист.

Различные трактовки реализма, вызывающие путаницу в типологизации тех или иных конкретных теоретических построений, подобно указанному выше случаю с Фреге, основываются на определенных эпистемологических предпосылках. Одни делают акцент на чувственный опыт, в котором фиксируются объекты физической реальности, другие говорят о существовании особого опыта интеллектуальной интуиции, в котором субъект познания оказывается способным «схватывать» абстрактные сущности в их целостности.

§ 5. Основные принципы формального реализма

Теоретическое построение, которое мы именуем «формальным реализмом», позволяет оставить в стороне споры среди реалистов по вопросу о том, какого рода сущности имеют место в объективной реальности. Более того, формальный реализм позволяет проигнорировать и самый принципиальный эпистемологический вопрос, который возникает в данном случае: как именно обосновать и описать то, что мы способны выходить за пределы субъективности и соприкасаться с реальностью самой по себе? Для Рорти, как известно, «козырная карта» антиреализма состоит как раз в указании на невозможность найти ответ на данный вопрос. Постулирование объективной реальности и возможности ее адекватного познания интерпретируется в прагматизме как некое иррациональное действие сродни религиозной вере.

В этом отношении позиция формального реализма является, если так можно выразиться, бесцеремонной. Здесь утверждается, что мир существует, что есть все, что есть, и что каким-то образом мы способны на адекватное познание мира. Как в таком случае можно было бы ответить на замечание Рорти об иррационалистическом, религиозном характере данного положения? Только негативно: обратное немыслимо. То, что мир есть и что мы каким-то образом способны фиксировать его таким, каков он есть, – это основа любого дальнейшего движения мысли вообще. Тот, кто пытается исключить эту фундаментальную предпосылку рациональности, с неизбежностью

приходит к противоречию, сталкиваясь с аргументом от автореферентности по типу патнемовского.

Формальный реализм оставляет открытыми сложные онтоэпистемологические вопросы о том, какого рода сущности имеются в бытии и с помощью каких средств познавательного аппарата субъекта возможно их адекватное познание. Это не означает, что данные вопросы признаются несущественными. Скорее исследования по ним откладываются. Формальный реализм предоставляет право рассмотрения этих вопросов дальнейшим конкретным эпистемологическим разработкам.

В чем же тогда можно усмотреть эвристичность позиции формального реализма для онтологии и эпистемологии? Ответ должен быть таким: в противостоянии антиреализму. Формальный реализм, если воспользоваться метафорой, есть исследование и расчистка местности перед проведением строительных работ. Это вынесение вердикта о том, на какой вообще почве, на каком основании может быть построено здание рационалистической философии.

Формальный реализм не отрицает ситуаций плюрализма, наличие конвенций, действий, руководствующихся прагматическим выбором, т.е. всего того, в чем антиреализм усматривает основные черты человеческой культуры. Формальный реализм не отрицает того факта, что достижение объективной истины и необходимого знания – это задача не из легких (а во всей полноте и всем многообразии опыта, скорее всего, вообще не выполнимая). Формальный реализм выступает против лишь наиболее радикального антиреалистского тезиса, в соответствии с которым мы должны отказаться от самого идеала объективной истины как регулятивного принципа познания, ибо этот отказ останавливает рациональную деятельность как таковую: «То, что мы не можем достигнуть этого идеала на практике, не является парадоксальным; никогда и не предполагалось, что мы действительно можем достичь его на практике. Однако то, что возникают принципиальные трудности с самим идеалом, т.е. что мы не можем больше представить, что значит достижение этого идеала, этот факт оказывается для нас, таких как мы есть, наиболее глубоким парадоксом»[1].

---

[1] *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 482.

— V —

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

§ 1. Формулировка парадоксов и основания парадоксальности

Формальный реализм – это онтологическая концепция, которая строится на основании критики релятивистских способов рассуждений в онтологии и эпистемологии. Релятивизм признается логически противоречивым. Любое релятивистское рассуждение своим следствием имеет парадоксальную ситуацию в мышлении и языке. Вместе с тем понятие парадоксальности требует более тщательного прояснения, поскольку в рамках традиции аналитической философии (а система формального реализма, в первую очередь, использует ресурсы именно этого философского направления) обнаруживаются различные виды парадоксальности и различные трактовки обоснования возникновения логических парадоксов. Данное положение дел можно отметить в исследованиях Б. Рассела, который, как хорошо известно, приложил немало усилий для преодоления парадоксов в логике и основаниях математики.

В 1902 г. Б. Рассел написал Г. Фреге письмо, в котором указывал на логические затруднения, возникающие при отсутствии каких-либо ограничений на образование множеств (классов): «Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но теперь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия: Пусть w будет предикатом 'быть предикатом, не приложимым к самому себе'. Приложим ли w к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что w не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые, как целое, не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при определённых обстоятельствах определяемое множество не образует целого»[1].

---

[1] *Frege G.* Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford: Basil Blackwell, 1980. – P. 130–131.

Так был сформулирован парадокс, который в дальнейшем в логической литературе называли парадоксом множества всех непредикативных множеств или парадоксом класса всех стандартных классов. Существуют два вида классов: стандартные и нестандартные. Стандартным называется класс, который не включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех яблок является стандартным. Он включает в себя конкретные объекты материального мира – яблоки, но не включает в качестве собственного элемента себя самого, поскольку класс всех яблок сам яблоком уже не является. Таких классов подавляющее большинство: класс всех людей, класс всех деревьев, класс всех столов и т.д. Поэтому они и именуются стандартными. Однако существуют и специфические, нестандартные классы. Нестандартным называется класс, который включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех предметов, не являющихся яблоками, является нестандартным. Он включает в себя все предметы, не являющиеся яблоками, а именно, людей, деревья, столы и т.д. Но при этом и сам класс предметов, не являющихся яблоками, также может быть рассмотрен как предмет, не являющийся яблоком. Поэтому данный класс включает себя самого в качестве собственного элемента.

Б. Рассел видит проблему в образовании класса всех стандартных классов. Класс всех классов, не являющихся членами самих себя, оказывается противоречив в том смысле, что по отношению к нему мы с одинаковой претензией на истинность можем употребить два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, и поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

С подачи Рассела в более популярной формулировке данная проблема часто фиксируется в парадоксе под названием «Брадо-

брей». Брадобрей – деревенский цирюльник, в чьи обязанности входит брить только тех жителей деревни, которые не могут бриться сами. Встает вопрос, может ли брадобрей брить себя самого? Если мы предполагаем, что может, то он попадает в класс тех людей, которые не могут бриться сами, и поэтому мы приходим к выводу, что данное действие в отношении себя он осуществить не в состоянии. Если мы предполагаем, что не может, то он становится членом той группы людей, в отношении которых он осуществляет свою деятельность, и поэтому мы приходим к выводу, что он может себя побрить.

К формулировке данного парадокса в письме к Г. Фреге Б. Рассел не приложил объяснения причин его появления. Возможно, это произошло потому, что основание парадоксальности оставалось на тот момент скрытым для самого британского логика. Не случайно, что позднее он предпримет усилия к тому, чтобы это основание все же сформулировать. Попробуем сейчас разобраться в причинах появления парадокса типа «Брадобрей» самостоятельно.

Если мы посмотрим на описанные выше парадоксы, такие как парадокс образования предиката «быть предикатом, неприложимым к самому себе», парадокс класса всех стандартных классов, парадокс «Брадобрей», то мы увидим, что все они имеют одно общее свойство. В каждом из этих случаев осуществляется попытка замкнуть на себя самого, обратить по отношению к себе самому некоторый объект (явление, суждение), имеющий какую-либо негативную характеристику. Так, ставятся вопросы о том, приложим ли к себе самому предикат «быть предикатом, *не*приложимым к самому себе», содержит ли себя самого класс всех классов, *не* содержащих самих себя в качестве собственных элементов, может ли брадобрей побрить себя самого при том условии, что он должен брить только тех, кто *не* может бриться самостоятельно. По сути, основанием возникновения парадоксов во всех этих случаях является то, что можно было бы назвать «негативной автореферентностью». Как только мы задаем вопрос о том, применимо ли к суждению, в котором задается негативное свойство по отношению к некоторым объектам, само это негативное свойство, возникает парадокс. Кстати, классический античный парадокс «Лжец», который в формулировке У. Куайна выглядит следующим образом: «...критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно, в случае истин-

ности, быть ложным»[1], также возникает на этом основании. Говорит ли правду критянин Эпименид о том, что ни один критянин *не* говорит правду? На этот вопрос не может быть получен однозначный ответ, в котором бы соблюдался логический закон недопущения противоречия. Негативное свойство, которое Эпименид приписывает всем жителям острова Крит, само и может, и не может быть приписано Эпимениду. В этом состоит парадокс.

Явление негативной автореферентности лежит в основании указанных выше парадоксов. Казалось бы, для того чтобы подобные парадоксы преодолеть, достаточно установить запрет на действия, которые приводят к фактам негативной автореферентности. Однако Б. Рассел, создавая свою теорию типов, пошел значительно дальше. Он установил запрет на автореферентность вообще. Насколько правомерным было столь масштабное, репрессивное для мышления действие, обсудим позже. Сейчас же обратим внимание на то, что когда Б. Рассел в «*Principia Mathematica*» попытался обосновать этот масштабный запрет, он указал на совсем иное основание появления парадоксов, нежели то, что мы выявили при исследовании парадоксов типа «Брадобрей». Вот что пишут А. Уайтхед и Б. Рассел в «Principia Mathematica»: «Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что все они проистекают из порочного круга некоторого вида. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности»[2].

Итак, во-первых, «... все они (т.е. парадоксы. – *В.Л.*) проистекают из порочного круга некоторого вида", и во-вторых, этот порочный круг возникает при определенном предположении. Данное предположение состоит в том, что некоторый класс объектов может содержать в качестве элемента себя самого, взятого как единое целое. Таким образом, мы имеем совокупность индивидов, в которую входит как отдельный индивид сама эта совокупность. Как и в случае с парадоксом класса всех стандартных классов, который иллюстрируется метафорически в истории о брадобрее, мы можем проил-

---

[1] *Куайн У.В.О.* Заметки по теории референции // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 126.

[2] *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики: В 3 т. Т. 1. - Самара: Самарский университет, 2005. – С. 110.

люстрировать порочный круг, описанный в «Principia Mathematica» с помощью метафоры «Каталог». Допустим, директор библиотеки дает поручение своим сотрудникам составить каталог всех каталогов данной библиотеки. Сотрудники берутся за дело: составляют каталог периодических изданий, иностранной литературы, различные тематические каталоги и т.д. Поскольку поручение директора состояло в том, чтобы составить каталог всех каталогов, постольку в данный каталог должен войти и он сам, после того как будет составлен. Однако, чтобы его составить и чтобы он смог войти в качестве элемента в себя самого, необходимо, чтобы он уже оказался законченным элементом, который можно использовать. Проще говоря, необходимо, чтобы он уже был составлен. Возникает парадоксальная ситуация. Для того чтобы что-то возникло, необходимо, чтобы оно уже существовало.

Основание подобного рода парадоксальности состоит в затруднении прояснения соотношения части и целого – одной из классических тем античной философии. Целое может быть образовано только тогда, когда даны все его части. Но если одной из частей целого является оно само, то для того чтобы образовать целое, оно уже должно существовать. Попытка образовать целое оказывается пустым занятием, потому что реализовать ее либо невозможно (если целое еще не образовано), либо не нужно (если оно и так уже есть). Невозможно составить каталог всех каталогов, ибо чтобы сделать это, необходимо, чтобы он уже существовал. Если же он уже существует, то поручение директора библиотеки оказывается просто бессмысленным.

§ 2. Возможность двоякого отношения к проблеме части и целого

Выше мы зафиксировали два различных основания для появления парадоксов в мышлении и языке. Одно основание состоит в явлении негативной автореферентности, другое – в трудности прояснения соотношения части и целого. Когда Б. Рассел в «*Principia Mathematica*» заявляет о том, что единым общим основанием появления парадоксальности является порочный круг, возникающий в том случае, если целое становится своей собственной частью, то это никак не согласуется с природой того парадокса, который он же сам сформулировал в письме к Г. Фреге. Парадоксальность класса всех

стандартных классов возникает не на основе того, что этот класс уже должен существовать в качестве собственного элемента, чтобы быть образованным. Здесь дело не в проблеме части и целого, не в проблеме самого образования данного класса. Парадокс возникает позже, при попытке задать данному классу определенную характеристику. По сути, парадокс возникает уже на основании предположения, что данный класс построен. Мы предполагаем, что данный класс имеет место и пытаемся определить, является он стандартным или нестандартным. В то время как в случае соотношения части и целого проблема состоит в том, чтобы класс, включающий себя самого, в принципе был построен. Парадоксальность характеристики класса всех стандартных классов возникает из-за того, что стандартный класс имеет негативное свойство – быть классом, *не* включающим себя самого. Тогда при попытке отдать отчет о классе всех классов, содержащих данное негативное свойство, возникает явление негативной автореферентности: мы не знаем, можно ли приписать это же свойство общему классу.

Парадокс «Лжец» еще более красноречиво демонстрирует, что возможно появление парадоксов на ином основании, нежели то, которое авторы «Principia Mathematica» фиксируют в качестве общего для парадоксальности вообще. Проблема Эпименида не в том, что он в своем суждении «Все критяне лгут» должен сделать предметом рассмотрения каждое конкретное суждение каждого конкретного жителя острова Крит, а также совокупность этих суждений, взятых как единое целое. Дело не в том, что Эпименид в принципе не может продуцировать суждение «Все критяне лгут», потому что должен включить в его предметную область свое собственное суждение и затем еще рассмотреть все эти суждения как единое целое. Речь здесь не идет ни о какой совокупности, рассматриваемой как отдельный элемент предметной области. Проблема заключается в попытке задать характеристику еще одному *конкретному* суждению, наряду с другими конкретными суждениями жителей острова Крит, а именно суждению самого Эпименида «Все критяне лгут». В данном случае мы не говорим, что у нас возникает затруднение в продуцировании этого суждения. Скорее, у нас возникает затруднение в его оценке. В свою очередь, невозможность однозначной истинностной оценки данного суждения возникает опять же на основании явления негативной автореферентности. Эпименид в своем суждении

приписывает каждому жителю острова Крит негативное свойство, а именно: все они *не* говорят правду. И когда встает вопрос о том, можем ли мы приписать это же негативное свойство самому суждению Эпименида, то тут и возникает парадокс.

Нет сомнений в том, что парадоксальность соотношения части и целого в том случае, если целое оказывается своей собственной частью, представляет сложнейшую логическую проблему. Возможно, эта проблема является даже неразрешимой, и единственным выходом оказывается общий запрет на создание таких ситуаций, при которых эта проблема может возникнуть (что и предлагает расселовская теория типов). В этом смысле построение нестандартных классов или непредикативных множеств в принципе оказывается невозможным, и здесь авторы «Principia Mathematica» правы. Однако, поскольку мы выявили, что имеются различные основания появления парадоксов, в частности, парадокс «Лжец» возникает на ином основании, нежели то, которое сформулировано в «Principia Mathematica», постольку мы можем оставить в стороне проблему соотношения части и целого и задаться вопросом, располагаем ли мы какими-либо средствами для преодоления парадоксальности, возникающей на основании явления негативной автореферентности? Если нам удастся найти эти средства, то мы получим возможность отказаться от столь радикального расселовского запрета на автореферентность вообще. Вышеприведенное исследование уже показывает по крайней мере то, что неверно отождествлять проблему образования нестандартных множеств и проблему продуцирования автореферентных высказываний. Процесс формирования автореферентного высказывания Эпименида «Все критяне лгут» не аналогичен процессу образования нестандартного множества. Некоторые из автореферентных высказываний действительно парадоксальны, но их парадоксальность возникает на ином основании, нежели парадоксальность образования нестандартных множеств. Теперь нужно разобраться, как преодолеть парадоксальность автореференции.

§ 3. Преодоление парадоксальности автореферентных высказываний

Мы не случайно несколько раз подчеркнули негативный характер тех высказываний, которые, будучи обращенными к самим себе, оказываются парадоксальными. Действительно, мы оказываемся в логическом тупике, когда пытаемся ответить на вопрос, приписывать или не приписывать автореферентному суждению то отрицательное свойство, которое в этом суждении приписывается тем или иным вещам и явлениям. На этом основании возникает парадокс «Лжец». На этом же основании возникает и парадоксальная ситуация для любого вида релятивистского дискурса в онтологии и эпистемологии. Когда релятивист продуцирует суждение «Ни одно суждение не является истинным», то он оказывается в затруднении в том случае, если перед ним поставлен вопрос, следует ли это негативное свойство приписать и его собственному суждению. Истинно ли суждение «Ни одно суждение не является истинным»? Если оно истинно, то поскольку оно само является одним из суждений, которым приписывается свойство «не быть истинным», мы должны сделать вывод, что оно не является истинным. Если же допустить, что оно не является истинным, тогда не является истинным и его содержание о том, что ни одно суждение не является истинным, и в таком случае нам придется сделать вывод, что оно истинно. С чего бы мы ни начинали, мы приходим к противоречию. Если релятивист утверждает, что ни одна языковая игра *не* является фундаментальной, все лингвистические образования локальны, способны создавать только частные картины мира, а не репрезентировать сам объективный мир, то остается вопрос относительно той языковой игры, в которой разворачивается рассуждение релятивиста. Должны ли мы и ей приписать негативное свойство «*не* быть фундаментальной»? Если да, то сама эта игра представляет собой ограниченный, локальный взгляд на мир, а значит, не может претендовать на то, чтобы описать, как *на самом деле* обстоит дело с языковыми играми. Если же мы припишем ей позитивное свойство «быть фундаментальной», то самим фактом своего существования она будет отрицать то содержание, которое в рамках данной игры формируется, а именно, что ни одна языковая игра не является фундаментальной. Снова мы сталкиваемся с противоречием.

Преодолеть парадоксальность релятивистского дискурса можно установлением радикального запрета на авторефентность вообще. Причем нужно удерживать внимание на том, что в данном случае радикальный запрет на авторефферентность будет исходить из анализа парадоксов типа «Лжец», а не парадоксов типа «Каталог». Этот запрет будет состоять в директиве, в соответствии с которой недопустимо ставить вопрос о том, можно ли приписать суждению свойство, приписываемое в этом суждении вещам и явлениям. Относительно суждения «Ни одно суждение не является истинным» нельзя ставить вопрос, следует ли ему самому приписать свойство «не быть истинным». Относительно языковой игры, в которой утверждается, что ни одна языковая игра не является фундаментальной, нельзя ставить вопрос, следует ли приписать свойство «не быть фундаментальной» самой этой игре.

Но можно пойти и иным путем, тем, который предлагает концепция формального реализма, а именно обратить внимание, что любые положительные суждения, то есть те, в которых приписывается какое-либо позитивное свойство вещам и явлениям, будучи замкнутыми на самих себя, не приводят к парадоксам. Класс всех нестандартных классов не является парадоксальным на том основании, на котором является парадоксальным класс всех стандартных классов. Мы можем допустить, что класс всех нестандартных классов сам нестандартен, и из этой посылки нам не придется делать вывод, что он является стандартным. Этот класс попадет в качестве элемента в себя самого без противоречия в своих свойствах, а именно в класс нестандартных классов. Множество всех множеств по определению должно оказаться нестандартным, поскольку включает в себя все возможные множества, в том числе и себя самого. И это множество также не является парадоксальным в том же смысле, в каком парадоксален класс всех стандартных классов. О множестве всех множеств нельзя сказать, что оно одновременно и стандартно, и нестандартно. Если бы Эпименид произнес не отрицательное, а положительное суждение относительно истинностной оценки суждений всех жителей острова Крит, то его собственное суждение как одного из жителей данного острова не оказалось бы парадоксальным в том смысле, в каком оказывается парадоксальным негативное суждение. Если бы Эпименид произнес «Все критяне говорят правду», то свойство, которое он приписал бы суждениям жителей острова

Крит, вполне могло бы быть приписано и самому суждению Эпименида без каких-либо противоречий. Если все критяне говорят правду, то и сам Эпименид как один из жителей острова Крит, произнеся «Все критяне говорят правду», сказал правду. Отказ от релятивистского дискурса также избавляет нас от парадоксальности. Если мы взамен релятивистского тезиса «Ни одно суждение не является истинным» сформулируем максиму формального реализма: «Любое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть», то данное суждение сможет избежать логического тупика. Самому этому суждению вполне последовательно может быть приписано то свойство, которое данное суждение приписывает всем суждениям. Суждение «Любое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть» само высказывается с претензией на описание того, что есть, того, как *на самом деле* обстоят дела с рационально продуцируемыми суждениями.

Если избавиться от парадоксальности можно, что называется, «малой кровью», зачем предпринимать более радикальные, репрессивные для мышления шаги? Если разрешить противоречия можно за счет приостановки действия одной из форм автореферентности, зачем тогда устанавливать запрет на автореферентность в целом? Радикальный запрет, во-первых, оказывается необоснованным. Исходя из парадоксальности одной частной формы автореферентности делается неправомерное индуктивное обобщение о парадоксальности авторефрентных суждений в целом. И во-вторых, радикальный запрет на автореферентность просто вредит мышлению, ибо ограничивает возможности рациональной деятельности. Концепция формального реализма предлагает установить лапидарный запрет на автореферентность. Мышление должно воздерживаться от продуцирования отрицательных автореферентных суждений. Устранение явления негативной автореферентности достаточно для преодоления парадоксальности мышления в автореферентной среде.

В своей теории типов Б. Рассел устанавливает радикальный запрет на автореферентность: «Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело составлены из индивидов, это будет первым типом классов. Затем мы перейдём к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем

мы перейдём к классам, членами которых являются классы второго типа: это будет третий тип и т.д. Для класса одного типа никогда не возможно быть или не быть идентичным с классом другого типа»[1]. Для сферы суждений этот запрет будет формулироваться следующим образом: «...истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях n-го типа само будет относиться к n+1 типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний»[2]. В связи с теми выводами, которые мы сделали выше, по отношению к теории типов Б. Рассела возникают следующие вопросы. Если поводом для формулировки тезиса данной теории послужила парадоксальность, возникающая, например, при образовании класса всех стандартных классов, то зачем Б. Рассел так поспешил «разрубить Гордиев узел» и установил запрет на автореферентность в целом, если можно было обойтись менее обширными ограничениями? Если же поводом для создания данной теории была парадоксальность, описанная в «Principia Mathematica», то почему не был прояснен вопрос о различных видах парадоксов? Введение полного запрета на автореферентность на основании парадокса типа «Каталог», конечно, избавляет от парадоксальности «Лжеца», но оказывается, по сути, нерелевантным решением по отношению к той природе парадоксальности, которую мы фиксируем в рассуждениях типа «Лжец» или «Брадобрей».

§ 4. 'Principia Mathematica' и формальный реализм

Формальный реализм оказывается способным преодолеть парадоксальность, возникающую на основании явления негативной автореферентности. И все же еще остается вопрос, способна ли данная онтологическая концепция выстоять перед лицом парадоксов иного типа, выстроенных на основании, зафиксированном в «Principia Mathematica». Так, по отношению к максиме формального реализма может быть поставлен вопрос, входит ли в предметную область логического субъекта суждения «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть» само это суждение? Если

---

[1] *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – С. 90.

[2] *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 59.

мы дадим негативный ответ, то предметная область логического субъекта максимы формального реализма окажется не полна. Формальный реализм будет говорить не обо всех суждениях, упуская из виду те, которые относятся к области метаязыка. На данном основании можно было бы заявить, что автореферентность оказывается не парадоксальной, по типу негативной автореферентности, а попросту недостижимой, в силу эпистемологической невозможности замкнуть язык на себя самого, преодолеть разрыв между объектным языком и метаязыком. Все это в самом деле напоминает то основание, опираясь на которое авторы «Principia Mathematica» устанавливают запрет на автореферентность вообще.

Тем не менее здесь все же имеется важное и, на наш взгляд, решающее различие. Парадокс типа «Каталог», который может быть представлен как иллюстрация того общего основания парадоксальности, которое формулируют авторы «Principia Mathematica», возникает за счет того, что некоторое множество объектов (каталог всех каталогов) может быть построено только в том случае, если одним из объектов этого множества окажется оно само, рассмотренное как цельная совокупность. Здесь возникает непреодолимая преграда для мышления: чтобы быть построенным, такое множество уже должно существовать как законченное целое. Но дело в том, что максима формального реализма, как и суждение Эпименида, не представляет собой множества множеств в смысле «Principia Mathematica». Логическим субъектом суждения «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть» являются все конкретные суждения, высказываемые рациональными существами, плюс еще одно *конкретное* суждение, а именно суждение о том, что все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть. Здесь нет необходимости формировать в качестве элемента суждения цельную совокупность всех суждений. Логическим субъектом суждения «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть» не выступает каждое конкретное суждение плюс совокупность всех этих суждений, мыслимых как единое целое.

Данное положение дел нам представляется решающим при осуществлении логико-эпистемологической оценки максимы формального реализма и основания парадоксальности мышления, зафиксированного в «Principia Mathematica». Максима формального реализ-

ма логически корректна и эпистемологически осуществима. Квантор всеобщности в суждении «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть» употребляется правомерно, он в самом деле указывает на то, что логическим субъектом этого суждения, выступают все возможные конкретные суждения, в том числе и оно само. Предметная область логического субъекта данного суждения обретает полноту в тот самый момент, когда по отношению к каждому его элементу осуществляется предикация «быть должным высказываться с претензией на описание того, что есть». Как только предикат «быть должным высказываться с претензией на описание того, что есть» обретает свой смысл именно в качестве предиката (т.е. дело не обстоит так, что мы не знаем смысла фразы «быть должным высказываться с претензией на описание того, что есть» до осуществления обсуждаемой предикации, но смысл этой фразы именно как предиката соответствующего логического субъекта формируется только в момент самой предикации), а происходит это тогда, когда завершается продуцирование суждения «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть», в этот самый момент логический субъект данного суждения оказывается полностью доопределенным.

Автореферентное суждение по способу своего продуцирования существенным образом отличается от обычных неавтореферентных суждений. Для обычного неавтореферентного суждения можно взять готовый, определенный логический субъект и осуществить акт приписывания предиката, например, сказав «Сократ мудрый» или «Все люди смертны». В то время как формирование логического субъекта и акта предикации в автореферентных суждениях есть одновременный, параллельный процесс. Тем не менее мы не находим оснований для того, чтобы считать осуществление этого процесса логически некорректным и эпистемологически невозможным.

Иным образом обстоит дело с попыткой осуществить автореферентное действие в том случае, если ставится условие ввести в качестве элемента автореферентной области цельную совокупность элементов. Здесь недостаточно просто «запараллелить» процессы формирования цельного множества и каждого из его элементов, поскольку условием задачи является то, чтобы целое уже существовало в качестве своей части в процессе формирования целого. Если бы для формального реализма было бы существенным сделать логиче-

ским субъектом суждения «Все суждения должны высказываться с претензией на описание того, что есть» не просто каждое конкретное суждение, но еще и совокупность всех этих суждений, мыслимых как единое целое, то пришлось бы осуществить еще одно дополнительное рациональное действие сверх предикации, в которой бы параллельно формировалось последнее конкретное суждение предметной области данного логического субъекта. А именно, пришлось бы в отдельном рациональном действии еще произвести объединение всех суждений в единое целое и представить это в качестве особого элемента логического субъекта. В то время как формирование конкретного суждения максимы формального реализма в качестве одного из элементов логического субъекта происходит, так сказать, eo ipso, само собой, для него не требуется отдельного акта мысли. Чтобы оно возникло, достаточно того мыслительного акта, в котором осуществляется предикация «быть должным высказываться с претензией на описание того, что есть».

Таким образом, ситуация парадоксальности, описанная в «Principia Mathematica», представляется, на наш взгляд, более сложной для того, чтобы найти для нее какое-либо приемлемое решение, нежели ситуация с максимой формального реализма. Эта дополнительная сложность возникает из-за необходимости введения цельной совокупности. Именно она является непреодолимой преградой для автореферентности в случае образования нестандарных множеств. Но в случае образования автореферентных высказываний (таких как высказывание Эпименида или максима формального реализма), проблемы цельной совокупности нет. Все это подтверждает то, что проблема образования нестандартных множеств и проблема образования автореферентных высказываний действительно различны. Класс всех стандартных классов не только парадоксален в своих свойствах (из-за негативной автореферентности), но и просто не может быть образован, если предположить, что он должен включать себя в качестве собственного элемента (из-за парадокса цельной совокупности). Множество всех множеств, хоть и свободно от парадоксальности негативной автореферентности, поскольку оно однозначно нестандартно, но оно просто не может быть построено из-за требования введения цельной совокупности. Когда же идет речь об автореферентных высказываниях, то здесь не возникает парадокса цельной совокупности, причем как в случае негативных, так и в случае пози-

тивных автореферентных высказываний. Негативное высказывание Эпименида «Все критяне лгут» так же свободно от парадоксальности цельной совокупности «Principia Mathematica», как и максима формального реализма. Однако высказывание Эпименида парадоксально в силу негативной авторефрентности, тогда как максима формального реализма преодолевает и эту парадоксальность.

§ 5. Актуальность непарадоксальной автореферентности

Одна из основных задач системы формального реализма состоит в преодолении парадоксальности автореферентных высказываний. В связи с этим могут возникнуть следующие вопросы. Почему вообще явление автореферентности признается здесь столь значимым? Зачем тратить силы на обоснование возможности непарадоксальной авторефрентности? Почему бы по примеру Б. Рассела или А. Тарского просто не внести полный запрет на автореферентные высказывания, запрет на смешение различного типа суждений, запрет на смешение объектного языка и метаязыка?

Вес данным вопросам придает и то обстоятельство, что критика скептицизма и релятивизма за счет аргумента от автореферентности имеет столь давнюю историю[1], что все тут же спешат указать на то, что это слишком хорошо известная, многократно рассмотренная позиция. И эта опостылевшая известность данного аргумента накладывает негативный отпечаток на саму дискуссию об автореферентности, делает ее блеклой, затертой. Зачастую философы склонны рассматривать ее как проявление пустых софистических фигур и уловок. Таковы были, например, как мы это уже видели, суждения У. Джеймса на этот счет.

Нам подобное положение дел представляется в корне неверным. Не правы как те, которые подобно У. Джеймсу отмахиваются от вопроса о парадоксальности автореферентного дискурса как от проявления пустой софистики, так и те, которые подобно Б. Расселу, хотя и признают всю серьезность вопроса о недопустимости парадоксальности в мышлении, но при этом спешат решить этот вопрос за счет полного запрета на автореферентность.

---

[1] *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 1.

На наш взгляд, явление автореферентности представляет собой одно из важнейших свойств рациональной деятельности вообще. Именно автореферентность обеспечивает мышление рефлексивной функцией. Субъект рациональной деятельности оказывается способным критически рассмотреть не только тот или иной вид явлений, событий, деятельности, но и поставить под вопрос свою собственную деятельность, свое собственное событие мысли. Способность с максимальным критическим усилием поставить самого себя, свои действия под вопрос всегда признавалась отличительной чертой такого вида человеческой деятельности, как философия. В этом смысле запрет на автореферентность, подобный расселовскому, разрушает, как кажется, основы философской деятельности. Шокирующая абсурдность данного запрета хорошо видна на конкретных примерах. Скажем, при чтении текста «Философских исследований» Л. Витгенштейна нам, как оказывается, запрещается поставить вопрос о том, относятся ли суждения, высказанные в данном тексте о сущности языковой деятельности вообще, к самому этому тексту. Читая Витгенштейна нам нельзя обсуждать Витгенштейна, читая Рорти, нам запрещается обсуждать Рорти. Все это выглядит слишком контринтуитивным для рациональной деятельности в целом и для философского мышления в первую очередь.

Автореферентность имеет важнейшее значение для эпистемологии. Любая эпистемологическая концепция есть теоретическое построение о сущности, границах, нормах, идеалах и способах познания. При этом само построение той или иной конкретной эпистемологической концепции есть проявление познавательных возможностей рационального субъекта. Для того чтобы предметная область исследования любой конкретной эпистемологической концепции была полной, она должна включать и построение самой этой концепции как один из вариантов проявления познавательных процессов. Только при исследовании полной предметной области можно говорить о допущении всеобщего и необходимого знания, знания как такового, отличного от мнения, которое всегда характеризуется ограниченностью. Установить полный запрет на автореферентность – значит отказаться от концепта знания как такового в качестве регулятивной идеи познавательной деятельности.

Явление автореферентности оказывается определяющим и для иных существенных сфер человеческой жизни. Например, любая

этическая максима, по сути, включает в себя момент рефлексивности, автореферентности. Смысл нравственного поступка может быть прояснен только посредством обращения к идее автореферентности. Нравственное действие возможно только как действие автореферентное. Когда мы обращаемся к максиме «Прежде чем судить других, посмотри на себя самого», мы не можем не заметить, что сам принцип этического поступка в данном случае трактуется как осуществление рефлексивного усилия мысли. Давать нравственную оценку поступкам других можно только тогда, когда уже проанализировано нравственное поведение самого субъекта, продуцирующего нравственную оценку. Запрет на автореферентность будет означать, что в момент продуцирования нравственной оценки по отношению к другим действующий субъект не имеет эпистемологической возможности осуществить нравственную оценку своего собственного поведения, в частности оценить этичность данного акта нравственной оценки поступков других людей. Оценить этичность самого этого акта в соответствии с запретом на автореферентность по типу расселовского можно будет только постфактум, на следующем уровне мысли, в более высоком типе суждений, в метаязыке. Но смысл данной этической максимы состоит как раз в том, чтобы суждение о своей собственной деятельности продуцировалось никак не постфактум, а прежде или, по крайней мере, в момент вынесения суждений о поступках других.

— VI —

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

§ 1. Изучение иностранного языка по методу Витгенштейна – Крипке

Логическим основанием введения концепции формального реализма в область онтоэпистемологической проблематики выступает логическая противоречивость релятивистских (антиреалистских) способов рассуждений. Однако существует также и эпистемологическое основание для введения данной концепции. Таким основанием выступает демонстрация эпистемологической несостоятельности антиреалистских дискурсов. Одним из наиболее красноречивых, известных и обсуждаемых антиреалистских проектов поздней аналитической философии была теория языковых игр Л. Витгенштейна. Не случайно она является и самой обсуждаемой из антиреалистских концепций здесь, на страницах этой книги.

Для того чтобы провести критический анализ эпистемологических ресурсов релятивистского дискурса, обратимся к конкретной проблеме в рамках теории языковых игр. Как в соответствии с наиболее радикальной интерпретацией, которую придал теории языковых игр С. Крипке[1], будет осуществляться изучение неизвестного для субъекта языка?

Русскому человеку, решившему изучать английский, не следует выяснять, к каким именно референтам отсылает то или иное слово. Его задача не должна заключаться и в построении рядов синонимий, когда бы он при помощи словаря научился транслировать английские слова в русские и, таким образом, исходя уже из внимания к русскому слову, определял соответствующий референт. Все эти процедуры оказываются неэвристичными, ибо существует не только проблема неопределенности перевода с одного языка на другой (проблема Куайна), но и проблема радикальной дестабилизации зна-

---

[1] *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

чения в субъективности (как одно из следствий теории языковых игр Л. Витгенштейна), т.е. и в том языке, который для обучающегося является родным. Когда русский слышит «a table», ему не следует ни стремиться узреть референт в английской языковой среде, ни заниматься поиском соответствующей словарной статьи, которая отсылала бы его к русскому эквиваленту-синониму «стол», ибо русское слово «стол» само для носителя этого языка оказывается референциально неопределенным.

Скорее витгенштейновские директивы к изучению английского состояли бы в следующем. Просто запоминай звуки и те ситуации, в которых их следует употребить. Смотри на реакцию вступающего с тобой в коммуникацию субъекта и оценивай ее успешность. Например, запомни комбинацию звуков «How are you?» и употребляй их в той ситуации, когда ты идешь по улице и случайно встречаешь знакомого. Если в ответ на твое выражение знакомый улыбнется и произнесет: «I'm fine!», считай, что данное коммуникативное действие совершено успешно. Сделай из этого вывод, что ты освоил значение выражения «How are you?».

Кстати, такая методика не является уж слишком невероятной и не имеющей никакого отношения к действительности. Известно, например, что на советских радиолокационных базах, следящих за соблюдением воздушных границ иностранными самолетами, дежурным офицерам, которые не владели английским, раздавали особые словари-разговорники для возможных переговоров с экипажем иностранного воздушного судна. В этих словарях кириллицей были выписаны определенные выражения, к которым прилагалась инструкция ситуаций их употребления. Если продолжать наш пример, здесь можно представить такую же простую ситуацию приветствия. В словаре написано выражение «Хелоу! Хау а ю?» и дана инструкция по его применению: «Выйдя на связь с экипажем иностранного самолета, первым делом произнеси данный набор звуков. Услышав в ответ: 'Хелоу! Ви а файн!', считай данный коммуникативный акт приветствия успешно завершенным и переходи к следующему вопросу». При этом в обязанности дежурного офицера не входило овладение рядами синонимий английских и русских слов. Ему вовсе не обязательно было знать, что набор звуков «хэлоу» означает то же, что означает набор звуков «здравствуйте», что «ю» означает то же,

что и «вы», и т.д. Его задача ограничивалась запоминанием звукового ряда и той ситуации, в которой его следует употребить.

Если, к примеру, с позиции Д. Серла данная ситуация показывала бы лишь имитацию обучения языку, ибо здесь полностью был бы редуцирован уровень субъективных интенциональных содержаний сознания, к которым должны отсылать слова (об этом говорит широко известный «аргумент китайской комнаты»[1]), то для крипкевского Витгенштейна данное положение дел указывало бы на овладение языком в буквальном смысле. Крипкевская интерпретация теории языковых игр настаивает на невозможности какой-либо фиксированной связи слова и субъективного интенционального содержания сознания. Следовательно, понятие об установлении таких связей нельзя приравнивать к понятию овладения языком. Все, что нам остается в такой ситуации, – это простое употребление звуков и ориентация на коммуникативную успешность наших действий. И только на основании такой деятельности будет возникать иллюзия интенциональной стабильности, которая тем не менее оказывается достаточной для практических целей.

§ 2. Проблема критериев успешности коммуникативного акта

Теперь перед нами встает вопрос: как оценить коммуникативную успешность наших лингвистических действий? При попытке ответа на этот вопрос мы может отметить существенное эпистемологическое затруднение, с которым сталкивается антиреалистская программа позднего Л. Витгенштейна.

В качестве результата проверки правильности употребления выражения в коммуникативном акте мы сталкиваемся с определенной альтернативой, ни один из членов которой не дает нам удовлетворительного объяснения корректности коммуникации. Либо мы должны признать, что реакция слушающего как раз и представляет собой объективный устойчивый факт мира, который мы способны зафиксировать в познании, либо мы утверждаем, что оценка реакции слушающего сама является результатом интерпретации говорящего.

---

[1] *Серл Д.* Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: ДИК, 1998. С. 376–400.

Первый вариант мы должны отвергнуть сразу, ибо он не соответствует основному тезису теории языковых игр. Значение не есть объективный факт, который можно зафиксировать в познании. Если бы это было так, то для прояснения функционирования языка нам было бы достаточно условие-истинностной теории значения в соответствии с которой выражение в качестве своего значения подразумевает некоторый факт, и если мы этот факт действительно обнаруживаем в мире, то мы признаем данное выражение истинным. Теория языковых игр настаивает на том, что истинность выражения определяется не фактами мира, а его утверждаемостью в процессе совместной коммуникации.

Кстати говоря, позиция Крипке в данном случае все же не выглядит последовательной, ибо условия успешности употребления выражения в лингвистической практике, на которые американский логик призывает нас ориентироваться как на основание формирования значения, сами предстают в качестве некоего подобия объективных фактов. На это обращают внимание многие исследователи. Например, Х. Залабардо замечает: «...приписывание определенного значения выражению (по Крипке. – *В.Л.*) состоит в употреблении его теми способами, которые лингвистическое сообщество говорящего склонно рассматривать как корректные. Но в таком случае мы, как кажется, не находим никакого смысла в различении между суждениями о мире и суждениями о диспозициях говорящих, в которых мы нуждаемся, чтобы иметь адекватное понятие содержания»[1].

Тем самым подчеркивается, что в интерпретации Крипке диспозиции членов сообщества выглядят как последняя реальность, которой мы должны соответствовать. И в этом, как говорит Залабардо, смысл понятия значения или содержания высказывания. К. Райт ставит вопрос: «Могло ли вчера быть истинным относительно отдельного индивида, что он ассоциировал с предложением «Джонс подразумевает под '+' сложение» тот вид условий утверждаемости, который описывает Крипке?»[2]. И отвечает на него так, как следовало бы ответить в рамках крипкевской логики рассуждения, демонстрируя

---

[1] *Zalabardo J.L.* Rules, Communities and Judgement // Critica. 1989. 21 (63). – P. 41.

[2] *Wright C.* Kripke's Account of the Argument Against Private Language // Journal of Philosophy. – 1984. 81. – P. 770.

тем самым, что подобный ход мысли должен отрицать исходя из своих оснований те тезисы, которые выдвигает интерпретация теории языковых игр С. Крипке: «...не существует истин об условиях утверждаемости, которые кто-либо из нас в данный момент ассоциирует с частным предложением...»[1].

То же можно было бы сказать и о другой интерпретации теории языковых игр, которая ориентируется не на коммуникативную стратегию, а на индивидуалистическую речевую практику. Так, Г. Бейкер и П. Хакер утверждают, что для прояснения значения языкового выражения не нужно согласия, а достаточно лишь субъективной регулярности употребления этого выражения[2]. Но как осуществляется фиксация регулярности? Тоже в субъективности, как и фиксация условий успешности употребления. В качестве чего она осуществляется? Тоже в качестве некоего объективного факта. Субъект фиксирует некое объективное устойчивое положение дел – регулярность употребления. Но в соответствии с антиреалистским принципом функционирования языка, который утверждается в теории языковых игр, мы должны запретить говорить о каких-либо объективных фактах как условиях формирования значения. Однако условия успешности употребления или распознавание регулярности как раз подобны таким объективным фактам. Бейкер и Хакер так же подпадают под данное критическое рассуждение, как и Крипке.

Нам остается признать, что реакция слушающего сама по себе представляет собой интерпретацию говорящего. Но тогда по отношению к этой интерпретации можно выдвинуть то же самое скептическое соображение, какое Витгенштейн высказывал по отношению к фиксации значения выражения в целом.

Предположим, что я осваиваю значение выражения «How are you?» в ситуации приветствия, когда встречаю на улице знакомого. Он в ответ на звуки, произнесенные мной, улыбается. Я интерпретирую его улыбку как критерий успешности своего коммуникативного действия, я убеждаюсь, что верно употребил сейчас данное выражение. Однако нетрудно видеть, что моя интерпретация сама подчиня-

---

[1] *Wright C.* Kripke's Account of the Argument Against Private Language. – P. 770.

[2] *Baker G.P., Hacker P.M.S.* On Misunderstanding Wittgenstein: Kripke's Private Language Argument // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 268–309.

ется определенному правилу: я предполагаю, что обычно в ситуации приветствия, в ответ на выражение «How are you?», слушающий улыбается, и его улыбка есть знак его расположенности ко мне. Но что если в рассматриваемом случае мой знакомый использовал слово «улыбка» в каком-либо девиантном значении? Скажем, так: всегда выражай улыбкой знак расположенности к знакомым, но в случае если ты встретишь субъекта S, выражай улыбкой неприязнь, пренебрежение по отношению к данному человеку. Возможно, мой знакомый глубоко внутри затаил на меня обиду, воспринимает теперь идущие от меня знаки приветствия «How are you?» как скрытую издевку и в ответ выказывает свое пренебрежение «дежурной улыбкой». Будет ли тогда моя оценка успешности употребления выражения «How are you?» в данном коммуникативном акте корректной? Очевидно, что у нас нет возможности представить однозначный ответ. Критерии успешности коммуникативного акта сами оказываются зависимыми от определенных правил, задающих интерпретацию этих критериев, правил, которые, в свою очередь, оказываются безосновными.

Высказанное критическое соображение ставит под сомнение эпистемологическую вразумительность антиреалистской теории языковых игр Л. Витгенштейна в интерпретации С. Крипке. Замена условий истинности выражения условиями утверждаемости при прояснении его значения оказывается малоэффективной, ибо утверждаемость предполагает успешность применения выражения в коммуникативном акте. Критерии же такой успешности по-прежнему оказываются непроясненными.

И вновь то же самое можно было бы сказать и об индивидуалистической трактовке правил употребления языковых выражений. Как должна быть дана регулярность, если не в качестве объективного устойчивого факта? Получается, что она сама распознается в особых интерпретативных актах, в основе которых также должна лежать регулярность для подтверждения регулярности первого типа и т.д. Критерии обнаружения регулярности также остаются без прояснения.

Приведенные выше рассуждения приводят нас к выводу, что антиреалистская программа позднего Л. Витгенштейна не только логически противоречива в своих следствиях, но и попросту эпистемологически нереализуема. Непонятно, как на основании условий ут-

верждаемости – неважно, в коммуникативной или же в индивидуалистической трактовке этого термина – можно сформировать значение языкового выражения.

VII

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

§ 1. Проблема следования правилу: прямое и скептическое решения

Несмотря на предельно абстрактный уровень основных тезисов система формального реализма может быть использована для решения конкретных эпистемологических задач, для вынесения оценки корректности тех или иных конкретных эпистемологических построений.

Например, с точки зрения формального реализма может быть представлено новое решение проблемы следования правилу – одной из широко обсуждаемых тем в аналитической философии последних десятилетий. Эта проблема, также сформулированная Л. Витгенштейном в рамках его теории языковых игр, представлена в § 201 «Философских исследований»: «...правило не может определить никакого способа действия, ибо любой способ можно привести в соответствие с этим правилом. ...если любое действие можно согласовать с правилом, то любое действие можно сделать и противоречащим ему. Следовательно, тут не будет ни соответствия, ни противоречия»[1].

Можем ли мы отдать себе отчет в том, в соответствии с каким правилом употребляем в нашей речи то ли иное выражение? Содержит ли значение нашего выражения эксплицитное правило его употребления? Витгенштейн отрицательно ответил на этот вопрос, сформулировав, по словам С. Крипке, «...наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия...»[2].

Как уже было замечено выше, американскому логику удалась одна из наиболее радикальных, внятных и интригующих интерпретаций теории языковых игр позднего Л. Витгенштейна, и проблема

---

[1] *Витгенштейн Л.* Указ. соч. – С. 163.

[2] *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 60.

следования правилу заняла в ней центральное место. Крипке предложил проэкзаменовать на предмет ясности высказываний, пожалуй, самый претенциозный язык – язык математики. Задача состояла в том, чтобы проверить, способен ли претендующий на наибольшую строгость в обозначениях язык математики преодолеть витгенштейновское сомнение. Если бы ответ оказался положительным, то можно было бы показать границы скепсиса; если же был бы получен отрицательный ответ, то скептический тезис относительно следования правилу можно было бы автоматически распространить и на все менее строгие виды употребления языка.

Оригинальность крипкевской аргументации состояла во введении своеобразных дефект-правил. Предположим, перед нами стоит задача произвести сложение двух десятичных чисел 68 и 57. Очевидно, что ответом, который мы получим в результате арифметического действия, будет число 125. Однако здесь появляется крипкевский скептик и спрашивает: почему вы уверены, что ответ 5 как результат суммы 68 и 57 будет неправильным? Ответ 125 был результатом операции сложения, однако возможно, что под знаком «+» в выражении «68+57» подразумевается вовсе не плюс, а квус. Квус или квожение – это специфическое дефект-правило, которое формулируется следующим образом: производи с десятичными числами те же самые манипуляции, что и в случае операции сложения, но когда один из операндов окажется равным или большим, чем 57, в ответе всегда выдавай 5. Уверены ли мы в таком случае, что в выражении «2+2=4» знак «+» указывает на плюс, а не на квус? Очевидно, что знак «+» в последнем примере будет указывать, по определению, сразу на два значения, которые на данном участке числового ряда не различаются между собой. Мы же будем тешить себя иллюзией, что употребляем знак «+» строго в значении сложения, хотя никаких рациональных аргументов в защиту нашей веры привести не сможем. Если это так, то мы уже не сможем решительно заявлять о нашей ошибке в случае выражения «68+57=5», ибо, возможно, мы и ранее употребляли знак «+» в значении квус и просто не отдавали себе в этом отчета. Из наших предыдущих употреблений знака невозможно сделать однозначное прогнозирование его будущих употреблений, ибо прошлые употребления уже содержали в себе бесконечное количество значений в качестве правил употребления. Если, продуцируя выражение «2+2=4», мы под знаком «+» могли подразу-

мевать все что угодно, это равносильно тому, что мы не подразумевали под ним ничего.

Такова проблема: если значение выражения должно содержать в себе правило его употребления, то значение не есть факт, мы не можем обнаружить ничего, что мы могли бы недвусмысленным образом связать с определенным знаком. С. Крипке выделил два возможных варианта решения данной проблемы – прямое и скептическое.

Суть прямого решения сводится к тому, что в процессе дискуссии, в борьбе аргументов и контраргументов, в конце концов, удается опровергнуть скептический тезис. В рассуждении скептика удается обнаружить непоследовательность, ошибки вывода, подмену аргумента, построение умозаключения на ложных посылках и т.д., что ведет к утверждению о ложности защищаемого скептиком тезиса. Крипке говорит о прямом решении так: «Назовём предлагаемое решение скептической философской проблемы прямым, если оно демонстрирует, что при более тщательной проверке скептицизм показывает свою необоснованность; ускользающая или сложная аргументация доказывает тезис, в котором скептик сомневался»[1].

Если скептик ставил под сомнение возможность фиксации значения выражения, то прямое решение должно обосновать, что это не так. Оно должно представить аргументы в защиту того, что агент речи способен четко фиксировать значения как факты своего лингвистического опыта. Если скептик ставил под сомнение существование особого интеллектуального опыта, в котором субъект познания оказывается способным на схватывание универсальных сущностей, позволяющих ему продуцировать всеобщие и необходимо истинные суждения, – а именно в этом, как мы установили выше, состоит суть скептических заявлений, – то прямое решение должно продемонстрировать ложность данного тезиса путем описания осуществления специфического интеллектуального опыта, показав, что такой вид познания действительно имеет место.

Крипке справедливо указывает на философию Декарта, как на пример наиболее выдающегося в истории философии прямого решения скептической проблемы: «В этом смысле Декарт дал 'прямое'

---

[1] *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке – С. 65

решение своих собственных философских сомнений»[1]. Как нам хорошо известно, метод универсального сомнения Декарта заключался в том, чтобы поставить под вопрос все возможные суждения, принятые и в философии, и в науке, и в повседневном опыте в качестве истинных. Декартовский скептик претендовал на то, чтобы утвердить тезис о несуществовании абсолютно достоверного знания, что находило свое подтверждение по отношению ко всей сумме суждений о внешнем мире. И все же Декарт нашел именно прямое решение скептической проблемы. Он показал, что скептик заблуждается, и достоверное знание существует, только не во внешнем мире, а в субъективности. Высказывание «Cogito ergo sum» как пример абсолютно достоверного знания есть прямой ответ скептику, утверждавшему, что достижение такого знания невозможно.

Далее Крипке говорит в сослагательном наклонении о прямом решении скептических проблем Юма: «Априорное обоснование индуктивного рассуждения и анализ каузального отношения как подлинной необходимой связи или соединения пар событий были бы прямыми решениями юмианских проблем индукции и причинности соответственно»[2]. Можно было бы сказать, что «*Критика чистого разума*» Канта явилась попыткой прямого решения скепсиса Юма, ибо как раз предлагала искомое априорное обоснование необходимой природы каузальных отношений. Однако необходимость в суждениях в данном случае обосновывалась не признанием существования особого интеллектуального опыта, в котором бы фиксировалось объективное положение дел, а, напротив, спецификой познавательного аппарата субъекта.

Скептическое решение проблемы следования правилу исходит из принципиально иного основания. Разработчики данного вида решения признают, что рассуждения скептика, по сути, правильны, неопровержимы. Если юмовский скептик утверждал, что рассуждения посредством индукции и высказывания о каузальных связях никогда не смогут обрести законченного теоретического обоснования, то вряд ли нам стоит пытаться опровергнуть этот тезис. Опровергнуть его невозможно, ибо так оно и есть: индукция в самом деле не дает необходимого знания. Если крипкевский скептик утверждал,

---

[1] *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – С. 65.
[2] *Там же.* – С. 65.

что, употребляя слово, мы действуем слепо, не будучи способными зафиксировать правило употребления, то вряд ли нам стоит сомневаться в истинности данного утверждения. Выражения языка, как считают разработчики скептического решения, действительно, не связывают в качестве своих значений нас с чем-то таким, что содержало бы в себе стабильные правила использования этих выражений в условиях их неограниченного употребления в будущем опыте. Как же тогда разрешить проблему и не допустить полного эпистемического коллапса, в котором прекращается как функционирование языка, так и успешное осуществление какой-либо познавательной деятельности вообще?

Формулируя вслед за Витгенштейном иной, отличный от прямого, способ решения проблемы следования правилу, Крипке вновь ссылается на Юма, обращая наше внимание на то, что в *«Исследовании о человеческом познании»* шотландский философ говорит как раз о *скептическом разрешении* своих сомнений[1]. Ввиду того что юмовский вариант решения скептической проблемы, по мысли Крипке, явно подобен витгенштейновскому, он предлагает и результаты исследований Витгенштейна по данному вопросу также назвать скептическим решением проблемы, закрепляя таким образом идейную связь Витгенштейна и Юма. Скептический подход к разрешению скептических сомнений относительно познавательной деятельности состоит в смещении исследовательского акцента с поиска ошибок в рассуждении скептика на поиск новой формулировки принципов функционирования познания.

Так, Юм предлагал следующий выход из затруднения, вызванного скептической аргументацией. Пусть наше знание, основанное на индукции, никогда не является абсолютно достоверным, но это не мешает осуществлению всего многообразия практической деятельности человека в мире, ибо такая деятельность и не требует предельного уровня достоверности. Познающий субъект ничего не знает наверняка, но это не дискредитирует его, ибо познание, во-первых, по сути не может быть достоверным, и во-вторых, что самое главное, человек вовсе не нуждается в достоверных знаниях. Вот как сам Юм формулирует свою позицию в «*Трактате о человеческой*

[1] *Юм Д.* Исследование о человеческом познании // Юм Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1996. Т. 2. – С. 34–48.

природе»: «Если бы меня спросили теперь, искренне ли мое согласие с аргументом, который я, по-видимому, так стараюсь внедрить, и действительно ли я принадлежу к числу скептиков, считающих, что все недостоверно и наш рассудок *ни к чему* не может применять *никаких* мерил истинности и ложности, то я ответил бы, что вопрос этот совершенно излишен и ни я, ни кто-либо другой никогда не придерживался этого мнения искренне и постоянно. Природа в силу абсолютной и непреложной необходимости предписала нам высказывать суждения, так же как она предписала нам дышать и чувствовать, и мы столь же мало можем воздержаться от того, чтобы представить некоторые объекты в более отчетливом и ясном виде в силу их привычного соединения с некоторым наличным впечатлением, как и от того, чтобы мыслить, когда мы находимся в состоянии бодрствования, и видеть окружающие нас тела, когда мы обращаем на них взор при ярком солнечном свете. Всякий, кто старался опровергнуть ухищрения этого *полного* скептицизма, на самом деле спорил с несуществующим противником и пытался установить с помощью аргументов наличие такой способности, которую природа с самого начала вселила в наш ум, сделав ее необходимой для нас»[1].

Невозможность достижения достоверного знания не означает, по Юму, что мы в соответствии с принципами античных скептиков должны отказаться от каких-либо суждений о вещах и событиях, фиксируемых в опыте. Наши суждения и наша убежденность в их истинности или ложности остаются в силе, как и раньше. После проведения скептического рассуждения мы должны принять лишь одну поправку: мы имеем в своем распоряжении не истины, а, скорее, то, что мы называем «истинами». Тем не менее этого вполне достаточно для успешного осуществления нашей жизнедеятельности.

В плане общего стратегического замысла витгенштейновское решение эпистемологической коллизии относительно следования правилу оказывается точно таким же. Вывод о том, что слова языка не имеют значений, ибо не связываются с какими-либо устойчивыми правилами в неограниченных случаях их употребления, не должен приводить нас к ошеломительному агностицизму, в котором бы утверждалась смерть языка и полная потеря ориентации в практиче-

---

[1] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм. Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – С. 235.

ской жизни. Скорее, следует изменить наш взгляд на сам принцип функционирования языка. Язык не работает по-августиновски (см. § 1 «Философских исследований»), то есть его выражения вовсе не являются своего рода ярлыками, которые были бы призваны отсылать к каким-либо устойчивым сущностям (и лингвистический платонизм, с которым спорит Витгенштейн, является в данном случае разновидностью августинианского образа языка). Слова не имеют значений в августиновском смысле, но от этого язык не умирает, ибо его успешное функционирование и не нуждается в такого рода значениях.

Крипке трактует Витгенштейна как предлагающего скептический выход из скептического затруднения. Язык не нуждается в концепте стабильного значения. Слова языка не имеют в качестве значений универсальные сущности, которые содержали бы в себе правила употребления, задающие стабильную связь слов и вещей. Язык вообще не предназначен для того, чтобы именовать вещи. Назначение языка состоит в обеспечении успешной коммуникации между субъектами в процессе совместной деятельности, а для этого, по мысли американского логика, достаточно иметь лишь имитацию устойчивого референциального отношения, которая держится на иллюзии правила-значения.

Как же создается иллюзия значения и как формируется имитация устойчивого референциального отношения языка и мира? Специфика скептического решения Крипке состоит в утверждении уже упоминавшейся нами ранее коммуникативной стратегии в интерпретации способа функционирования языка. Язык может успешно функционировать только как социальное явление. Именно совместная речевая практика членов лингвистической группы приводит к тому, что постепенно формируются убеждения об устойчивых правилах употребления языковых выражений, порождающих необходимую для успешной коммуникации иллюзию значений.

На страницах работы «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» Крипке демонстрирует скептическое решение скептического затруднения относительно следования правилу сразу на двух уровнях, зачастую смешивая их между собой. Рассмотрим последовательно каждый из двух аспектов этой демонстрации.

Атомарный уровень демонстрации скептического решения касается формирования значений отдельных слов и выражений. Агент речи постоянно находится в коммуникации с другими членами со-

общества и наблюдает за тем, как и в каких случаях употребляется то или иное выражение языка. Скептическое решение предполагает, что скептический тезис неопровержим, поэтому на самом деле у слова нет никакого стабильного, универсального значения, которое бы содержало в себе правило его употребления для неограниченного числа случаев. Однако в процессе совместной коммуникативной практики возникает впечатление стабильности, которое генерируется постоянно подпитывающимся взаимным согласием между членами лингвистической группы относительно корректности употребления того или иного выражения. Скептик утверждает, что реально не существует однозначно определенного значения слова «дерево». Но в процессе многократного наблюдения за тем, как употребляют это слово другие члены сообщества, в процессе фиксации того, что они считают корректным употреблением, в процессе восприятия определенной репрессирующей функции сообщества, указывающей на ошибки в употреблении и задающей надлежащий путь лингвистической активности, агент речи постепенно формирует в себе более-менее отчетливый образ значения данного слова, он в общих чертах понимает, когда, при каких обстоятельствах и как следует его использовать. Сам Крипке говорит об этом следующим образом: «Скептическое решение Витгенштейном своей проблемы зависит от согласия и проверяемости – от способности человека проверить, использует ли другой человек термин так, как использует его он. Каким образом осуществляется это согласие в нашей собственной форме жизни? В случае термина типа 'стол' ситуация, по крайней мере в элементарных случаях, проста. О ребёнке, который говорит 'стол' или 'Это – стол', когда взрослые находят стол в поле зрения (и не говорит так в противных случаях), говорится, что он овладел термином 'стол'. Основываясь на своем наблюдении, он говорит 'Это – стол' в согласии с употреблением взрослых, которые основываются на своих наблюдениях. То есть в подобных обстоятельствах они говорят: 'Это – стол' и подтверждают корректность того, что произносит ребёнок»[1].

То же касается и ситуации с самым распространенным в тексте Крипке примером из области языка арифметики. Мы должны согласиться со скептическим тезисом, в котором утверждается, что у нас

[1] *Крипке С.* Указ. соч. – С. 93.

даже по отношению к своему собственному словоупотреблению нет возможности однозначно определить, что означает знак «+» – арифметическую функцию плюс или квус. Однако в процессе многократной совместной лингвистической деятельности мы, производя арифметические вычисления, в которых фигурирует знак «+», и получая положительные отклики от других членов лингвистического сообщества относительно корректности предоставляемых нами результатов, укрепляем в себе уверенность в том, что мы подразумеваем под «+» именно то, что подразумевают и другие. И если они считают значением данного знака функцию сложения, то и мы убеждаем себя в том, что связываем в своих употреблениях знак «+» именно с данной арифметической операцией.

При этом Крипке все время подчеркивает, что скептическое решение подвергает инверсии наши привычные представления о функционировании языка. Мы не потому выдаем ответ 125 на вопрос «68+57=?», что подразумеваем под «+» сложение. Скорее мы тешим себя иллюзией, что подразумеваем под «+» сложение потому, что обычно отвечаем на данный вопрос 125, то есть именно так, как отвечают на него подавляющее большинство участников нашей математической языковой игры, которые убеждены, что подразумевают под «+» именно сложение.

На молекулярном уровне за анализируемую семантическую единицу принимается значение не отдельного слова или выражения, а предложения языка, которое содержит ту или иную пропозицию. И в данном случае Крипке трактует представление о значении предложений, выраженное в «Философских исследованиях», как переход от традиционной семантики условий истинности к семантике условий утверждаемости или обоснованности. Причем обе данные концепции значения предложения, по мысли американского логика, ярче всего в традиции аналитической философии представлены как раз у Витгенштейна: одна в ранний период его творчества, другая – в поздний.

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн занимается разработкой так называемой изобразительной теории языка, построенной на идее логического изоморфизма языка и мира. Предполагается, что выраженная в предложении пропозиция на лингвистическом уровне повторяет или изображает тот или иной факт. И если данный факт, представление о котором фиксируется в предложении, действительно имеет место в мире, в таком случае это предложение

признается истинным, и наоборот. Значение предложения состоит в пропозиции, в которой зафиксированы условия истинности данного предложения. В этой пропозиции изображен факт, наличие которого в мире делает предложение истинным. Таким образом, с точки зрения условие-истинностной концепции значения, чтобы вынести суждение об истинности или ложности того или иного предложения, всегда необходимо обращаться к экстралингвистической реальности, фиксируя в ней наличие или отсутствие фактов, изображенных в языке.

Однако после формулировки скептического сомнения относительно следования правилу и вытекающего отсюда сомнения относительно стабильности значений языковых выражений условие-истинностная концепция значения оказывается не у дел, с ее помощью больше невозможно обосновать истинность или ложность того или иного предложения. Дело не в том, что не существует такого факта-в-мире, который изображен в предложении «Джонс подразумевает под '+' плюс». Если бы это было так, то мы, используя условие-истинностную концепцию значения, признали бы данное предложение ложным. Дело в том, как утверждает скептик, что в силу радикальной семантической неопределенности входящих в это предложение выражений мы никогда не сможем точно сказать, имеет место этот факт или нет. В таком случае само обращение к поиску наличия или отсутствия фактов в экстралингвистической реальности теряет всякий смысл. С его помощью больше невозможно обосновать истинность или ложность предложения языка.

Выход, по мысли Крипке, состоит в формулировке новой семантической теории, в которой иным образом трактуется связь между значением предложения и его истинностью. При обосновании истинности предложения в семантике условий утверждаемости нет нужды обращаться к поиску тех или иных реальных фактов. Пропозиция, выраженная в предложении, будет считаться истинной тогда, когда подавляющее большинство речевых агентов лингвистической группы будут расценивать ее как истинную, правильную, соответствующую реальности. Никакого действительного соответствия здесь исходя из результатов скептического сомнения, конечно, нет. Однако единодушное согласие среди участников коммуникации, утверждающих истинность данного предложения, будет рождать вполне приемлемую для стабильного функционирования лингвистического сообщества иллюзию соответствия. Таким образом, с точки зрения

семантики условий утверждаемости предложение «Джонс подразумевает под '+' плюс» в коммуникативном пространстве, скажем, трех носителей языка A, B, C будет истинным тогда, когда и A, и B, и C будут утверждать его истинность. В свою очередь, исследование условий утверждаемости как условий истинности теперь будет нацелено не на поиск фактов в экстралингвистической реальности, а на экспликацию социально-психологических факторов, возникающих в лингвистическом сообществе, которые склоняют агента речи к признанию истинности данного предложения.

§ 2. Умеренное решение проблемы следования правилу на основании принципов формального реализма

С. Крипке предположил, что существует только два возможных варианта решения проблемы следования правилу: прямое и скептическое. Однако, следуя принципам формального реализма, мы можем поставить под сомнение эту жесткую альтернативу. Формальный реализм говорит о том, что существует третье решение проблемы следования правилу, которое можно было бы назвать «умеренным». Суть умеренного решения сводится к следующему. Даже несмотря на то, что мы не обладаем достаточными эпистемическими ресурсами, чтобы представить полное прямое решение проблемы, мы можем с уверенностью заявить, что скептическое решение не верно. Подводя аргументацию скептика под более общие положения антиреализма, а затем применяя к антиреалисту аргумент от автореферентности патнемовского типа, мы демонстрируем логическую противоречивость скептического решения.

Кроме того, на основании результатов критического анализа процедуры фиксации успешности коммуникативного акта, разрабатываемой в теории языковых игр и касающейся проблемы следования правилу в частности, мы утверждаем эпистемологическую нереализуемость такой процедуры, а значит, и скептического решения рассматриваемой проблемы.

Логическая несостоятельность антиреалистской скептической позиции демонстрируется не посредством прямого ответа, показывающего ошибочность скептического рассуждения, а скорее посредством указания на абсурдность тех следствий, которые должен принять тот, кто разделяет позицию скептика. Скептическое рассужде-

ние изживает самое себя. Оно не может быть выражено в форме теории вообще, то есть в форме определенной совокупности тезисов с фиксированным содержанием, истинность которых подтверждается соответствующей суммой аргументов. Теория, в которой утверждается, что стабильность и определенность значений языковых выражений являются иллюзией, порождаемой практиками употребления, сама иллюзорна, ибо термины, с помощью которых данная теория сформулирована, не имеют определенных значений. Теория, в которой утверждается, что соответствие предложения «Джонс подразумевает под '+' плюс» факту действительности является иллюзией, сама иллюзорна. Если истинность предложений языка должна трактоваться только как их утверждаемость в лингвистической практике, поскольку термины, составляющие данные предложения, не имеют стабильных значений, то точно так же должны трактоваться и предложения теории об истине как условиях утверждаемости. Неверно говорить, что истина состоит в условиях утверждаемости, скорее имеют место лишь лингвистические привычки, которые порождают иллюзию об истине как утверждаемости.

В методическом плане умеренное решение проблемы следования правилу использует способ обоснования «от противного», характерный для Фреге. Как Фреге утверждал, что если наука существует, то необходимо допустить схватывание объективных универсальных содержаний[1], так и мы, следуя принципам формального реализма, формулируем более объемлющее условное суждение: если теоретическое мышление вообще возможно, то мы должны допустить возможность познания значений как общих концептов.

Витгенштейнианец для рассуждения, подобного фрегевскому, мог бы припасти соответствующий контраргумент, заявляя, что никакой науки на самом деле и нет. Имеет место лишь впечатление о существовании науки, и Витгенштейн нам показывает, как такое впечатление создается. Этот аргумент можно было бы попытаться использовать и для критики в адрес формального реализма. Однако тот уровень всеобщности, который выражен в нашем условном суждении, способен, как нам представляется, побороть Витгенштейна. Если теоретическое мышление вообще есть лишь иллюзия, то нет и никакой витгенштейновской позиции. Его "позиция" уничтожает самое

---

[1] *Фреге Г.* Логические исследования. Томск: Водолей, 1997. – С. 37.

себя, она перестает быть позицией Но если она перестает быть позицией о том, что не существует универсальных содержаний в познании, тогда что вообще говорит Витгенштейн? С чем мы пытаемся спорить?

П. Хорвич[1] высказывает такой же аргумент, только в «зеркальном» отображении. Он говорит, что у Витгенштейна – Крипке есть позиция, но она противоречит своему собственному содержанию. Истинность тезиса об истинности предложения как условиях его утверждаемости в лингвистической практике демонстрируется корреспондентно. Именно в таком виде данный тезис представляет собой внятное теоретическое построение. И вот на этот аргумент, в отличие от аргумента Фреге, у витгенштейнианца уже не будет ресурсов для ответа.

Рассуждение Хорвича аналогично нашему. Мы разделяем его позицию по сути, но не можем согласиться относительно ее именования. Хорвич поспешил назвать такую линию аргументации прямым решением проблемы следования правилу. Но здесь нет прямого решения. Мысль Хорвича, как и наша, скорее деструктивна. Формальный реализм утверждает, что рассуждать так, как это делает скептик, абсурдно. Однако специфика нашей концепции заключается том, что она не ставит перед собой задачу нахождения аргументативных ресурсов для того, чтобы признать, что рассуждение платоника истинно. Формальный реализм дает только умеренное решение: несмотря на то что мы не обнаруживаем средств для экспликации опыта интеллектуальной интуиции, в котором происходит схватывание универсальных концептов, мы утверждаем, что теории, пытающиеся описать процесс познания без обращения к таким концептам, несостоятельны.

Умеренное решение носит по большей части негативный характер. Оно нацелено на критику скептического решения проблемы следования правилу как на одно из наиболее радикальных проявлений эпистемологического скептицизма и антиреализма в современной философии. Вместе с тем критика подобного рода в качестве следствия имеет и позитивное содержание. Умеренное решение выступает обоснованием необходимости дальнейших эпистемологических исследований, руководствующихся реалистскими принципами познания, настаивает на продолжении поисков прямого решения проблемы.

---

[1] *Horwich P.* Meaning. Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 222–223.

Таким образом, умеренное решение проблемы следования правилу представляет собой демонстрацию эффективности применения системы формального реализма для рассмотрения конкретных эпистемологических вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формальный реализм именуется «формальным» ввиду того, что его основная задача состоит не в подробной содержательной экспликации процесса познания объективной реальности, а только в формальном утверждении существования этого процесса. Формальный реализм настаивает на том, что любые проявления антиреалистского дискурса, в которых утверждается, что процесс познания никогда не заканчивается достоверным знанием о реальности самой по себе, являются логически противоречивыми и эпистемологически несостоятельными. Формальный реализм трактует познание как рациональную деятельность, которая не мыслима вне регулятивных идей объективной истины и необходимого знания.

Основываясь на исследованиях по философии языка, система формального реализма утверждает, что избежать релятивизации знания можно только при допущении рационального схватывания универсальных концептов в качестве значений языковых выражений, ибо только в этом случае значение будет полностью стабилизировать референциальную область знака, и агент речи сможет полностью отдать себе отчет в том, что значат слова, которые он произносит. Отсюда становится ясным, что формальный реализм не представляет собой проявление редуцированного научного реализма в смысле физикализма, а трактует реальность более широко, а именно как то, что включает в себя сферу универсальных сущностей. Формальный реализм есть бессодержательный платонизм. Однако именно такая система взглядов способна выступить фундаментом для реализма содержательного, т.е. для тех онтоэпистемологических концепций, в которых будет эксплицироваться процесс рационального познания объективной реальности, включающей в себя сферу универсальных сущностей.

Эвристическая функция формального реализма состоит в том, чтобы проводить экспертизу и давать оценку тенденциям развития онтоэпистемологической проблематики. Так, с точки зрения формального реализма может быть сделан вывод о дальнейших перспективах развития семантических исследований в традиции аналитической философии. Причем данный вывод будет носить не фактический, а скорее нормативный характер, т.е. здесь следует говорить не о том, какими фактически окажутся семантические теории в будущем, а о том, какими они должны быть. Если исходя из фактического положения дел в современной аналитической традиции мы могли бы констатировать дальнейшее развитие антиреалистских программ, то исходя из тезиса о логической несостоятельности антиреализма мы должны утверждать необходимость переориентации будущих семантических проектов аналитической философии на те пути развития, которые ведут к утверждению реалистской онтологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 1.

2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч 1. – С. 5–73.

3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–319.

4. *Вострикова Е.В.* Реальность значения. Рецензия на книгу В.А. Ладова "Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии (Томск, 2008) // Философия науки. – 2009. – № 1 (40) – С. 189.

5. *Грязнов А.Ф.* Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Изд-во Московского университета, 1991.

6. *Гудмен Н.* Факт, фантазия и предсказание // Гудмен Н. Способы создания миров – М.: Идея-пресс; Праксис, 2001.

7. *Даммит М.* Что такое теория значения? (I) // Логика, онтология, язык. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 93–135.

8. *Джеймс У.* Прагматистский взгляд на истину и его неверные толкования. // Джеймс. У. Воля к вере. – М.: Республика, 1997.

9. *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. – М., 2003.

10. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 8 т. – М., 1994. – Т. 3.

11. *Клайн М.* Математика. Утрата определенности. – М.: Мир, 1984.

12. *Козлова М.С.* Идея 'языковых игр' // Философские идеи Людвига Витгенштейна / Под ред. М.С. Козловой. – М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996. – С. 5–24.

13. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

14. *Куайн У.* О том, что есть // Куайн У. С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 7–23.

15. *Куайн У.В.О.* Заметки по теории референции // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 124–131.

16. *Ладов В.А.* Антиреализм позднего Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 68–75.

17. *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.

18. *Ладов В.А.* Критика универсалистской семантики в теории значения Витгенштейна – Крипке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». – 2006. – Т. 4, вып. 1. – С. 18–22.

19. *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXII, № 1. – С. 84–97.

20. *Ладов В.А.* Понятие 'производная интенциональность' в современной американской философии // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 87–91.

21. *Ладов В.А.* Проблема критериев успешности коммуникативного акта // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 205–210.

22. *Ладов В.А.* Проблема следования правилу: поиски прямого решения // Философия науки. – 2006. – № 4 (31). – С. 134–152.

23. *Ладов В.А.* Философия языка Д. Дэвидсона в контексте онтологической проблематики // Философия науки. – 2009. – № 4 (43). – С. 12–23.

24. *Ладов В.А.* Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11–23.

25. *Ладов В.А.* Эпистемологические коллизии теории диспозиций // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология. Культурология». – 2005. – № 287, июнь. – С. 49–56.

26. *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Соч.: В 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

27. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнема. – М.: ИФРАН, 1996.

28. *Остин Д.* Избранное. – М., 1999.

29. *Пассмор Д.* Современные философы. – М.: Идея-Пресс, 2002.

30. *Пассмор Д.* Сто лет философии. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.

31. *Патнем Х.* Значение 'значения' // Патнем Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–234.

32. *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.

33. *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998.

34. *Рассел Б.* История западной философии. – М.: Миф, 1993.

35. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.

36. *Рассел Б.* Об обозначении // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 7–22.

37. *Серл Д.* Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: ДИК, 1998. С. 376–400.

38. *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. – Долгопрудный: Алетро-Пресс, 1994.

39. *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

40. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Скептик, или к бессмыслице и обратно // Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. – М.: Канон+, 2007. – С. 203–230.

41. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 90–129.

42. *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики: В 3 т. – Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005.

43. *Фихте И.* Сочинения. – М., 1995.

44. *Головко Н. В.* Научный реализм и истина: от объектного реализма к оправданию иронической науки // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2007. – № 1. – С. 77–86.

45. *Головко Н. В.* Реализм «без истины»: теоретический прогресс и метафизика // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1. – С. 3–6.

46. *Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки / Сост. А. А. Печенкин. – М.: Логос, 1996. – С. 40–61.

47. *Поппер К.* Реализм и цель науки // Современная философия науки / Сост. А. А. Печенкин. – М.: Логос, 1996. – С. 92–106.

48. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1997.

49. *Фреге Г.* Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.

50. *Фреге Г.* Основоположения арифметики. – Томск: Водолей, 2000.

51. *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей // Философия языка / Под ред. Дж. Р. Серла. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

52. *Целищев В.В.* Возможна ли иррациональная математика // Философия науки. – 2000. – № 1 (7). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/7_00/tselichev.htm, свободный.

53. *Целищев В.В.* Философия математики. – Новосибирск: Наука, 2002. – Ч. 1.

54. *Юлина Н.С.* Очерки по философии в США. XX век. – М.: Едиториал УРСС, 1999.

55. *Юм Д.* Исследование о человеческом познании // Юм. Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2.

56. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм. Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1.

57. *Apel K.-O.* Intentions, Conventions, and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and in Analytic Philosophy of Language // Meaning and Understanding / Ed. H. Parret and J. Bouveresse. – Berlin; New York, 1981. – P. 91.

58. *Appiah A.* Representations and Realism // Philosphical Studies. – 1991. – Vol. 61. – P. 5–74.

59. *Ayer A. J.* Wittgenstein. – New York: Random House, 1985.

60. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* On Misunderstending Wittgenstein: Kripke's Private Language Argument // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. – Oxford: Clarendon Press, 2001.

61. *Balaguer M.* Platonism and Antiplatonism in Mathematics. – Oxford: Oxford University. Press, 1998.

62. *Bays T.* Two Arguments Against Realism // Philosophical Quarterly. – 2008. – Vol. 58. – P. 193–221.

63. *Benacerraf P.* Skolem and the Sceptic // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1985. – Suppl. Vol. LIX. – P. 85–113.

64. *Bergsrom L.* Underdetermination and Realism // Erkenntnis. – 1984. – Vol. 21. – P. 349–365.

65. *Bertolet R.* Realism Without Truth // Analysis. – 1988. – Vol. 48. – P. 195–198.

66. *Bigelow J.* Skeptical Realism: A Realist's Defense of Dummett // Monist. – 1994. – Vol. 77. – P. 3–26.

67. *Blackburn S.* Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language. – Oxford, 1984.

68. *Boyd R.* Realism, Underdetermination and the Causal Theory of Evidence // Nous. – 1973. – Vol. 7. – P. 1–12.

69. *Boyd R.* The Current Status of Scientific Realism / Scientific realism. Ed. by J. Leplin. – Berkeley: University of California Press, 1984. – P. 41–82.

70. Boyd R. What Realism Implies and What It does Not // Dialectica. – 1989. – Vol. 43. – P. 5–29.

71. *Brown C.* Internal Realism: Transcendental Idealism? / Midwest Studies in Philosophy: Realism and Antirealism. Ed. by P. French, T. Uehling and H. Wettstein. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – P. 145–155.

72. *Brueckner A.* If I Am a Brain in a Vat, Then I Am Not a Brain in a Vat // Mind. – 1992. – Vol. 101. – P. 123–128.

73. *Burge T.* Individualism and the Mental // Midwest Studies in Philosophy. – 1979. – Vol. 4. – P. 73–122.

74. *Carney J. D., Fitch G.W.* Can Russell Avoid Frege's Sense? // Mind. – 1979. – Vol. LXXXV111. – №351. – P. 384–393.

75. *Carruthers P.* Ruling-Out Realism // Philosophia (Israel). – 1985. – Vol. 15. – № 9. – P. 61–78.

76. *Chomsky N.* Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use. – New York: Praeger Publishers, 1986.

77. *Church A.* Introduction to Mathematical Logic. – Vol. 1. – Princeton, 1956.

78. *Clendinnen F.* Realism and the Underdetermination of Theory // Synthese. – 1989. – Vol. 81. – P. 63–90.

79. *Davidson D.* Reality Without Reference // Dialectica. – 1977. – Vol. 31. – P. 247–258.

80. *Devitt M.* Realism and Truth. – Princeton: Princeton University Press, 1997.

81. *Devitt M.* The Methodology of Naturalistic Semantics // Journal of Philosophy. – 1994. – Vol. 91. – P. 545–572.

82. *Diamond C.* Realism and Realistic Spirit. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

83. *Dummett M.* Frege. Philosophy of Language. – New York; Evanston, San-Francisco, London, 1973.

84. *Dummett M.* Realism and Anti-Realism // Dummett M. The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 462–478.

85. *Dummett M.* The Logical Basis of Metaphysics. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991.

86. *Dummett M.* Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Dummett M. Truth and Other Enigmas. – London: Routledge, 1978. – P. 166–185.

87. *Dummett M.* Realism // Synthese. – 1982. – Vol. 52. – P. 55–112.

88. *Ebbs G.* Rule-following and Realism. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997.

89. *Engel P.* The Norm of Truth: An Introduction to the Philosophy of Logic. – Toronto, 1991. – P. 128–129.

90. *Evnine S.* Donald Davidson. – Stamford, California: Stanford University Press, 1991.

91. *Field H.* Realism and Relativism // Journal of Philosophy. – 1982. – Vol. 79. – P. 533–567.

92. *Fine A.* And Not Antirealism Either // Fine A. The Shake Game: Einstein, Realism, and the Quantum Theory. – Chicago: The University of Chicago Press, 1986. – P. 136–150.

93. *Fine A.* Piecemeal Realism // Philosophical Studies. – 1991. – Vol. 61. – P. 79–96.

94. *Finkelstein D.H.* Wittgenstein on Rules and Platonism // The New Wittgenstein. – London: Routledge, 2000. P. 53–73.

95. *Follesdal D.* Reference and Sense // Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy, Monreal, August 21–27, 1983). Editions Montmorency Monreal, 1986. – P. 229–239.

96. *Follesdal D.* Referential Opacity and Modal Logic, Dissertation. – Harvard, 1961.

97. Forest P. Why Most of Us Should Be Scientific Realists // Monist. – 1994. – Vol. 77. – P. 47–70.

98. *Frege G.* Philosophical and Mathematical Correspondence. – Oxford: Basil Blackwell, 1980.

99. *Grice P.* Studies in the Way of Words. – Cambridge, Mass, 1989.

100. *Haack S.* Realism // Synthese. – 1987. – Vol. 73. – P. 275–299.

101. *Harré R., Krausz M.* Varieties of Relativism. – Oxford: Blackwell, 1996.

102. *Hempel C.* A Note on Semantic Realism // Philosophy of Science. – 1950. – Vol. 17. – P. 169–173.

103. *Horwich P.* Meaning. Oxford: Oxford University Press, 1998.

104. *Johnsen B.* Of Brains in Vats, Whatever Brains in Vats Might Be // Philosophical Studies. – 2003. - Vol. 112. – P. 225–249.

105. *Katz J J.* The Metaphysics of Meaning. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.

106. *Kim J.* Rorty on the Possibility of Philosophy // Journal of Philosophy. – 1980. – Vol. 77. - P. 588–597.

107. *Kripke S.A.* Identity and Necessity // Identity and Individuation. – New York: New York University Press, 1971. – P. 135–164.

108. *Kripke S.A.* Naming and Necessity. - Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

109. *Ladyman J.* What is Structural Realism? // Studies in History and Philosophy of Science. – 1998. - Vol. 29A. – P. 409–424.

110. *Lowe E.* The Metaphysics of Abstract Objects // Journal of Philosophy. – 1995. – Vol. 92. – P. 509–524.

111. *Maddy P.* The Roots of Contemporary Platonism // Journal of Symbolic Logic. – 1989. – Vol. 54. – P. 1121–1144.

112. *McDowell J.* Meaning, Knowledge and Reality. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

113. *McIntyre J.* Putnam's Brains // Analysis. – Vol. 44. – 1984. – P. 59–61.

114. *Nagel E.* Science and Semantic Realism // Philosophy of Science. – 1950. – Vol. 17. – P. 174–181.

115. *Putnam H.* Meaning and Reference // Journal of Philosophy. – 1973. – Vol. 70. – P. 699–711.

116. *Putnam H.* Models and Reality // Journ. of Symbolic Logic. – 1980. – Vol. 45 – № 3. – P. 464–482.

117. *Quine W.V.O.* World and Object. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.

118. *Ritchie J.* Structural Realism and Davidson // Synthese. – 2008. – Vol. 162. – P. 85–100.

119. *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // The Philosophical Quarterly. 1995.– Vol. 45. – No 180, Jul. – P. 281–300.

120. *Sankey H.* Hilary Putnam's Internal Realism // Cogito. – 1998. – Vol. 12. – P. 33–39.

121. *Searle J.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

122. *Searle J.* Speech Acts. – Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1969.

123. *Sosa E.* Putnam's Pragmatic Realism // Journal of Philosophy. – 1993. – Vol. 90. – P. 605–629.

124. *Stein H. Yes*, But. ...Some Skeptical Remarks on Realism and Anti-Realism // Dialectica. – 1989. – Vol. 43. – P. 47–65.

125. *Steinitz Y.* Brains in a Vat: Different Perspectives // The Philosophical Quarterly. – 1994. – Vol. 44. – P. 213–222.

126. *Taylor B.* Models, Truth and Realism. – Oxford: Oxford University Press, 2006.

127. *Wilson G.M.* Semantic Realism and Kripke's Wittgenstein // Philosophy and Phenomenological Research. – 1998. – 58 (1). – P. 99–122.

128. *Wilson N.* Substance without Substrata // Review of Metaphysics. – 1959. – 12. – P. 521–539.

129. *Wittgenstein L.* Zettel. - Oxford: Blackwell, 1967.

130. *Wright C.* Kripke's Account of the Argument Against Private Language // Journal of Philosophy. – 1984. – 81. – P. 759–778.

131. *Wright C.* Skolem and the Sceptic // Wright C. Rails to Infinity: Essays on Themes from Wittgenstein's Philosophical Investigations. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2001. – P. 381–402.

132. *Wright C.* Truth and Objectivity. – Harvard: Harvard University Press, 1992.

133. *Wright C.* Realism, Antirealism, Irrealism, Quasi-Realism / Midwest Studies in Philosophy: Realism and Antirealism. Ed. by P. French, T. Uehling and H. Wettstein. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – P. 25–49.

134. *Zalabardo J.L.* Rules, Communities and Judgement // Critica. – 1989. – 21 (63). – P. 33–58.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

I. **Специфика философского анализа языка** 6

II. **Основная онтологическая оппозиция: реализм/антиреализм** 9

III. **Онтологическая проблематика в аналитической философии** 16

IV. **Формальный реализм как философская система** 68

V. **Логические основания формального реализма** 84

VI. **Эпистемологические основания формального реализма** 101

VII. **Формальный реализм в действии** 108

Заключение 122

Литература 124

Научное издание

Всеволод Адольфович Ладов

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

Редактор Н.А. Сидорова
Оригинал-макет Т.В.Дьяковой

Подписано в печать 27.07.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ. л. 8,25;
усл. печ. л. 7,8; уч.-изд. л. 8,2. Тираж 300 экз. Заказ № 508

ООО «Издательство ТГУ», 634029, ул. Никитина, д. 4
ООО «Издательство «Иван Федоров», г. Томск, ул. Р. Люксембург, 115/1.